

18+

ПЕНЕЛОПА
ДУГЛАС
КУРОК

Испытания находят нас, чтобы мы стали теми, кем должны. УИНТЕР

Я получаю все, что захочу. ДЭЙМОН

#NewRomance

Пенелопа Дуглас

Курок

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Дуглас П.

Курок / П. Дуглас — «Издательство АСТ»,
2019 — (#NewRomance)

ISBN 978-5-17-121144-8

Уинтер с ужасом ждала того момента, когда Дэймон – человек, которого она отправила в тюрьму, – выйдет на свободу. Женившись на ее сестре, он только начал реализовывать свой жестокий план мести. Когда-то давно Уинтер доверилась незнакомцу, и он предал ее. Но, возможно, настало время сделать новые выводы из старых ошибок.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-121144-8

© Дуглас П., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора:	6
Плейлист:	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	75
Глава 8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Пенелопа Дуглас

Курок

Copyright © 2019 Penelope Douglas

© Анна Ли, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

От автора:

Обычно я не добавляю предисловие, но так как это третья часть серии «Ночь дьявола», мне бы хотелось предупредить читателей. «Ночь дьявола» является серией в том смысле, что каждая ее часть повествует о разных парах и охватывает новые сюжетные линии, и в то же время она превратилась в своего рода сагу. Главные персонажи играют значительную роль в каждой из книг, их объединяют общая история и тайны. Перед прочтением «Курка» рекомендуется прочитать «Испорченного», а затем «Убежище», чтобы познакомиться со всеми персонажами и сопоставить все интересные факты – тогда вам будет легче понять и увидеть полную картину.

Если вы уже ознакомились с «Испорченным» и «Убежищем», значит – вперед, приятного чтения! Если нет – бегом в книжные магазины.

Плейлист:

«37 Stitches» Drowning Pool
«And the World Was Gone» Snow Ghosts
«Bad Company» FFDP
«Beggin for Thread» Banks
«Black Magic Woman» VCTRY5
«Bloodletting (The Vampire Song)» Concrete Blonde
«Cannibal Song» Ministry
«Cry Little Sister» Marilyn Manson
«Dark Paradise» Lana Del Rey
«Deathwish» Red Sun Rising
«Don't Say a Word» Ellie Goulding
«Fear the Fever» Digital Daggers
«Girls Just Wanna Have Fun» Chromatics
«Go to Hell» KMFDM
«Go to War» Nothing More
«Hater» Korn
«Holy Water» LAUREL
«Human» Rag'n'Bone Man
«Is Your Love Strong Enough» How to Destroy Angels
«Me Against the Devil» The Relentless
«Mouth» Bush
«My Prerogative» Bobby Brown
«Nothing Else Matters» Apocalyptica
«Plastic Heart» Nostalgia
«Season of the Witch» Donovan
«Serenity» Godsmack
«Seven Nation Army (Glitch Mob Remix)» The White Stripes
«Sleep Walk» Santo & Johnny
«S.O.S. (Anything But Love)» Apocalyptica (feat. Cristina Scabbia)
«Something Can Never Have» Nine Inch Nails
«Then He Kissed Me» The Crystals
«Voices» Motionless in White

Посвящается З. Кинг

*Есть причины для того, чтобы все было так, как оно есть.
Брэм Стокер. «Дракула»*

Глава 1

Уинтер

Мои пуанты скользят по деревянному полу, пока я медленно прохожу по длинному коридору, который освещают свечи, расставленные вдоль темных стен. Заламывая пальцы, осматриваюсь. Все двери вокруг закрыты.

Мне не нравится этот дом. Никогда не нравился.

По крайней мере, вечеринки проходят лишь дважды в год – после летних отчетных концертов и в честь ежегодной постановки «Щелкунчика» в декабре. Мадам Делова любит балет и как покровительница моей школы считает, что «одаривает простолюдинов, изредка спускаясь со своей башни, чтобы развлечь нас, деревенщицу, и впустить в свой особняк».

Ну, я однажды случайно подслушала, как это сказала моя мама.

Дом такой огромный – сомневаюсь, что мне когда-нибудь удастся осмотреть каждый его уголок. Он полон вещей, о которых люди постоянно восторженно перешептываются. Но я здесь нервничаю. При любом движении я боюсь что-нибудь сломать. К тому же тут слишком темно. Особенно сегодня, когда комнаты освещены только свечами. Думаю, Мадам хотела создать волшебную атмосферу, под стать ей самой: фарфоровую, идеальную, сюрреалистическую.

Я сжимаю губы, тихо шагаю и, решившись, зову:

– Мама?

Куда же она пропала?

Не знаю, где именно нахожусь и как вернусь на праздник, но я хочу найти маму. Я точно видела, как она поднялась вверх. Думаю, в доме есть и третий этаж, но лестницу я не нашла. Зачем ей подниматься сюда? Ведь все гости внизу.

Я крепче стискиваю зубы и все дальше ухожу от банкетного зала. Света здесь меньше, голоса и музыка затихают, тихий мрак коридора постепенно поглощает меня.

Мне нужно вернуться. Она все равно разозлится из-за того, что я пошла за ней.

– Мам? – снова зову я. Костюм и колготки, в которых я провела целый день, неприятно натирают кожу. – Мама?

– Твою мать, что с тобой такое? – кричит кто-то.

Я подскакиваю от неожиданности.

– Всем неловко рядом с тобой, – продолжает мужчина. – Ты просто стоишь на месте! Мы это уже обсуждали.

Заметив свет из приоткрытой двери, я крадусь ближе. Сомневаюсь, что мама там. Люди на нее не кричат.

И все же, вдруг она в той комнате?

– Что происходит в твоей голове? – рявкает мужчина. – Разве ты не можешь говорить? Совсем? Никогда?

Ему никто не отвечает. На кого он злится?

Прильнув к дверному проему, я заглядываю внутрь.

Поначалу не вижу ничего, кроме золота. Желтоватый свет золотой лампы отражается от позолоченного канцелярского набора. Но затем, сдвинувшись немного левее, с бешено колотящимся в груди сердцем, замечаю мужа Мадам – мистера Торренса. Он стоит у своего стола, тяжело дыша, сжав челюсти, и смотрит на кого-то.

– Господи Иисусе, – с презрением бросает мистер Торренс. – Мой сын! Наследник!.. Твой гребаный рот может хоть одно слово проронить? Тебе достаточно сказать: «Здрав-

ствуйте» и «Спасибо, что пришли». Ты не способен ответить, даже когда тебе задают простые вопросы. Что с тобой не так, черт побери?

Мой сын. Мой наследник.

Я осторожно приседаю, а потом выпрямляюсь, пытаюсь разглядеть второго человека из-за двери, но ничего не вижу. У Мадам и мистера Торренса есть сын. Правда, мы с ним редко встречаемся. Он ровесник моей сестры, только учится в католической школе.

– Говори! – вновь гремит его отец.

Резко вздохнув, я произвольно делаю шаг, однако случайно двигаюсь вперед, а не назад, и задеваю дверь. Та со скрипом раскрывается чуть шире, и я отхожу назад.

О нет.

Я быстро разворачиваюсь, готовясь убежать, но не успеваю. Дверь открывается настежь, свет проливается в коридор, и надо мной нависает высокая тень. Кажется, я сейчас описаюсь, поэтому сжимаю бедра вместе. Медленно повернув голову, вижу мистера Торренса в темном костюме. Его хмурое лицо смягчается, он вздыхает.

– Привет, – говорит мистер Торренс, глядя на меня. Уголки его губ слегка приподнимаются.

Инстинктивно я делаю шаг назад.

– Я... я заблудилась. – Сглотнув, смотрю в его темные глаза. – Вы знаете, где моя мама? Я не могу ее найти.

Вдруг тот, кто был с ним в комнате, с силой распахивает дверь, из-за чего ручка ударяется о стену. Мальчик стремительно пролетает мимо отца, опустив голову. Черные волосы спадают ему на глаза, незатянутый галстук свисает с шеи. Он проносится, даже не взглянув на меня, и бежит вниз по лестнице.

Когда звук шагов затихает, я поворачиваюсь обратно к мистеру Торренсу.

Он улыбается, приседает на корточки, чтобы казаться со мной одного роста. Я отшитаюсь от него.

– Ты – дочь Марго, – произносит мужчина. – Уинтер, верно?

Кивнув, отвожу ногу назад, собираясь отступить еще на шаг.

В этот момент он протягивает руку и приподнимает пальцами мой подбородок.

– У тебя мамыны глаза.

Нет. Никто так не считает. Я вздергиваю голову, чтобы мистер Торренс не трогал меня.

– Сколько тебе лет? – интересуется он.

Муж Мадам снова обхватывает мой подбородок, поворачивает лицо сначала влево, потом вправо, оценивающе разглядывая меня. Его глаза опускаются к моему белому леотарду и пачке, от бедер к ступням. Затем мужчина неспешно поднимает взгляд и заглядывает мне прямо в глаза, но уже не улыбается. Что-то другое появляется в его выражении, пока он пристально смотрит на меня. Не знаю, в чем именно дело, в молчании мистера Торренса, в его внушительном росте или в том, что я больше не слышу звуков праздника, однако, завершив шаг, отстраняюсь еще на несколько сантиметров.

– Мне восемь, – бормочу в ответ, потупив взгляд.

Мне не нужна его помощь, чтобы найти маму. Мне просто хочется уйти отсюда как можно скорее. Он был очень груб со своим сыном. Мои родители не идеальны, но они никогда в жизни так не кричали на меня.

– В будущем ты станешь очень красивой, – добавляет мистер Торренс едва слышно. – Как твоя мама.

После нескольких попыток я наконец-то сглатываю ком в горле.

– Когда я впервые увидел свою жену, – продолжает он, – она была в костюме, очень похожем на твой.

Мне не нужно представлять, как Мадам выглядит в сценических костюмах. По всему дому и студии развешены ее фотографии и портреты.

Еще несколько секунд мистер Торренс не двигается с места, все так же нависает надо мной, не сводя глаз. Я чувствую себя неудобно.

Наконец, он опускает руку и делает вдох, будто очнувшись от забытья.

– Беги играть, – говорит он.

Развернувшись, я бросаюсь бежать туда, откуда только что пришла. Мне приходится оглянуться через плечо еще раз, чтобы удостовериться, что мистер Торренс далеко и не преследует меня. Но он идет дальше по коридору, открывает дверь прямо перед собой и останавливается на мгновение, словно кого-то увидев. Я уже начинаю отворачиваться, когда муж Мадам отходит чуть в сторону в дверном проеме, и замечаю ее.

Мою маму.

Я прищуриваюсь и моргаю, убеждаясь, что это действительно она. Белое нарядное платье, длинные волосы такого же цвета, как мои, игривая улыбка на губах...

Последнее, что я вижу, прежде чем дверь захлопывается, – мама двигается ему навстречу. Щелчок замка эхом разносится вокруг, пока я стою в темном коридоре.

Мне следует уйти. Понятия не имею, что происходит, но думаю, что я не должна ее беспокоить. Развернувшись, сбегая вниз по лестнице, снова пересекаю фойе, направляясь к задней части дома, где проходит вечеринка.

Дверь черного хода открывается, входит официант с подносом, и я выскальзываю на улицу, проношу по вымощенному камнем патио сквозь море взрослых. Меня окружают звуки разговоров; люди смеются, пьют, едят, в то время как в дальнем углу справа флейтистка в светло-голубом платье и струнный квартет исполняют «Времена года» Вивальди. Это произведение хорошо мне знакомо благодаря танцам.

Официанты убирают посуду, слышится звон бокалов. Подняв глаза к темнеющему небу, вижу, как облака закрывают солнце, бросая тень на патио. Идеальное время для свечей.

Я замечаю своих подружек, тоже одетых в белое, потому что перед вечеринкой мы участвовали в отчетном концерте. Они убегают за живую изгородь, сгрудившись вместе и хихикая, во главе с моей сестрой, которая старше меня на три года. Замешкавшись всего на секунду, я иду за ними. Обежав вокруг изгороди, оказываюсь на газоне и резко останавливаюсь из-за порыва ветра, ударившего мне в лицо и всколыхнувшего ветви деревьев. По рукам бегут мурашки; я оглядываюсь назад, в сторону окон второго этажа, где только что была. Мама может пойти искать меня.

На празднике очень скучно, поэтому мои подруги пошли сюда. За особняком расстилается просторная лужайка, украшенная клумбами то тут, то там, вдали виднеются деревья и покатые холмы. Похоже на картинку из сказки.

Развернувшись, я вижу свою сестру в тесном кругу с нашими одноклассниками. Что они делают? Она бросает взгляд на меня, ухмыляется, затем что-то быстро говорит девочкам, и все пускаются врассыпную по садовому лабиринту, скрываясь за высокими кустами.

– Подождите! – кричу я. – Ари, подожди меня!

Промчавшись по небольшому склону к лабиринту, я на мгновение останавливаюсь у входа и оглядываюсь по сторонам. Тропинка просматривается всего на несколько сантиметров вперед, до первого поворота, а я не видела, куда именно они побежали. Вдруг я потеряюсь?

Качаю головой. Нет. Тут нет ничего опасного. Если бы что и было, то хозяева закрыли бы лабиринт. Верно?

Кучка детей только что вошла в него. Все в порядке.

И я вновь пускаюсь бежать. Ветер раскачивает кипарисы, серое небо и низкие тучи предвещают бурю. Волоски на моих руках встают дыбом. Свернув вправо, я теряю из виду вход и все дальше углубляюсь внутрь. С каждым вдохом легкие наполняются запахом земли. Несмотря

на траву, грязь все равно попадает на мои пуанты, и я бегу неуверенно. После сегодняшней прогулки они точно придут в негодность.

Но Мадам сама настояла, чтобы мы остались в костюмах даже после представления.

Смех и вой разносятся эхом вдалеке. Я резко поднимаю голову и ускоряю шаг в направлении звука. Девчонки до сих пор где-то здесь.

Однако через минуту все затихает. Остановившись, я прислушиваюсь в попытке определить, где могут находиться моя сестра и подруги.

– Ари? – зову опять.

Но кроме меня тут никого нет.

Я нерешительно иду по тропинке и оказываюсь на зеленой площадке с большим фонтаном в центре.

Моя спальня в три раза меньше этой лужайки, окруженной высокими кипарисами. От нее отходят три разные дорожки. Это центр лабиринта?

Фонтан сложен из огромной серой чаши снизу и еще одной, чуть поменьше, сверху. Струя воды заполняет верхнюю чашу и спадает в нижнюю. Звук при этом получается такой красивый, умиротворяющий, будто громко журчит ручей.

Я шагаю вперед, опустив голову, врезаюсь в кого-то и отшатываюсь назад. Женищина поднимает руки вверх, выставив ладони вперед, и отстраняется, словно я грязная и она не хочет ко мне прикасаться.

Но улыбка смягчает удивленные глаза Мадам. Ее тело двигается с такой грацией и изяществом, как будто весь мир – театр, а она всегда на сцене.

– Привет, милая, – раздается приторный голос Мадам. – Тебе весело?

Сделав шаг назад, я опускаю глаза и киваю.

– Ты не видела моего сына? – спрашивает она. – Он любит вечеринки. Я не хочу, чтобы он все пропустил.

Он любит вечеринки? Похоже, его отец не согласится с этим.

Я собираюсь ответить «нет», но что-то вдруг привлекает мое внимание справа. Переводя взгляд и прищурившись, я всматриваюсь в темный силуэт... внутри фонтана.

Он сидит в нижней чаше, практически полностью скрытый потоками воды.

Дэймон. Их сын, которого совсем недавно отчитывали в даме.

После секундной заминки ложь сама срывается с губ:

– Нет. – Я качаю головой. – Нет, я не видела его, Мадам. Извините.

Не знаю, почему не говорю ей, что он здесь. Но, вспоминая, как отец наорал на Дэймона, думаю, что мальчик хочет, чтобы его оставили в покое.

Я не смотрю в глаза Мадам. Мне кажется, она поймет, что я солгала. Струющаяся юбка ее черного платья заканчивается на середине голени, а топ, облегающий стройное тело, украшен сверкающими стразами и жемчугом. Длинные черные волосы спадают на спину, такие же гладкие и блестящие, как поток прохладной воды.

Ни разу не слышала, чтобы моя мама хорошо отзывалась о Мадам. Правда, хоть люди ее боятся, но они очень любезны с ней. Она выглядит не старше моей няни, но у нее уже есть ребенок, которому больше лет, чем мне.

Ничего так и не сказав, женищина проскальзывает мимо меня к выходу, а я стою неподвижно еще несколько секунд, гадая, не будет ли лучше уйти вместе с ней.

Только я не ухожу.

Знаю, Дэймон, наверное, никого не хочет видеть, но меня немного огорчает его одиночество.

Я медленно иду к фонтану. Всматриваясь в потоки воды, пытаюсь разглядеть прячущегося за ней мальчика. Я вижу его черный пиджак и руки, которые он положил на колени. А его темные волосы падают на глаза и липнут к фарфоровым щекам.

Почему он сидит в фонтане?

– Дэймон? – робко произношу я. – С тобой все в порядке?

Мальчик ничего не отвечает, и даже за завесой воды я вижу, что он не двигается. Словно не услышал меня.

Прокашлявшись, повторяю громче:

– Почему ты тут сидишь? Можно мне тоже войти?

Я не собиралась этого говорить, однако меня охватило радостное волнение. Похоже, это весело, и в глубине души мне хочется утешить Дэймона.

Он поворачивает голову, смотрит в сторону, но затем отворачивается обратно.

Присмотревшись, я замечаю что-то красное. У него кровь на руке. Дэймон поранился?

Может, ему нужен лейкопластырь? Мне всегда хочется, чтобы мама была рядом и помогла наклеить пластырь, если поцарапаюсь.

– Я иногда вижу тебя в соборе. Ты ни разу не вкушал хлеб, да? – спрашиваю у него. – Когда весь ряд отправляется на причастие, ты остаешься сидеть на скамье. Совсем один.

Дэймон не двигается за водяной завесой. Точно как в церкви. Он остается на месте, пока остальные прихожане проходят вперед по нефу, хотя ему по возрасту уже позволено участвовать. Помню, он проходил подготовку к первому причащению в одной группе с моей сестрой.

Нервно ерзая, я говорю:

– У меня тоже скоро состоится первое причастие. То есть должно состояться. Сначала нужно исповедаться, а мне эта часть не нравится.

Может, Дэймон по той же причине пропускает церемонию Мессы. Без исповеди нельзя вкушать хлеб и вино. Если он не меньше моего ненавидит исповедоваться, то, вероятно, вообще пропускает весь обряд.

Я пытаюсь увидеть его глаза сквозь воду. Брызги попадают на мою кожу и костюм, волосы на руках встают дыбом. Мне тоже хочется туда зайти и осмотреться.

Только от Дэймона не чувствуется дружелюбия. Кто знает, что он сделает, если я попробую к нему.

– Хочешь, чтобы я ушла? – Я наклоняю голову вбок, стараясь поймать его взгляд. – Я уйду, если ты этого хочешь. Просто мне не очень нравится в лабиринте. Моя глупая сестра все портит.

Она сбежала от меня с моими подругами, а мама... занята. Думаю, будет интересно посмотреть на фонтан изнутри.

Но, судя по виду, Дэймон не жаждал моей компании. Да и вообще никакой компании.

– Я уйду, – наконец, произношу я, пятясь назад, чтобы оставить мальчика в покое.

Однако когда я отворачиваюсь, слышится всплеск. Оглянувшись, вижу, что мальчик протягивает руку сквозь водопад, приглашая меня в свое укрытие.

Я колеблюсь. Его лицо, скрытое прилипшими волосами, все так же трудно различить. Посмотрев по сторонам, никого не обнаруживаю. Мама наверняка рассердится из-за того, что я промокла, но... мне хочется присоединиться к Дэймону.

Не сдержав улыбки, я протягиваю руку, обхватываю его холодные пальцы, поднимаю ногу и ступаю в чашу фонтана.

** * **

Это было так давно, но тот день навечно запечатлелся в моей памяти, потому что тогда я в последний раз видела лицо матери, свою спальню и новый декор, которым она украсила ее. Последний раз, когда я могла бежать куда вздумается, ведь на пути не было никакой опасности.

Когда люди не нервничали в моем присутствии, когда для родителей я была любимой дочерью, а не обузой.

Тогда меня в последний раз без вопросов включали в любую компанию, и я могла наслаждаться фильмами, танцами или пьесами так, как полагается.

В тот день я в последний раз была собой, и он стал первым в новой необратимой реальности. Я не могла вернуться в прошлое. Не могла перемотать время вспять и не пойти в лабиринт, не забраться в фонтан.

Боже, я очень сожалела, что это сделала. Но от некоторых ошибок невозможно избавиться.

И вот, тринадцать лет спустя, стоя вместе с матерью рядом со старшей сестрой в день ее свадьбы, ощущая аромат ее парфюма, слушая бормотание священника о благословенном таинстве брака, я с трудом сдерживала отвращение. Старалась не вспоминать, как на одно счастливое мгновение тот фонтан поистине стал райским укрытием. Как мне хотелось оказаться там сейчас, лишь бы подальше отсюда.

Обмен кольцами, поцелуй, благословение...

И дело сделано. Моя сестра теперь замужем.

Желудок провалился куда-то вниз, в глазах защипало, когда я их закрыла. *Нет.*

Я не двигалась с места, слыша шорохи и шепот, в ожидании, когда мать подаст мне руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам и покинуть пустой собор.

Мне нужно на воздух. Нужно сбежать.

Только голоса матери и сестры удалялись от меня.

Те же самые холодные пальцы, к которым я потянулась в том фонтане много лет назад, коснулись моих.

– Теперь... – прошептал мне на ухо новоиспеченный муж сестры. – Теперь ты принадлежишь мне.

Глава 2

Уинтер

Наши дни

Я замерла, сжав руку в кулак и ощущая его, как он сидит напротив меня в лимузине после церемонии. Дэймон Торренс. Мальчик из фонтана.

Ребенок в помятом костюме, со спадавшими на глаза волосами и кровоточившей рукой, который почти не разговаривал и не смотрел на меня.

Теперь он стал мужчиной и определенно научился говорить. Высокий, уверенный в себе. В церкви его мрачные слова прозвучали угрожающе. Я до сих пор чувствовала запах того фонтана на нем. От Дэймона, как и от всего холодного, пахло водой и сыростью.

– Твой отец пообещал нам щедрое вознаграждение, если я проведу в браке с тобой год, – сказала Ари, сидевшая рядом с ним, напротив нас с мамой. – Я намерена довести это дело до конца. Что бы ты ни вытворял.

Она обращалась к Дэймону. Его голос прозвучал спокойно и непоколебимо, когда он наконец-то ей ответил:

– Мы не разведемся, Арион. Никогда.

Судя по направлению звука, он смотрел либо в окно, либо в другую сторону, только не на нее.

Не разведутся? Мое сердце начало биться чаще. Разумеется, Дэймон разведется с моей сестрой. Когда-нибудь, верно? Я поверить не могла, что все вообще зашло *так* далеко. Ведь это лишь месть моей семье, в конце концов. Зачем ему растягивать этот фарс на всю жизнь?

Таков был его план расправы с нами. Найти доказательства налогового мошенничества и хищений, совершенных моим отцом, вынудить его бежать из страны, позволить федералам наложить арест практически на все, чем мы владели, опустошить все наши счета, а теперь... Виновник этого хаоса пользуется уязвимостью трех беспомощных женщин, нуждающихся в поддержке. Чтобы стать человеком, который спасет их дом, вернет им роскошный образ жизни и привычное положение в обществе.

Но я понимала. Несмотря на желание притворяться, будто не знаю его конечной цели, в глубине души я все понимала.

Он планировал не уничтожить, а поиздеваться над нами.

До тех пор, пока не утратит интерес.

– Ты *хочешь* остаться моим мужем? – спросила Ари.

– Я больше не хочу ни на ком жениться, – пояснил Дэймон монотонным, безразличным голосом. – Ты не хуже других, полагаю. Красивая и молодая. Родом из Тандер-Бэй. Образованная и презентабельная. Еще ты здоровая, поэтому с рождением детей проблем не будет.

– Ты хочешь детей?

В вопросе моей сестры почти слышалась надежда. Я, поморщившись, закрыла глаза под солнцезащитными очками.

– О боже, – выдохнула я, не сдержавшись. Меня переполняло чувство отвращения и тошноты.

В салоне автомобиля повисла тишина. Уверена, все услышали мои слова. Даже не видя свою семью, я знала, что они смотрят на меня.

Как она могла до сих пор его хотеть? И они еще собирались вмешать в это безумие детей? Того, что сделал Дэймон, когда мы были маленькими, было, по-видимому, недостаточно, чтобы убедить ее, насколько он плохой. И того, что он сделал со мной в старшей школе, тоже. Ари

прекрасно знала – Дэймон терпеть ее не мог, – но все равно хотела его. Она всегда мечтала заполучить этого парня.

Арион было плевать, что ей пришлось выйти замуж за Дэймона из-за проблем, которые он сам и создал. Мы потеряли все по его вине, но бояться нечего... Женившись на старшей дочери, Дэймон вернул нам наше имущество, взял нас под свою защиту, обеспеченную банковскими счетами его семьи. Он сделал себя исцелением от болезни, порожденной им же.

Я ненавидела его. Новый муж моей сестры – единственный человек, которого, как мне казалось, я могла бы убить рано или поздно.

– Если будешь заводить интрижки на стороне, – предупредила Арион, – делай это незаметно. И не жди, что я тоже стану хранить верность.

– Ари... – Мать намекнула моей сестре, чтобы она помалкивала.

Однако Арион опять настойчиво обратилась к мужу:

– Понял?

Чтобы спрятать лицо, или хотя бы его половину, я не отворачивалась от окна. Мне хотелось сделать вид, будто я не слушаю разговор, но в машине было слишком мало места, чтобы игнорировать Деймона. Я невольно слышала каждое слово.

Разве они не должны были обсудить это до свадьбы? Или для моей сестры такие вещи не были камнем преткновения?

– Позволь мне кое-что прояснить, – ответил он спокойно, – потому что ты, похоже, забыла, в какой ситуации оказалась, Арион. – После секундной паузы Дэймон продолжил: – Ты получила мою фамилию. Получила денежное содержание. Тебе удастся сохранить свое положение в обществе, включая обеды в ресторанах, шопинг и твои гребаные благотворительные проекты. – Своим резким голосом он с каждым словом выкапывал ей могилу все глубже и глубже. – Твои мать и сестра не оказались на улице. На этом мои обязательства перед тобой заканчиваются. Не открывай рта, если к тебе не обращаются, не задавай мне вопросы. Это меня раздражает.

Моя грудь вздымалась и опадала в такт частым вздохам, а в животе затянулся тугой узел.

– Я буду трахать других женщин, но тебе запрещено трахать кого-либо, кроме меня, потому что никто другой не может стать отцом моих детей. Весьма очевидно, – добавил Дэймон злорадно, – я буду приходить и уходить, когда посчитаю нужным, и жду, что ты будешь одета и готова в редких случаях, когда нам потребуются изобразить пару на публике. Возможно, ты станешь не самой счастливой женой, Арион, однако, как я слышал, именно поэтому Бог изобрел «Сакс»¹ и «Ксанакс»².

Никто ничего не сказал. Сжав край своей юбки в кулаке, я задыхалась из-за их трусости и неспособности постоять за себя. Только как бы мне ни была ненавистна честность Дэймона, я была признательна ему. В этом браке не будет места ложным надеждам. Он никогда не лгал.

За редкими исключениями.

– Если хочешь выжить, – предупредил Дэймон, – я бы на твоём месте как можно быстрее привык к этому, ведь наш брак может распасться лишь при одном условии – в случае твоей смерти.

– Или твоей, – пробормотала я.

На мгновение все замолчали. У меня волоски на руках встали дыбом, но я мысленно улыбнулась. Я чувствовала, что он сверлит меня взглядом своих черных глаз, навсегда оставшихся в моей памяти, отчасти скрытых под завесой гладких густых волос, к которым, я была уверена, кроме меня, никто не прикасался. Только мне было все равно. Из этого фарса при

¹ Сеть роскошных торговых центров.

² Лекарственное противотревожное средство.

любом раскладе ничего хорошего не выйдет. Я не собиралась делать одолжения Дэймону или его семье, проявляя деликатность.

– Мы понимаем, Дэймон, – наконец ответила моя мама.

Машина сбавила скорость, и я услышала, как ворота нашего поместья со скрипом открылись, и наш лимузин помчал дальше к дому. Забившись в угол и прислонившись к окну, я почувствовала, как меня пошатнуло, когда мы проехали по круговой подъездной дорожке и остановились перед парадным входом.

Возможно, мне следовало сказать спасибо за то, что мы не потеряли дом. Мой отец – мэр Тандер-Бэй – сбежал; наши коммерческие предприятия, активы, недвижимость конфисковали, и деньги в том числе, все до последнего доллара.

Мать была благодарна, что мы с Ари хотя бы могли спать в своих кроватях и не лишились места, в котором выросли.

Только она зря надеялась. Все это уже не принадлежало нам. Владельцем дома и всего содержимого в нем стал отец Дэймона. Мы на самом деле остались ни с чем.

Казалось, это должно было вызвать у меня глубокую печаль, но осознание, что мне теперь нечего терять, дарило свободу. Он никогда не сталкивался с противником, лишенным страха.

Дверь открылась, послышался шорох и движение.

– Я не выхожу, – объявил Дэймон.

После короткой немой сцены раздался несмелый протест моей сестры:

– Но...

Однако она не договорила. Не знаю, может, Ари решила, что не стоит утруждаться, или мать жестом указала ей закрыть рот, или она вспомнила его распоряжение не задавать вопросы. Моя сестра просто проскользнула мимо и выбралась из машины, оставив после себя нежное облачко парфюма от Gucci. Шлейф ее платья скользнул по моим балеткам. За ней последовала мама, как обычно, опережая меня, чтобы потом проводить до входной двери. Едва я приподнялась с сиденья, кто-то схватил меня за воротник и дернул вперед, прижав к твердому телу. Дверца захлопнулась, и раздался щелчок замка.

Я шумно втянула воздух; под кожей словно пронесся электрический разряд, когда его теплое дыхание овеяло мои губы.

– Уинтер? – позвала мать снаружи. – Дэймон, что происходит?

Кто-то из них дернул ручку, пытаясь вновь открыть дверь.

– Эй, – послышался голос сестры, сопровождаемый стуком в окно.

Я хотела оттолкнуть Дэймона и подняла руки, но почти сразу опустила их. Он хотел моего сопротивления, а я была не готова исполнить это его желание. Пока.

– Мудрый выбор, – прошептал Дэймон. – Побереги силы, Уинтер Эшби. Они тебе понадобятся.

Я ощутила его дыхание у самых моих губ, грудь его вздымалась и опадала быстрее, чем прежде.

Он был уже далеко не так спокоен.

Дверца открылась. Без особых усилий меня вышвырнули из салона. Споткнувшись, я упала на руки матери, и дверь захлопнулась.

Кто-то ухватился за мое запястье, когда я выпрямилась. Вероятно, сестра.

– Что это значит? – прошипела она.

– Ты что, тупая? – тихо огрызнулась я. Неужели Ари не понимала?

Все происходящее совершенно не связано с ней, и она прекрасно об этом знала.

Мама проводила меня в дом. Я почувствовала, как Ари промчалась мимо, задев меня своим платьем, едва мы ступили в мраморное фойе. Отпустив мать, я вытянула руку вперед, чтобы найти лестницу. Внутри я ориентировалась лучше.

Где-то над головой скрипнули ступеньки. Наверное, сестра вошла в свою комнату.

Тот еще свадебный день! Ни гостей. Ни банкета. Ни первой брачной ночи. По крайней мере, пока.

– Мам? – окликнула Ари, когда я обогнула стойку перил, направляясь к своей спальне в конце коридора. – Нам с ним нужна более просторная и уединенная комната и большая ванная.

Я стиснула челюсти и, легко скользя пальцами по деревянным перилам, быстрым шагом двинулась вперед. Открыв дверь, нырнула в спальню и заперла замок.

Меня пробирала нервная дрожь. Нашупав справа украденный из столовой стул, подперла им дверную ручку для дополнительной защиты.

Пусть Дэймон сейчас ушел, он ведь в любой момент мог вернуться.

В любой день. В любой час ночи. В любую минуту.

Михаил ткнулся своим влажным носом в мою ногу. Я присела на корточки, погладила и прижалась лбом к его голове, наслаждаясь близостью единственного существа, с которым мне было хорошо в последнее время. Кроме танцев, меня радовал только мой пес.

Этого золотистого ретривера я взяла из приюта в прошлом году. Хотя я и люблю быть в компании, но с ним сбежать будет сложнее.

Я встала и потеряла глаза.

Боже, мне не верилось, что Ари решила перебраться с Дэймоном в спальню нашей матери.

От злости начала закипать кровь, но, думаю, это хорошо. Нам не стоит прикрываться иллюзиями. Теперь мы могли жить, есть и спать, лишь пользуясь чужой милостью. Мы просто-напросто были гостями в собственном доме.

Как мог отец бросить нас в таком положении?

Если бы его поймали, он бы сел в тюрьму – чего, я уверена, и желал Дэймон. Око за око. Маленькая расплата той же монетой.

Только отцу хватило времени на побег, и никто не знал, где он сейчас находится. Если бы он потратил часть денег, чтобы спрятать нас, вывезти из страны вместе с собой или отдать под защиту друзей, я могла бы его простить. Или хотя бы поверила, что отец хоть чем-то дорожит в этом мире. Но он просто уехал. Бросил свою семью на произвол судьбы, на откуп любому, кто проявит интерес. Что Дэймон сделает с нами?

Он уж точно развлечется. Моя сестра очень красива. Мать до сих пор сохранила хорошую фигуру и свежее лицо, судя по комплиментам, которые я слышала от окружающих. Арион сделает все, что Дэймон ни попросит, и мама тоже. А если она откажется, он просто пригрозит мне, и мать выполнит все требования.

Она вполне могла бы стать кандидаткой для этого брачного союза. Мешал лишь тот факт, что они с отцом по-прежнему официально состояли в браке. Я тоже не была идеальным вариантом, потому что все время боролась бы с Дэймоном. Ари оказалась самой легкой целью.

Однако то, что я избежала замужества, вовсе не гарантировало мою безопасность. Черт, что еще мне оставалось делать? Я должна сбежать. Время пришло. Я это знаю.

Не нужно было вообще возвращаться. После окончания школы я два года проучилась в колледже в Род-Айленде, а потом бросила и вернулась домой, чтобы сосредоточиться на танцах, тренировках и попытках убедить хореографов или директоров танцевальных школ дать мне шанс. Правда, год выдался ужасный, и становилось все только хуже.

Опустившись на колени, я сунула руки под покрывало, нащупала нейлоновую лямку и выдернула из-под кровати продолговатую спортивную сумку. На протяжении пяти лет, с тех пор, как отправила Дэймона в тюрьму, я прятала ее в своем шкафу, всегда наготове, потому что знала – мне не победить в неминуемой схватке. Там лежало две смены одежды, запасная пара кроссовок, одноразовый мобильник с зарядным устройством, шляпа, солнцезащитные очки, аптечка, швейцарский армейский нож и вся наличка, которую мне удалось тайно добыть за прошедшие годы – девять тысяч восемьдесят два доллара.

Разумеется, я могла бы податься к друзьям или родственникам, но исчезновение – единственный надежный способ спастись. Мне нужно бежать, уехать из страны.

Только без помощи не обойтись. Помощи человека, которому я доверяла больше, чем всем остальным, который не боялся Дэймона, его семьи или элиты нашего города. Он сможет перехитрить новоиспеченного мужа моей сестры и вытащить меня отсюда. Мне было ненавистно подставлять его рядом с Дэймоном, однако другого выбора, похоже, у меня не было.

* * *

– Эй, – окликнул Этан из заведенной машины. – Ты в порядке?

Кивнув, я почувствовала, как моих бедер что-то коснулось, и поняла, что он открыл для меня дверь.

– Все хорошо.

Время едва перевалило за полночь. Дрожь пробежала по моим рукам, когда я вдохнула прохладный воздух, стоя перед воротами нашего дома и держась за Михаила. Мать могла заметить свет фар, поэтому я попросила своего друга подобрать меня дальше по дороге, просигналив трижды – двумя короткими и одним долгим гудком, – чтобы оповестить о своем прибытии.

От предчувствия опасности волосы на моем теле встали дыбом. Дэймон не вернулся вечером. Если ничего не изменилось, то ему по-прежнему нравилось бодрствовать по ночам, так что он вполне мог сейчас возвращаться домой. Мне следовало бы поторопиться, раз уж я надеялась убраться подальше от этого городка прежде, чем мое отсутствие обнаружат.

Вообще нужно было уехать после того, как федералы пришли за папой месяц назад. Ведь я знала, что на том дело не закончится. Или хотя бы позавчера, когда мать и сестру вызвали на встречу с отцом Дэймона, откуда Арион вернулась помолвленной. Но сейчас я точно сбегу. Я не собираюсь провести ни дня в одном доме с ним.

Сумку вытянули из моих рук – Этан забрал ее и бросил на заднее сиденье.

– Быстрее. На улице холодно, – сказал он.

Я заставила собаку залезть на заднее сиденье автомобиля, а потом сама села на переднее сиденье и пристегнула ремень.

Прядь волос выбилась из моего хвоста и коснулась губ. Я так часто дышала, что случайно втянула ее в рот, но сразу отбросила от лица.

– Ты уверена в своем решении? – спросил Этан.

– Я не могу остаться в доме, – ответила я ему. – Пусть сами играют в свои идиотские игры, сколько им вздумается.

– Он тебя не отпустит. – Я услышала, как Этан переключил передачу, и мотор взревел. – Никого не отпустит: ни твою мать, ни сестру, ни тебя... Он считает, что вы все теперь принадлежите ему. Особенно ты.

Машина тронулась с места; я прижалась к спинке сиденья. С каждым метром удаляясь от своего родного дома, чувствовала, что воображаемое дыхание, обдававшее мою шею, становилось все горячее. Мне давно не удавалось нормально выспаться, а с этого момента я тем более постоянно буду настороже.

Особенно ты. Этан – один из моих лучших друзей. Он знал всю историю и то, в каком ужасном положении я оказалась.

– Он женился на Арион, потому что так было проще. И она согласилась, – предупредил парень. – На самом деле Дэймон хочет тебя.

Я промолчала, стиснув зубы с такой силой, что стало больно.

Дэймон не хотел меня. Он жаждал поиздеваться надо мной. Хотел, чтобы я слышала его со своей сестрой в соседней комнате каждую ночь. Хотел видеть, как я тихо сижу за столом во время завтрака с нервно трясущимися коленями и гадаю, смотрит ли он на меня, каков будет

его следующий шаг. Дэймон стремился убить ту толику душевного спокойствия, обретенного мной за последние несколько лет, пока он сидел в тюрьме.

Выдохнув, я сказала:

– Меня не волнует, погонится ли он за мной. Мне двадцать один год. Не ему решать, буду я жить в этом доме или нет.

– Но в его власти позволить тебе уйти или нет, – возразил Этан. – Он привлечет охрану, если потребуется. Мы должны быть готовы.

Я понимала, что он прав. По закону я могла делать все, что пожелаю, только Дэймона это не остановит. С моим согласием или без, он сможет удерживать меня там, где захочет.

Но все же мне нужно попытаться. И я не остановлюсь.

– Я его не боюсь, – пробормотала. – Больше не боюсь.

– А твои мама и сестра? Что Дэймон сделает с ними, если ты не вернешься домой...

«Ничего нового, помимо того, что уже и так намеревался сделать», – мысленно закончила я за него.

– Они знали, что случилось, когда мы были детьми. И что он сделал со мной пять лет назад, – сказала я. – Однако все равно снова впустили его в нашу жизнь. Подпустили его ко мне ради денег. Мои родные не только не защитили меня, наоборот, снова подвергли опасности нас всех. От семьи Дэймона ничего хорошего ждать нельзя.

Поведению Арион я не удивилась. Мы выросли в богатстве, к тому же она всегда хотела Дэймона. Стать его женой и опять получить деньги, несмотря на то, что он причина свалившихся на нас проблем, – о большем она и не мечтала. Вполне возможно, моя сестра даже была рада подобному стечению обстоятельств.

Моя мать – совсем другое дело. Ей было известно, к чему приведет появление Дэймона. Она знала о его конечной цели и все равно не защитила меня.

Пусть мы с Ари не ладили, но все же мне не хотелось, чтобы она страдала.

А Дэймон превратит ее жизнь в ад. Все сказанное им в машине – несомненно, правда. Сестра рано или поздно начнет глотать таблетки в попытке приглушить боль, вызванную его обращением с ней. Как мама позволила такому случиться?

Она на самом деле настолько боялась потерять свой дом? Так беспокоилась, сможем ли мы выжить?

Или тот интимный обмен взглядами между моей матерью и отцом Дэймона, который я подсмотрела в детстве, наконец-то приобрел смысл?

У нее была интрижка с ним, так ведь? Возможно, ею руководил не только страх.

Несмотря на то что мать и сестра были согласны терпеть, я не позволю им принять такое решение за меня.

– Мы могли бы пожениться, – предложил Этан; его обычно беспечный и игривый голос прозвучал низко, с нотками чувственности.

Вопреки своей нервозности я прыснула от смеха.

– Это его не остановит. Даже на секунду.

Наличие мужа не спасет меня от Дэймона Торренса.

– О черт, – выдохнул мой друг.

– Что такое?

– За нами копы.

Копы? Мы ехали всего несколько минут. Я еще не почувствовала, чтобы машина свернула на шоссе – значит мы до сих пор двигались по проселочной дороге. Тут никогда полицейских не бывает. В этом я не сомневалась. Сколько раз моя сестра гоняла по этой дороге в юности вместе со мной, и ее никто не поймал?

– Они включили сигнальные огни? – поинтересовалась я.

– Да.

– Мы до сих пор на Шэдоу-Пойнт?

– Ага.

– Не тормози. – Я покачала головой. – Ты не превышал скорость. У них нет причин нас останавливать.

– Я должен остановиться.

Этан не волновался, но я засунула руки в передний карман своей толстовки и сжала кулаки. Копы появлялись в здешних местах лишь по вызову. Что-то не так.

– Пожалуйста, не останавливайся, – с мольбой произнесла я.

– Все в порядке, малышка. – Я почувствовала, как машина сбавила скорость. – Мы взрослые и не делаем ничего плохого. У нас не будет проблем.

Протянув руку, я нащупала кнопку и выключила радио, затем стала внимательно прислушиваться к доносившимся снаружи звукам. Гравий зашуршал под колесами – Этан съехал на обочину. Когда он нажал на тормоз, меня слегка повело вперед. Я уперлась ладонями в приборную панель, стараясь сохранить равновесие, в то время как Этан совсем остановил машину.

Черт. За свою жизнь я всего раз была в машине, которую остановили копы, и вот именно сегодня...

Хлопнула автомобильная дверца, приглушенно рокотал мотор. Этан опустил стекло. Звуки его частого дыхания заполнили салон. Он тоже нервничал.

– Добрый вечер, – сказал мужчина. – Как ваши дела?

Голос был мне знаком. В маленьком городке не так уж много полицейских, но я не слишком часто пересекалась с этим, чтобы запомнить его имя.

– Привет, все хорошо, – ответил Этан, заерзав на кожаном сиденье. – Что-то случилось? Я ведь не превысил скорость, верно?

Повисла тишина. Я представила, что офицер сейчас наклонится, чтобы заглянуть в водительское окно, и замерла.

– Немного поздновато для прогулок, вам не кажется? – наконец поинтересовался коп, проигнорировав вопрос.

Волоски на моих руках встали дыбом. Какая ему разница?

Этан нервно засмеялся.

– Да ладно, приятель. Ты говоришь прямо как моя мама.

– Уинтер? – позвал офицер. – Все в порядке?

Моего лица сбоку коснулось что-то теплое. Мужчина направил на меня свой фонарик.

Я быстро кивнула.

– Да, у нас все хорошо.

Но мои руки начали трястись. Нам не следовало останавливаться. Если бы мы только успели добраться до поселка, где много людей...

– Вы бы не могли открыть багажник для нас? – спросил коп резким тоном. – Одна лампочка не горит. Я проверю.

Для нас. Их было двое.

– Да? – Мой друг вновь зашевелился на сиденье. – Странно.

Крышка багажника открылась со щелчком; Этан выдохнул, а я молча ждала, все еще ощущая тепло от фонаря.

– Если найдете там трупы, они не мои! – в шутку выкрикнул парень второму копу.

Машина покачнулась, пока офицер рылся в багажнике. Я сцепила руки.

– Поздравляю твою сестру, Уинтер, – сказал мужчина, оставшийся у водительского окна. – Похоже, удача вновь улыбнулась твоей семье. Ты, наверное, очень благодарна.

В ответ я поджала губы.

– Итак, куда вы направляетесь? – уточнил коп.

– В мою городскую квартиру, – ответил Этан.

После короткой паузы горячий луч света сполз с моего лица. Офицер продолжил:
– Надолго планируешь задержаться, Уинтер? Это твоя сумка на заднем сиденье?
У меня с трудом получилось сглотнуть; мое сердце внезапно начало бешено колотиться.
Затем послышался тихий язвительный голос копа:
– Тс-тс-тс... Дэймону это не понравится.
Я отвернулась к своему окну. *Дерьмо*. Так и знала.
– Извините? – вмешался Этан.
Но его перебил крик второго полицейского:
– Нашел кое-что!
– Что? – выпалил мой друг.
Я снова повернулась к ним.
Они что-то нашли в багажнике?
– Пожалуйста, выйдите из машины, мистер Бельмонт.
Нет.
– В чем дело? Что происходит? – возразил Этан.
Не успела я опомниться, как его дверь открылась и он вышел. Не знаю, помог ли ему коп или мой друг сделал это сам.
– Этан... – Я осеклась, не в состоянии подобрать слова. Теперь мой друг у них.
Снаружи доносились шорохи и приглушенный разговор; я чувствовала, как покачивается автомобиль, в то время как полицейские обыскивали багажник.
И вдруг...
– Что? – закричал Этан. – Это не мое!
Развернувшись, я услышала тихое поскуливание Михаила и попыталась разобрать, о чем говорили на улице.
– Кокаин, – заявил один из офицеров. – Это тяжкое преступление.
Мои брови взмыли вверх. Кокаин? То есть... кокаин? Я расстегнула ремень и открыла свою дверь.
Нет.
Выбравшись из салона, я пошла к багажнику. Мне было запрещено выходить из машины. Они на меня наорут, но...
– Ребята, вы шутите? – прорычал мой друг. – Вы его подбросили!
Донеслись звуки потасовки и крик; я шумно втянула воздух.
– Эй-эй, – сказал один из копов. – Вы сейчас под наркотой?
Что происходит?
Снова приглушенное ворчание. Из-под их ног отскакивал гравий. Мне стало ясно, что Этана поймали.
– Стойте! – закричала я, скользя ладонями по металлу машины в направлении открытого багажника.
– Он никогда бы не стал употреблять наркотики. Что вы делаете?
Услышав тяжелое дыхание, я предположила, что это был Этан. От прохладного вечернего воздуха щипало в носу.
– Здесь по крайней мере пятнадцать пакетиков, – заявил коп.
– Хранение с целью распространения, – добавил второй.
С целью распространения. Два обвинения в уголовных преступлениях? У меня голова шла кругом.
– Ты сукин с... – зарычал Этан, однако его прервали, и он умолк.
– Стойте! – воскликнула я. – Пожалуйста, остановитесь. Во всем виновата я.
Это подстава. У него бы ни за что не оказалось наркотиков в багажнике. Эти копы останавливали нас не потому, что у нас была сломана фара.

Шагая с осторожностью, я подошла ближе.

– Я сама *ему* позвонила, – объяснила, я взяв вину на себя. – Чего вы от меня хотите? Только, пожалуйста... Не делайте с ним ничего.

После нескольких секунд молчания послышались какие-то щелчки. Кто-то набирал номер на телефоне.

– Сэр? – произнес один из полицейских. – Она у меня.

Дэймон. Это его рук дело. Коп звонил ему.

Что-то холодное коснулось моей руки. Я дернулась, но после короткой паузы сообразила, что офицер вложил мне в ладонь мобильник. Страх и замешательство уступили место злости. Тяжело дыша и негодуя, я стиснула зубы.

Затем поднесла трубку к уху.

– Я очень разочарован, если ты всерьез думала, будто это сработает, – произнес грубый голос. – Хотя и удивлен, что тебе вообще удалось выбраться из дома.

На другом конце линии оказался не Дэймон.

– Гэбриэл? – в потрясении едва слышно пробормотала я.

Все это устроил его отец? Я почти уверена, что его не было на свадьбе. Он наверняка полностью поддерживает Дэймона, однако я не подозревала, что мистер Торренс станет так явно его прикрывать. Он следил за мной.

– Не волнуйся, – продолжил мужчина. – Они отпустят его утром.

– Они отпустят его сейчас! – зарычала я.

Я не позволю другу страдать из-за меня. Это глупо. Мне следовало догадаться.

Даже если бы удалось сбежать, я все равно бы подставила Этана, просто попросив его помочь мне.

– Или они могут задержать его до судебного разбирательства, – сказал мистер Торренс. – Выбирать тебе.

Стиснув челюсти, я слишком разозлилась, чтобы думать трезво. Этан не такой уж выносливый, а я любила его. Ночь в тюрьме – испытание не из легких, не говоря уже о неделях, месяцах или годах. Слезы подступили к глазам, только я их сдержала.

– Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы твоя гребаная мелкая задница вернулась домой, в свою постель, – огрызнулся он.

Я покачала головой, понимая – ему удалось поймать меня... На данный момент.

Но не навсегда.

– Думаете, я так легко сдамся? – бросила с вызовом.

– Нет, конечно, – его тон смягчился, в нем послышались нотки смеха. – Поэтому он тебя и хочет, Уинтер. Просто в следующий раз постарайся действовать не столь предсказуемо.

– Какая вам вообще разница? У вас есть Арион.

– Арион – миссис Торренс, – пояснил Гэбриэл. – Лицо его семьи, та, кто будет растить его детей. А ты? – Он умолк, а потом продолжил помрачневшим голосом. По моим рукам пробежал холодок. – Ты – его вишенка на торте.

Глава 3

Дэймон

Семь лет назад

Я обвиваю ее руками, притягиваю ближе к себе и держу изо всех сил, уткнувшись носом ей в затылок. Крохотные острые стразы на ее костюме врезаются мне в кожу. Она такая маленькая и хрупкая, словно зубочистка в моей хватке.

Вода из фонтана льется вокруг нас. Ее зубы впиваются в меня, но я не отдергиваю руку и ощущаю, как тепло разливается по венам от боли из-за укуса. Мои веки, затрепетав, опускаются. Приятное покалывание распространяется по коже, из легких наконец-то вырывается воздух, хотя я даже не осознавал, что задержал дыхание.

В этом нет ничего неприятного. Это не так больно, как должно быть.

Я смотрю на ее личико, совершенно не сопротивляясь ей, пока давление ее зубов увеличивается – уверен, она прокусила кожу.

Да.

Я не отойду ни на шаг.

Никогда.

Изгибы девичьего тела прильнули к моему; я крепче прижал ее, отказываясь отпустить. Даже после того, как мое сознание начало проясняться и образ фонтана рассеялся, а ее цветочный запах сменился ароматом моего мыла. Вместо костюма на девушке теперь было что-то мягкое, похожее на хлопок, с обнаженных ног, вытянувшихся рядом с моими, исчезли лосины.

Что-то изменилось. Она изменилась.

Моргнув, я проснулся; голова все еще казалась тяжелой, пока реальность вытесняла последние мгновения сна, а перед глазами четче предстала комната. И тело, лежавшее возле меня.

К сожалению, это оказалась не та девушка, которая мне приснилась.

Я пристально смотрел на затылок своей сестры, чьи волосы – практически такие же темные, как мои, – раскинулись по подушке. Она спала. Держа ее в объятиях, я чувствовал, как она дышит, и крепко сжимал ее пальцы.

Неосознанно я потянулся к ней во сне, хотя раньше никогда так не делал. Мы уже четыре года делили одну кровать. Но мне было достаточно лишь осознания, что она здесь.

Разжав пальцы, я случайно коснулся ее живота в том месте, где задралась футболка, и замер. Вдруг меня охватило смутное беспокойство, я прищурился, приподнял простынь и увидел изгиб ее талии, ставший более заметным, и округлую задницу, прижатую к моему паху. Мускулатура бедер девушки выглядела более рельефной, а кожа казалась очень гладкой.

Твою мать. Я закрыл глаза. От облегчения, принесенного сновидением, не осталось и следа.

Она становилась похожей на всех остальных девчонок. Достаточно взрослых, чтобы заинтересовать парней. Моя сестра стала похожей на девушек, с которыми я встречался.

– Дэймон, – внезапно произнесла она. – Это я, Бэнкс.

Думаю, я разбудил ее своим прикосновением. Она, наверное, решила, будто я принял ее за кого-то другого.

Распахнув веки, я стиснул челюсти и резко отстранился от Бэнкс.

– Да, я в курсе, кто ты.

Я сбросил с себя одеяло, поднялся с постели и подхватил свой заряжавшийся телефон.

– По-моему, я говорил тебе, чтобы ты носила повязку, – пробормотал я, разблокировав дисплей и проверяя уведомления.

Бэнкс ничего не ответила, но я услышал, как она села.

– Даже ночью? – проныла сестра. – Она как корсет. Мне с ней трудно дышать.

Ты привыкнешь.

Я прочитал пару сообщений от Уилла, несколько комментариев к постам и, бросив мобильник на стол, включил музыку на компьютере. Подошел к гардеробной, выбрал брюки и белую рубашку. Помедлив, уставился на джинсы, висевшие рядом с моей черной толстовкой. Ночь дьявола на следующей неделе. Знакомый всплеск адреналина пронесся по венам.

Подхватив джинсы и направившись в ванную, я вдруг почувствовал, что очень голоден.

– Может... – послышался голос Бэнкс. – Может, мне больше не следует спать тут?

Я замер, прищурившись, и обернулся к ней.

Она сразу же опустила глаза, прекрасно зная, что я не хочу говорить об этом.

Бэнкс – дочь моего отца, однако она была моей с того самого дня, когда переехала жить к нам. Ее мать – какая-то убогая шлюха, одна из многих, кого отец держал на подачках. Если бы она не появилась на нашем пороге четыре года назад, вымогая деньги, вероятно, я бы так и не узнал о существовании Бэнкс. Отец уж точно не признавал ее, да и сейчас мало что поменялось в его отношении.

Хотя так даже лучше. Она не принадлежала ему. Никто не сможет забрать ее у меня.

После нашей первой встречи я на протяжении нескольких дней кланчил и воровал деньги, какие только мог найти в доме, любые ценные вещи, исчезновение которых мать не заметит. В итоге набрал тысячи долларов. Мамаша-наркоманка на целых двенадцать секунд устроила шоу, будто сомневается в правильности решения, прежде чем забрала деньги с драгоценностями и отдала Бэнкс мне. Я привел ее домой. Никто мне не помешал. Мать, когда еще жила здесь, ничему не позволяла разрушить ее маленький вымышленный мирок, а отец разрешал все, что радовало *меня*.

Бэнкс жила в моей комнате, заботилась обо мне, я же обеспечивал ее всем и защищал. У нее имелся собственный матрас в маленькой потайной комнатухе, которая находилась в башне, прилегавшей к моей комнате, но редко там спала.

– Я имею в виду, только в этой кровати, – пояснила сестра. – В... твоей кровати. Может, мне стоит перебраться обратно в мою каморку? Нам уже не двенадцать и тринадцать. Ты вырос. Тебе нужно больше места.

Я вскинул бровь, злясь и одновременно понимая, что веских оснований для этого нет. У меня была причина держать ее появление в секрете. Причина, почему я не пускал других девушек в свою комнату, заставлял Бэнкс носить мою старую одежду, утягивать тело эластичной повязкой и почему никогда не расскажу друзьям, что сестра – единственная женщина, которая будет спать в моей постели.

Да, я сам знал, насколько я ненормальный.

Просто мне было все равно. Я ни перед кем не отчитывался, если чувствовал себя счастливым.

Когда Бэнкс отвернулась, дав понять, что спорить дальше не станет, я направился в ванную.

Включив воду, снял свои пижамные штаны, забрался в душ, намылил волосы шампунем, затем встал под горячие струи и склонил голову. Вода заструилась по шее. Я закрыл глаза и надавил пальцами на стену. *Это лишь вопрос времени.* Мой последний учебный год начался месяц назад. Следующим летом я уеду из дома в колледж, но Бэнкс взять с собой не смогу. Мне *следовало* позволить ей обустроить свою собственную комнату. Так мы оба привыкнем к разлуке. В конце концов, в доме полно пустых комнат, из которых она может выбрать любую. Не сомневаюсь, сестра быстро освоится, ей даже понравится иметь личное пространство.

Нет, проблема заключалась во мне. Бэнкс – моя. Она единственная знала обо всем. Только мы выросли, и я осознавал – рано или поздно Бэнкс покинет меня.

Я впился пальцами в плитку, представляя, будто сдавливаю чье-то лицо – чье угодно. Знакомый жар расплзся по задней поверхности шеи к голове, потом хлынул к члену. Каждая клеточка моей кожи буквально молила не чувствовать то, что я чувствовал сейчас.

Мне нужно выбраться отсюда.

Закончив мыться, я выключил воду, вышел из душа, подхватил полотенце, лежавшее на полке слева, вытерся, надел джинсы и футболку, после чего вернулся в спальню, на ходу суша волосы.

– Я решила примеры по математике и внесла новые данные в таблицу исследований, – сообщила Бэнкс, перебирая бумаги за столом, которым я никогда не пользовался, и сунула папки в мою сумку. – Правда, тебе нужно переписать задания своим почерком, а еще не забудь прочитать физику перед сегодняшним тестом. Запомни хотя бы то, чего будет достаточно для проходного балла.

Бросив полотенце на пол, я схватил свою толстовку и просунул руки в рукава.

– У меня всегда получается проходной балл. Не замечала? – Я глянул на нее и натянул толстовку. – Я мог бы помочиться на этот тест и все равно его сдать.

Тихо засмеявшись, сестра ответила:

– Ага, такое ощущение, что учителя делают все возможное, лишь бы ты не задерживался в их школе дольше, чем требуется.

Да уж. Я никогда не провалю тест, тем более предметный курс. Администрация практически считает дни до моего выпуска. Они никогда не оставят меня на второй год.

На уроках я выполнял столько заданий, сколько считал нужным, чтобы ко мне не придирались, а Бэнкс делала домашнюю работу, доклады и проекты. Дело не в том, что я ленился – ведь для баскетбольной команды я выкладывался на полную катушку, – просто меня это не заботило. Было чертовски трудно заставить себя заниматься тем, чем я не интересовался. Я – эгоист, и меня это вполне устраивало.

Забрав у нее сумку со своей школьной формой, я перебросил лямку через голову и положил бумажник, телефон и ключи в карман. Затем вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. На полпути вниз по потайной лестнице услышал щелчок замка изнутри спальни. Бэнкс знала правила.

Обычно меня не волновало то, что наш дом – не самое безопасное место для симпатичных молодых девушек, но я не хотел, чтобы кто-либо приставал к моей сестре. Эта дверь оставалась запертой до тех пор, пока она не оденется и не будет готова дать отпор, если придется.

Я обогнул перила, пересек фойе, спустился еще по нескольким ступенькам в кухню и подошел прямо к столу.

– Доброе утро, – прошептал кто-то.

Раздраженно моргнув, краем глаза я заметил девушку в стандартной белой рубашке, в каких ходила прислуга. Я ее не узнал – должно быть, она работала только первый день. Взяв с подноса кусок хлеба, начал накладывать сверху яичницу с беконом, а затем положил в сумку несколько бутылок воды, выстроенных в ряды на столе.

Наша повариха Марина поставила на стол серебряную миску с фруктами.

– Когда возвращается мой отец? – спросил я, отрывая хлебную корку.

– Завтра вечером, сэр.

– Хотели бы вы заказать что-то конкретное на ужин, мистер Торренс? – снова подала голос девчонка.

Господи Иисусе.

Я сложил хлеб пополам, чтобы начинка не рассыпалась, пока девушка ждала ответа. Откусив кусок, бросил взгляд на Марину, вышел из кухни и услышал, как женщина принялась отчитывать новенькую.

* * *

Жизнь похожа на ад, когда мы ждем, что она окажется раем. Цитата, которую я прочитал несколько лет назад, звучала как-то так, но я никогда не понимал ее. Если ты постоянно находишься в эпицентре, если со временем понимаешь, что твое существование совершенно не похоже на жизни нормальных людей, то учишься спать на раскаленных углях и питаться огнем. Пока однажды не поймешь, что другого тебе и не нужно.

Наоборот, я не доверял раю. Завышенные ожидания и ложные надежды...

Нет, проблемы были мне *необходимы*.

Я сжал сигарету тремя пальцами, чувствуя, как сотовый вибрирует в заднем кармане уже второй раз, поднес ее ко рту и снова затянулся. Тонкая бумага с едва уловимым шипением загорелась, горячий дым заполнил мои легкие. Выдохнув, я прислонился спиной к колонне возле доски объявлений.

Здание школы до сих пор по большей части пустовало, ведь до звонка оставалось около сорока пяти минут.

Третий этаж – мое любимое место. Здесь, вдали от суматохи кафетерия и спортзала, с немногочисленными учебными кабинетами, было настолько тихо, что ты мог расслышать каждый шаг, скрип каждой двери, каждую упавшую ручку... Человек сразу слышал, когда появлялся еще кто-то.

И она была не одна. Интересно, заметила ли уже?

Я повернул голову и выглянул из-за колонны, наблюдая за ее размытым силуэтом сквозь стекло. Нас разделял ряд окон и открытое пространство с видом на внутренний дворик.

Она слишком много о себе возомнила, но такое часто случалось с новыми учителями, особенно молодыми. Они считали, что колледж подготовил их ко всему. Даже если и так, к Тан-дер-Бэй они точно не были готовы. Тут все было устроено немного по-другому. Она не главная, потому что никто не смел меня контролировать. Пора преподавать ей урок, что в нашей школе подчинялись правилам учителя, а не наоборот.

Девушка продолжала двигаться по кабинету, делая копии на ксероксе. Я облизал губы. Во рту пересохло. *Ну же. Уйди в какое-нибудь тихое место, иначе я возьму тебя прямо здесь.* В голове закружились образы того, как ее небрежный маленький пучок распускается. А эти ноги в туфлях на каблуках, когда она нагнется над столом...

Телефон вновь завибрировал. Я зажмурился и с трудом сглотнул. *Черт бы его побрал.*

Стиснув зубы, выудил мобильник из кармана, провел пальцем по экрану и поднес к уху.

– Отвали.

– Ну, и тебе добрейшего утра, Ворчун, – сказал Уилл. – Что с тобой такое?

Снова сглотнув, я опять поднял взгляд на свой приз.

– Ничего, что мой член не сможет исправить, если ты оставишь меня в покое на десять минут, – ответил я, пристально глядя на учительницу. – Чего ты хочешь?

– Заставить тебя улыбнуться.

Я нахмурился. *Заставить меня...* Господи, твою мать. Несмотря на то что я закатил глаза, все равно едва не поддался. Он обладал даром меня обескураживать, причем чертовски быстро.

– Ха-ха. Я почти слышу, как ты улыбаешься. – Судя по тону, Уилл явно забавлялся. В его голосе всегда звучали смешливые нотки.

– Слышишь, как я улыбаюсь, значит?

Он единственный, кто не ходил вокруг меня на цыпочках, за что я несколько раз чуть не убил его, однако теперь мы практически все делали вместе.

– Сказал же тебе, – подметил Уилл. – Мы связаны. На духовном уровне, и все такое.

На моих губах мелькнула ухмылка, которую он не видел.

– Твою мать, я тебя ненавижу.

Идиот.

Уилл, Майкл и Кай – мои друзья. Ради них я бы бросился в огонь. Хотя лишь один Уилл был готов броситься в огонь ради меня, в этом я не сомневался.

– Итак, что на ней надето?

Девушка вышла из копировальной и свернула в один из коридоров. Не сводя с нее глаз, я пошел следом по параллельному.

– Обручальное кольцо.

– Развратно.

Я тихо засмеялся, шаг за шагом подстраиваясь под ее темп.

– Получилось бы еще развратнее, если бы на ней было и свадебное платье.

– Я бы не отказался попробовать.

– Милости прошу. Могу поделиться.

Порой делиться было необходимо. Когда дело касалось женщин, я не всегда выполнял свои обещания. Уилл заканчивал с ними, если я терял интерес.

Она приближалась к углу, где должна была свернуть налево. Подходящий момент почти настал.

– Мне пора, – сказал я другу. – Встретимся на парковке в семь тридцать.

– Ага. Я оставил свою спортивную сумку в твоей машине, поэтому мне нужно будет забрать ее перед тренировкой. Увидимся...

Не дав ему договорить, я опустил телефон и сбросил вызов, по-прежнему не сводя с нее глаз. Учительница свернула за угол и показалась в окнах, расположенных перпендикулярно ко мне, подходя все ближе.

Я остановился, убрал мобильник обратно, прислонился плечом к стене и засунул руки в карманы толстовки, дожидаясь ее.

Девушка в очередной раз свернула влево, на мгновение исчезла из виду, но потом опять появилась и остановилась, заметив меня.

– Мистер Торренс, – произнесла она.

Я кивнул.

– Мисс Дженнингс. Вы хотели меня видеть?

Она сделала шаг назад, оглядываясь по сторонам – инстинктивно или из-за растерянности. Меня это позабавило. На ней было черное платье с короткими рукавами и V-образным вырезом, подчеркивавшее каждый изгиб тела. Скромные кардиганы и юбки до колена с цветочным рисунком, которые Дженнингс носила в начале учебного года, остались в прошлом. Похоже, учительнице-первогодке, поначалу больше похожей на женушку городского священника, нравилось, с какой похотью подростки смотрели на нее, так что теперь ей ничего не оставалось, кроме как одеваться соответствующе. Хотя она до сих пор ходила в очках и заплетала волосы в тугие пучки.

Дженнингс сглотнула, на ее щеках вспыхнул румянец.

– Э-м-м, в учебное время, да. Я, э-э-э... – Она опустила взгляд, переминаясь с ноги на ногу на своих черных шпильках.

Я сдержал улыбку. Несмотря на то, что сейчас девушка предпочитала более сексуальный гардероб, все равно оставалась застенчивой.

И мне это нравилось. Уверенность меня раздражала. Я не любил, когда за мной охотились.

– Ну, раз уж вы здесь, – сказала она, сдержанно улыбнувшись. – Проходите.

Войдя вслед за ней в кабинет, я почувствовал, как кровь внезапно разгорячилась в моих венах.

Этого было достаточно, чтобы меня завести.

Внизу сейчас находилось множество девушек, моих ровесниц. Чирлидерши, команда по гимнастике, участницы программы «Учись и работай» наверняка сидели в кафетерии... Я мог бы за пять минут найти ту, которая со мной переспит, если бы захотел, но для меня секс имел отдаленное отношение к плотским потребностям.

Происходившее сейчас – гораздо приятнее. Мой взгляд, устремленный ей в спину. То, как я закрыл и запер за собой дверь. Страх, влечение и предчувствие опасности, исходившие от мисс Дженнингс волнами, потому что она осталась со мной наедине. То, как ей придется смотреть на меня каждый день до конца учебного года и вспоминать, что она позволила мне сделать с ней сегодня. И в то же время она будет желать, чтобы это повторилось.

Для меня секс почти полностью происходил в голове.

Положив стопку своих бумаг на стол, Дженнингс обернулась и бросила взгляд на дверь, словно только сообразив, что я ее закрыл. Повисла тяжелая пауза. Я заметил, как тело девушки напряглось, однако она не сдала позиций, сцепила пальцы перед собой и придала лицу строгое выражение. Довольно милая попытка для двадцатитрехлетней учительницы, вообразившей, будто стоявший перед ней семнадцатилетний парень, который больше и выше сантиметров на пятнадцать, действительно считал ее авторитетной фигурой.

В два шага я добрался до парты в первом ряду и присел на столешницу.

– Слушайте, я не умею ходить вокруг да около, – начала Дженнингс, – поэтому сразу перейдем к сути.

Я лишь пристально уставился на нее.

– Работы, которые вы выполняете на дому и в классе, существенно отличаются. На различия в почерке я тоже обратила внимание. Не буду просить вас объясниться, чтобы не тратить зря ни ваше, ни мое время, ведь нам обоим известно, в чем дело.

В ответ я изогнул бровь.

Она замолчала, облизав губы и прочистив горло.

– Я скажу только одно – прекратите. – Мисс Дженнингс дернула подбородком в мою сторону. – Выполняйте задания, иначе вы не получите аттестацию.

Ага. Даже не опуская взгляд, я увидел маленькие бугорки ее затвердевших сосков, выступавших под тканью платья. Может, причина была в том, что здесь холодно. А может, не в этом. Мне просто хотелось смотреть на них.

Мое дыхание участилось, член начал набухать, пока я мысленно раздевал ее, но стиснул зубы, стараясь на время обуздать свои порывы.

Не получив от меня ответа, она уточнила:

– Вы поняли?

Я перевел взгляд и представил, как ее блестящая красная помада размажется по моей подушке, в которую она всю ночь будет утыкаться лицом, стоя на коленях.

– Да, мэм, – ответил я.

Девушка выглядела озадаченной, явно не ожидая, что все пройдет так легко. После секундной паузы она кивнула, послала мне доброжелательную полуулыбку, и отпустила меня со словами:

– Отлично. Хорошего дня.

Я едва не прыснул от смеха. Мы не закончили.

Теперь моя очередь.

– Могу я задать вам вопрос? – поинтересовался я, открыв на своем сотовом фото Дженнингс. – Это вы?

Выпрямившись, я подошел к ней максимально близко, чтобы смотреть сверху вниз.

Ее взгляд быстро пробежал с телефона в моей руке на меня и обратно. В попытке увеличить дистанцию между нами, внезапно ставшую интимной, она сделала шаг назад, но стол преградил ей путь.

Я поднял телефон выше и тихо произнес:

– Вы не сильно изменились.

Девушка опять сглотнула. Это была одна из многих фотографий, которые я нашел в ее социальных сетях. Фото, очевидно, сделано после десятого класса в летнем лагере. Дженнингс позировала с друзьями на своей койке. Невинная улыбка, распущенные волосы, загорелые ноги в милых джинсовых шортах, никакого макияжа и брекеты...

Она поджала губы.

– Теперь я умею пользоваться тушью.

Повернувшись ко мне спиной, девушка взяла мел и начала писать на доске.

– Вы покраснели, – заметил я. – Вас что-то смутило?

– Довольно.

В юности мисс Дженнингс была заучкой, но имела и свой потенциал. Мой взгляд скользнул по изгибу ее талии к заднице и соблазнительным ногам. *Очевидно.*

– Понимаете ли, я не ленивый и не тупой, – сказал я, подходя к ней сзади почти вплотную. – Просто мне неинтересно заниматься вещами, которые не доставляют мне удовольствия. Но тому, что я люблю... – я заговорил тише, играя с ней, – могу посвящать ночи напролет, мисс Дженнингс.

Ее рука замерла на середине предложения. Учительница повернула голову и дважды открыла и закрыла рот, прежде чем смогла ответить:

– Мне нужно работать.

Упершись ладонью в доску перед ней, я наклонился еще ближе. Волосы девушки щекотно коснулись моих губ.

– Парни вроде меня не замечали тебя в старшей школе, да? – тихо поддразнил я. – Никто не ласкал тебя ртом на заднем сиденье машины. Не снимал твои трусики и не терся об тебя на диване твоих родителей, пока они были в соседней комнате. – Я медленно провел пальцем по молнии ее платья. Она напряглась, стала дышать быстро и прерывисто. – Никто не облизывал твои сиськи, не делал твою киску влажной в чужой спальне на вечеринке в неизвестном тебе доме.

Резко развернувшись, Дженнингс слегка оскалилась.

– Я подам на тебя жалобу.

– Пожалуйста, не надо. – Я ухмыльнулся. – Если бы я знал тебя тогда, то первым бы сорвал твою вишенку, – продолжил шепотом. – Мне нравятся тихони.

Она покачала головой, ее карие глаза казались такими темными и теплыми.

– Меня предупреждали о здешних мальчиках. Этим вы не заработаете высший балл. Когда-нибудь мир заставит вас трудиться, чтобы получать желаемое.

– О, я не против потрудиться. – Прижав вторую руку к доске около ее головы, я пристально посмотрел на девушку.

Моя маленькая учительница литературы была всего на шесть лет старше меня. Пусть другим парням нравилось смотреть на Дженнингс, но поймею ее только я, потому что ничто другое не поможет. Мне было скучно. Меня вгоняли в уныние безмозглые дуры-одноклассницы, не способные сказать «нет», не способные удовлетворить мою аморальную нужду быть ненормальным во всем. Я не хотел трахаться. Мне хотелось замарать себя и замарать ее. Я не хотел быть единственным, кто... Закончить эту мысль не получилось. Мои друзья, как бы они ни любили играть в плохих парней, все равно всегда оставались чистыми. Их потребно-

сти были нормальными. Чтобы кончить, им хватало простого физического акта, а развлечения ждали за каждым углом.

Со мной все было сложнее. Я не мог отключить мозг, меня радовали только больные игры разума. Мне не хотелось, чтобы мисс Дженнингс получила удовольствие. Я хотел, чтобы она презирала себя за то, что наслаждалась этим.

Прильнув ближе и удерживая ее взгляд, я нацелился на рот девушки.

Однако она уперлась ладонями в мою грудь, остановив меня.

– Перестаньте.

Я неспешно прижался своим телом к ней и покачал головой, когда ее горячее дыхание овевало мои губы.

Она дышала все быстрее, ее взгляд опустился к моему рту. На ее лице появилось то же выражение, которое я раньше замечал сотни раз. Каждый человек позволяет себе задуматься на мгновение, а что, если?..

– Мне не нужна пятерка, и я не боюсь того, что ты можешь сделать со мной, – сказал я, коснувшись ее верхней губы языком, и услышал тихий стон. – Мне нужно, чтобы ты задрала свое платье, легла на стол и раздвинула ноги, как хорошая учительница, которая хочет накормить завтраком своего ученика.

Зарычав, Дженнингс подняла руку и дала мне гребаную пощечину.

Но я едва сдвинулся. За считанные секунды жгучее ощущение от удара распространилось к шее.

Я обхватил ее запястья и прижал их к доске, стараясь сдержать улыбку.

– Вы только что ударили несовершеннолетнего. Мне было больно, мисс Дженнингс.

Ее грудь резко вздымалась и опадала. Закипая гневом, она попыталась вырваться из моей хватки.

– Знаю, что ты этого хочешь, – произнес я, окинув взглядом ее тело. – Твои юбки становятся все уже. Вырезы блузок все глубже. Ты у меня не первая. Я умею хранить такие секреты.

– Какую бы одежду ни носила женщина, это не значит, будто она напрашивается.

– Значит, это не ты? – Я кивнул в сторону окон. – Не ты наблюдаешь за мной во время тренировок на поле?

Прошло почти восемь недель с начала учебного года. Тренер как можно чаще выгонял нас на уличные площадки после уроков, пока погода не испортилась. Недавно я начал замечать, что Дженнингс смотрит на меня из окна и прячется, если я подниму глаза. Лишнее доказательство, что мы не властны над своими желаниями, и созданы для того, чтобы сгореть в аду.

– Ты смотришь особенно долго, когда я без футболки. – Мой взгляд упал на ее губы. – Теперь я чаще ее снимаю, потому что знаю – тебе нравится.

У нее перехватило дыхание. Приоткрыв рот, она молча уставилась на меня.

– Если бы я учился в твоей школе, – я прильнул к ее уху, – то подошел бы к тебе перед всеми твоими друзьями и прошептал: «Хочу дотронуться до тебя», – последние слова я произнес едва слышно, затем развернулся и снова посмотрел ей в глаза. – После этого взял бы тебя за руку, отвел в подвал, в вечно пустующий зал для борьбы, и начал бы раздевать тебя.

– Мистер Торренс, – сдавленно произнесла девушка и с мольбой добавила: – Дэймон, пожалуйста.

Страх отразился на ее лице, однако боялась она не того, что не сможет меня остановить. Нет, мисс Дженнингс хотела получить желаемое, но боялась попасться.

– Потом уложил бы тебя на маты, поднял юбку, – отпустив одно из запястий, я обхватил рукой ее горло, – и трахал бы твое тесное тельце, одновременно посасывая груди.

Она часто и тяжело дышала. Не дав ей шанса произнести ни слова, я накрыл рот девушки своим, проглотив ее хриплый стон.

Я настойчиво целовал ее, ощущая вкус клубники, которую Дженнингс съела на завтрак, и почувствовал, как она обвила руками мою шею. Убрав их, я поднял учительницу, развернулся, усадил ее на стол и сразу же потянул юбку платья вверх. Мои пальцы проскользнули под ее трусики; я стянул их вниз по гладким загорелым ногам, не снимая туфель, после чего бросил на пол. Сердце начало колотиться сильнее. Я зажмурился.

Я трахну Дженнингс. Заставлю умолять, чтобы дал ей кончить, а позже на уроках, во время ее попыток читать лекции классу, буду упиваться тем, что ее гребаные трусики лежат в моем кармане. Завтра вернусь за добавкой. Возможно, возьму с собой Уилла и понаблюдаю, как она будет трахать его на своем рабочем кресле.

Да. Мое сердце пропустило удар, на мгновение я перестал дышать. Член затвердел. Опустившись, я провел языком от ее лодыжки к внутренней поверхности бедра.

– Почему я? – спросила мисс Дженнингс, опираясь на руки и прикусив губу.

Я заставил ее лечь обратно на столешницу и прорычал:

– Потому что это аморально.

Полностью подняв юбку и еще раз бросив взгляд на дверь, я напомнил себе, что запер ее, затем нагнулся и припал ртом к киске девушки. Резкий вздох и ее тихий выкрик заставили меня удовлетворенно закрыть глаза. *Просто раздвинь свои гребаные ноги и не мешай мне делать все по-своему. Для этого ты тут и нужна.*

Я обхватил рукой бедро, удерживая ее, продолжил сосать, целовать, кусать и оттягивать ее плоть, проникать языком внутрь, ощущая вкус ее клитора. Она стонала и извивалась, пока я дразнил ее. Дженнингс не первая учительница, которую я видел в похожем положении, но до нее ни к кому не притрагивался. Посасывая нежную кожу, я посмотрел на ее лицо и увидел, как ей это нравилось. Слишком легко. Простота меня не особо заводила.

– Опустит топ платья, – приказал я, проведя языком по клитору.

Снова и снова испуская тихие стоны, девушка стянула сначала один рукав, потом второй и обнажила свои груди. *Уже лучше.* Полуголая, с раздвинутыми ногами, в очках, она выглядела уязвимой...

– У тебя так хорошо получается, – произнесла Дженнингс с придыханием.

Я слегка укусил ее, отчего она шумно вздохнула. *Не разговаривай.*

Она начала двигаться навстречу мне, обхватила мою голову ладонями. Оттолкнув ее руки, я надавил ей на живот, чтобы она не поднимала задницу со стола, и продолжил лизать. Мне нравилось ласкать ее ртом, так я контролировал ситуацию, а она была полностью в моей власти. Я мог делать с ней все, что посчитаю нужным.

– Боже, да, – простонала мисс Дженнингс. – Так приятно.

На мгновение я очнулся от своих мыслей, услышав другой голос.

Хороший мальчик. Ты становишься все более умелым, малыш.

Я оторвался от девушки. Мне нужно было сглотнуть, во рту вдруг пересохло.

Заглушив в себе этот голос, я заставил себя ввести в нее два пальца, одновременно играя языком с клитором.

– Боже, ты такой молодец, – снова сказала она, отказываясь заткнуться. – Не останавливайся. Продолжай, малыш.

Малыш? Какого хрена?

Стиснув зубы, тяжело дыша, я выпрямился и едва не разорвал свой ремень, пытаясь его растегнуть. Может, у Дженнингс в ящике стола найдется скотч. Ей нужно закрыть рот. Жар разлился по шее к груди; я с трудом старался отвлечься и вернуться к своим фантазиям.

Только она поднялась и, пытаясь меня поцеловать, сама занялась моим ремнем.

– Я хочу отсосать тебе, – выдохнула девушка. – Хочу почувствовать твой вкус.

Он твердеет, когда я так делаю. Это значит, что тебе нравится.

От воспоминаний об этих словах мои внутренности затянулись в тугой узел. Хлестнув Дженнингс по рукам, я сказал:

– Нет.

Мне это не нравилось.

– Делай, что тебе велят, – ответила она в попытке продолжить игру.

Но я уже слетел с катушек. Схватил учительницу за шею, удерживая на месте, и склонился к ее лицу:

– Мне это не нравится.

Да, тебе ведь это нравится, правда, малыш? Ты такой хороший мальчик.

Я толкнул Дженнингс и попятился, застегивая ремень. Пульс отдавался в ушах, по коже расплзлась дрожь отвращения, стены будто начали сдвигаться. Стало трудно дышать.

Твою мать.

– Что? – послышался голос мисс Дженнингс. Она подняла руки, прикрывшись. – Я хочу этого, Дэймон. Ты знаешь, что я хотела тебя. Было так горячо. Ну же. – Девушка встала и потянулась ко мне, намереваясь обнять. – Закончи со мной, – прошептала она. От прикосновений ее липких назойливых рук кожу словно огнем обожгло.

Оттолкнув ее, я запустил пальцы в волосы.

– Тупая сука.

Я отошел от Дженнингс, распахнул дверь и выскочил в пустой коридор. Живот свело от тошноты.

Почему она не могла закрыть свой гребаный рот? Ведь большинство людей выполняют мои указания.

Сбежав по лестнице, я свернул за угол и вломился в мужскую уборную.

Не следовало к ней прикасаться. Я подошел к раковине, сплюнул, все еще ощущая ее вкус. Сплюнув во второй раз, открыл кран, наполнил сложенные ладони водой и умыл лицо, пытаюсь остыть. Повторив это несколько раз, вытерся рукавом.

Я смотрел на свое отражение в зеркале, провел рукой по волосам, царапая ногтями кожу головы и впиваясь все глубже, спустился к шее.

Поспи со мной, мой сладкий. В памяти всплыло то, как я забирался в ее огромную кровать с пышным одеялом, а она прижимала меня к своему обнаженному телу.

Закрыв глаза, уперся лбом в зеркало, по-прежнему стараясь отдышаться.

– Нужно было трахнуть ее, – пробубнил себе под нос. – Нужно было заклеить ей рот, перевернуть ее и трахнуть.

Все заволокло темнотой, я проваливался в черную дыру. В горло как будто вонзались иголки.

Я достал мобильник и не глядя набрал номер. Послышались гудки, и я поднес трубку к уху.

– Дэймон? – ответила Бэнкс.

Тяжело дыша, я произнес после короткой паузы:

– Бэнкс...

– Я тебе нужна?

Я моргнул и глянул в сторону двери, проверяя, не собирался ли кто-нибудь войти.

– Времени нет.

Придется сделать это по телефону.

Однако она начала возражать.

– Дэймон...

– Твою мать, какая от тебя польза? – Я с такой силой стиснул сотовый, что тот затрещал.

Бэнкс умолкла. А я представил, как она читает в моей комнате, или делает уборку, или ухаживает за моими змеями. Мне бы хотелось, чтобы сестра оказалась здесь, тогда все прошло бы гораздо быстрее.

Сделай это. Просто сделай.

Она прочистила горло и вздохнула.

– Знаешь... – сказала Бэнкс своим лучшим недовольным тоном. – У меня есть дела. Ты только для этого мне позвонил? Господи, да ты гребаный нытик.

Мои пальцы дернулись от желания сжаться в кулак. *Хорошо.* Продолжай. Проскользнув в кабинку, я запер за собой дверь.

– Ну, давай, – подначивал я. – Повтори?

– Иначе что? – парировала она. – Что ты сделаешь? Черт, ты такой слабак, бросаешься звонить мне, потому что кто-то ранил твои чувства? Кто-то наступил тебе на пальчик, малыш, да? Похоже, Майкл, Кай и Уилл делают большое одолжение богу тем, что соглашаются дышать одним воздухом с тобой.

Я стиснул челюсти.

– А я торчу здесь только ради денег, но и они уже стали мне безразличны, – продолжила Бэнкс, – потому что меня тошнит от одного вида твоего идиотского лица. Боже, меня реально достало это дерьмо.

В груди все содрогнулось, я сжимал и разжимал кулаки. *Она врет. Просто выполняет поручение. Мне было необходимо, чтобы Бэнкс меня унизила, ведь одна боль заглушает другую. Сестра должна задавить ту тьму, которая пыталась вырваться наружу.*

– Что? – язвительно бросила она. – Что ты скажешь? Ничего. Ты не способен даже часа продержаться вдали от меня, у тебя сразу начинаются панические атаки, словно у гребаной Барби из Малибу. Неудивительно, что я больше нравлюсь твоему папочке. Я – тот сын, которого он всегда хотел.

После этих слов я почувствовал резкую боль в животе, как будто меня пырнули ножом. Потому что мне показалось, что Бэнкс может быть права. Хоть отец и не признал ее своим ребенком, он доверял моей сестре, наделял полномочиями.

Ее. Незаконнорожденную уличную крысу, которая пошла бы по стопам мамыши-наркоманки в проституцию, если бы я в прямом смысле не выкупил ее задницу, когда ей было двенадцать лет. Она жила в особняке благодаря мне. Питалась три раза в день благодаря мне. Была в безопасности благодаря мне.

– Что ты сказала? – процедил я.

У Бэнкс перехватило дыхание. Она теряла храбрость.

– Дэймон, пожалуйста...

– Повтори!

Всклипнув и давась слезами, она заставила себя произнести:

– Мы каждый день смеемся над тобой после твоего ухода. – Ее голос опять окреп. – Отец не верит, что ты повзрослел. Он не может поручить тебе ни одного ответственного дела. Все смеются над тобой. Особенно тот парень, который сейчас трахает меня в твоей постели.

Вцепившись в верхний край двери, я покачал головой. Никто не смел притрагиваться к Бэнкс.

– Боже, ты еще из дома не вышел, а первый уже был внутри меня, – сказала она, вонзая шпильку все глубже. – Меня жестко имели все утро. Черт, иди уже на уроки и оставь нас в покое, а?

Я скрипнул зубами, представив сестру в моей кровати, и толпу людей отца, ожидающих своей очереди. Они улыбаются, глядя на нее. Наслаждаются ею. Используют. Обращаются с ней как с ничтожеством.

От подобных образов я начал пинать дверь ногой, рыча, пока она не распахнулась и не ударилась о стену.

Твою мать, да. В мгновение ока... мое тело расслабилось. Конечности ослабли, словно от усталости, и я увидел реальную картинку – как Бэнкс сидит сейчас в моей комнате одна, полностью одетая, с воротником до подбородка, плачет, а ее книги рассыпаны по полу. Потому что она невинная, чистая и самая милая девушка из всех, кого я знал.

Я заставлял ее говорить все эти гадости, потому что человек одновременно способен чувствовать только один вид боли. Мне казалось, если на меня навалится достаточно грязи, то под таким гнетом я не смогу думать. А иногда нейтрализовать все, что творилось в моей голове, удавалось только с помощью собственных жертв.

Вроде мисс Дженнингс. Или Бэнкс. Наверное, я все-таки не любил одиночество, но оно мне и не грозило, пока все остальные не станут такими же испорченными, как я сам.

Дома я мог попросить сестру сделать что-нибудь другое, чтобы остановить эту боль, но вдалеке друг от друга нам приходилось импровизировать.

Я прогнал воспоминания, всплывшие в кабинете Дженнингс, в такую даль, что сейчас даже сказать не мог, что их спровоцировало. Подойдя к раковине, открыл кран, набрал немного воды в ладони и выпил. Прохлада успокоила мой разгоряченный разум.

Последних двадцати минут словно и не было.

– Дэймон? – послышался оклик Бэнкс. – Дэймон!

Я выпрямился и поднес телефон к уху.

– Лучше? – спросила она.

– Да. – Оглядев свое лицо и волосы в зеркале, я увидел, как ярость начала рассеиваться, кожа снова побледнела. – Да...

– Пожалуйста, больше не заставляй меня делать это...

Я опустил мобильник и сбросил вызов, проигнорировав ее просьбу. Желания Бэнкс в конечном итоге не важны. Мы будем действовать так, как придется.

Поправив свою одежду, я почувствовал вибрацию и посмотрел на дисплей телефона.

*****Дэймон К. Торренс*****

Пожалуйста, встретьтесь с мистером Кинкейдом в офисе директора перед первым звонком сегодня утром.

Копия: Гэбриэл Торренс.

Спасибо.

Проклятье.

Проверив время, я заметил, что до звонка осталось восемь минут. Мне хотелось покурить.

Я сунул мобильник в задний карман, медленно выдохнул и наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую, услышав, как хрустнула шея. Каждый раз, когда меня вызывали к директору, отец получал копию эсэмэски, чтобы быть в курсе событий. Словно его это волновало. Отец знал, если случится что-то серьезное, они позвонят ему лично. А такое частенько происходило за время моей учебы в этой школе.

Раньше я хотел его внимания. Сейчас же ненавидел, когда отцу напоминали о моем существовании. Меня не очень радовала перспектива покинуть город и уехать в колледж летом, но в то же время я с нетерпением ждал возможности выбраться из своего дома.

И что я такого натворил, раз Кинкейд решил устроить мне взбучку?

Я вышел из уборной, задев плечом другого ученика, перешел коридор и направился к административному офису. Распахнув дверь, подошел к длинной стойке из темного дерева и бросил сердитый взгляд на секретаршу, миссис Деваскес.

– Присядь, – сказала она, кивнув на стулья позади меня. Ее короткая седая шевелюра даже не шелохнулась. – Директор вызовет тебя, когда будет готов.

Молча развернувшись, я оперся локтями на стойку и начал барабанить по ней пальцами в ожидании. В офисе больше никого не оказалось, но я сразу притих, услышав голоса, доносившиеся слева из кабинета Кинкейда. Я посмотрел в ту сторону и через матовое стекло разглядел силуэты нескольких человек. Они встали.

– Почему ты не в форме? – с вызовом поинтересовалась Деваскес.

– Разве уже 7:45? – ответил я, даже не повернувшись к ней.

Больше она не раскрывала рта.

Я ненавидел это помещение. Большинство кабинетов в нашей древней школе модернизировали под стать требованиям родителей, плативших солидные суммы за обучение своих отпрысков, сохранив лишь вычурную внешнюю облицовку из серого камня, но эта комната напоминала мне наш дом. Темное блестящее дерево, за годы буквально впитавшее мерзкую вонь полироли для мебели, высокие потолки со стропильными балками, собиравшими пыль, и полы, вымощенные булыжником, из-за которых мне порой казалось, будто я нетвердо стою на ногах.

Дверь Кинкейда распахнулась, послышались голоса.

Обернувшись, я увидел, как из кабинета вышла Марго Эшби.

– Спасибо, Чарльз. Я знаю, сколько усилий приложили вы и остальные учителя, чтобы помочь Уинтер вновь освоиться.

Уинтер... Я прищурился.

А затем появилась она, держа мать за руку и медленно следуя за ней.

На мгновение у меня перехватило дыхание. *Господи*. Что Уинтер здесь делала, черт побери?

Девочка из фонтана. Она повзрослела. Ей, наверное, сейчас было лет четырнадцать-пятнадцать. От детской пухлости не осталось и следа, от белой пачки тоже, и взгляд ее не сосредоточился на мне. Она больше никогда на меня не посмотрит.

Старшая сестра Уинтер, моя ровесница, проскользнула вперед, в то время как Кинкейд и их отец-мэр выходили следом.

– Мы оставим ее здесь, пока мисс Фэйн не появится, – сказал директор, когда они все переместились в главный офис. – Она получила все инструкции и будет помогать Уинтер в течение первых недель. Так как они одноклассники, нам было нетрудно устроить их в один класс.

Один класс.

Мисс Фэйн. Эрика Фэйн? Они с Уинтер будут учиться в одном классе? Значит, Уинтер – девятиклассница.

И она вернулась домой, чтобы окончить школу.

Я почти пришел в восторг от мысли о том, какие перспективы мне принесет этот новый отвлекающий фактор, но подавил улыбку.

Едва они остановились, Уинтер отпустила руку матери за ненадобностью. Я не мог отвести от нее взгляда. Голубые глаза девушки выглядели такими же невинными и беззаботными – скорее всего, потому что она не подозревала, что нас в данный момент разделяло каких-то полтора метра. Интересно, хорошо ли Уинтер помнила меня?

Ее воинственно вздернутый подбородок я счел особенно интригующим.

С какой легкостью одна боль вымещала другую. Я почти забыл о своей голове, раскалывавшейся всего несколько минут назад, и мисс Дженнингс теперь казалась мне далеким воспоминанием. Тихо, глубоко вздохнув, я наполнил свои легкие желанной порцией свежего воздуха.

– Ей обязательно носить блейзер? – спросила миссис Эшби. – Мы пытались уговорить Уинтер надеть его, но...

– О, нет, все в порядке, – ответил Кинкейд. – Если она носит цвета Тандер-Бэй, нас это вполне устроит.

Уинтер была в стандартной зелено-голубой клетчатой юбке, однако, в отличие от большинства учениц, носивших под блейзерами блузки или оксфордские рубашки, я заметил, что из-под ее синей толстовки выглядывала белая футболка-поло.

Бунтарка.

– А что в дресс-коде говорится об обуви с помойки? – встряла в разговор ее сестра Арион, присев на корточки, чтобы завязать болтавшиеся шнурки потрепанных док мартенсов Уинтер. – Казалось бы, та, кого нужно водить за ручку, чтобы она не споткнулась, должна уметь завязывать шнурки на два узла.

– Отцепись. – Отдернув ногу, девушка на ощупь подошла к стойке и остановилась рядом со мной. Не знаю, как она поняла, куда идти. Уинтер присела и стала сама завязывать шнурки; ее длинные белокурые волосы с каскадной стрижкой рассыпались по плечам.

Внезапно в комнате повисла тишина. Подняв взгляд, я обнаружил, что ее родители устались на меня, только заметив мое присутствие... в нескольких сантиметрах от их дочери.

Уинтер выпрямилась, задев рукой мои джинсы.

– О, извините, – сказала она.

Мать девушки шумно вздохнула и бросилась к нам.

– Э-м, вообще-то, Чарльз, мы с Уинтер подождем в библиотеке. – Схватив ее за руку, миссис Эшби повела дочь к двери. – Если бы вы могли отправить Эрику туда, когда она придет...

– Разумеется.

Марго, Арион и Уинтер вышли в коридор. Голова начала кружиться из-за открывшихся передо мной возможностей. Я понятия не имел, что она обо мне думала и думала ли вообще, но был уверен – Уинтер меня не забыла. Она никогда не сможет забыть.

Дверь закрылась за ними. Наш мэр, Гриффин Эшби, двинулся следом, однако, поравнявшись со мной, остановился.

Я смотрел на него, пока он шел вперед, даже не удостоив меня взглядом.

– Когда-нибудь ты попадешь за решетку, – произнес мужчина. – Надеюсь, это случится в ближайшем будущем, чтобы ты больше никому не навредил. Мистер Кинкейд просветит тебя по поводу правил на время обучения моей младшей в этой школе. – Наконец-то повернув голову, Эшби посмотрел на меня с презрением. – Заруби себе на носу, если ослушаешься, я тебя уничтожу.

Отвернувшись, он вышел из кабинета. Уголки моих губ дернулись в улыбке. Шесть лет назад мы с его маленькой девочкой изменили друг друга. Пусть я не мог вернуть прежнюю Уинтер, зато определенно смогу обеспечить ей новые воспоминания о себе.

Да... это мне по силам.

Значит, решено.

Я услышал, как мистер Кинкейд прокашлялся и открыл дверь своего кабинета.

– Мистер Торренс, прошу вас...

Глава 4

Дэймон

Наши дни

– Десять ходов, и ты меня сделаешь, – сказал мистер Гарин. – Видишь?

Я внимательно изучал шахматную доску, стоявшую между нами, просчитывая ходы, чтобы поставить шах и мат, и пытался предугадать его ответные действия.

Да, вижу. Но так будет скучно.

Когда я потянулся к своей пешке на Е2, Гарин возразил:

– Не так.

Он посмотрел на меня, как когда-то в детстве.

Не сдержавшись, я быстро улыбнулся и, не послушав совета, передвинул свою фигуру на Е4.

Мистер Гарин вздохнул и покачал головой, недовольный тем, что за годы работы на моего отца так и не смог приучить меня к самоконтролю и стратегии, хотя мы с ним играли в шахматы вечерами напролет после школы. То есть он *думал*, что не смог приучить. Люди считали, будто я всегда действовал импульсивно, но в действительности требовалась довольно продуманная тактика, чтобы быть таким ненормальным, как я.

Внизу гремела хаус-музыка, клуб уже битком был набит студентками, молодыми сотрудниками компаний – в общем, людьми слегка за двадцать, способными раскошелиться на три сотни долларов за бутылку водки или шампанского, только бы сесть за проклятый столик.

В школьные годы я часто зависал здесь с друзьями среди шумной толпы. А сейчас лишь держал для себя приватную комнату на втором этаже, где навещал Костю Гарина – одного из бывших телохранителей отца, который теперь руководил охраной в этом клубе. Пятидесятилетний мужчина с седой эспаньолкой по-прежнему носил черные костюмы, имел более впечатляющую мускулатуру, чем я, и был одним из немногих, кто сумел завоевать хотя бы толику моего уважения.

Я бы согласился вести бизнес с ним.

Поверил бы каждому его слову.

Даже на его похороны пошел бы.

Круг людей, ради которых я способен высиживать целую церемонию, был очень мал.

Однако друзьями мы не стали и никогда не обсуждали личные вопросы. Мистер Гарин научил меня многим вещам, но не портил наши отношения, пытаясь играть роль отца.

Встречи с ним были одними из приятных моментов, которые радовали меня здесь.

А другой бонус...

– Я хочу уйти, – подала голос девушка из противоположного конца комнаты словно по сигналу.

Когда мистер Гарин сделал свой ход, я повернул голову в ее сторону.

На ней было обтягивающее розовое платье из пайеток, сиявшее в тусклом свете бра. Она сидела на коленях какого-то мелкого придурка, имени которого я не знал. Ее парень пристроился напротив, на краю черного кожаного дивана, и наблюдал за тем, как другой лапал его женщину. Я следил за ними, пытаясь поставить себя на место каждого из них.

Нравились ли ей прикосновения другого мужчины? Ревновал ли ее парень? Или возбуждался? Злился? Сбылись ли у другого фантазии об этой девушке? Наслаждался ли он происходящим? Встал ли у него?

Я ждал ответной реакции: чужой ревности, деградации девушки, его желания и их страха из-за того, что за ними наблюдают.

Только мои чувства, кроме пустой скуки, так и не проснулись. Пока. Со временем сопереживать становилось все сложнее и сложнее.

Может, если бы на ее месте оказалась моя новая женушка?

Или...

Парень несмело дотронулся до ее бедра, скользнул губами по плечу, вероятно, пытаясь себя контролировать, чтобы никто не догадался, как ему это нравилось.

– Мы уже можем уйти? – поинтересовалась девушка, несмотря на то, что мужчина, которого она оседлала, явно не спешил уходить.

Проигнорировав девушку, я повернулся обратно к доске и увидел, что мистер Гарин ответил на мой ход пешкой на E5. Я мысленно улыбнулся.

– Приглядишься внимательней, – продолжил он. – Ты все еще можешь одолеть меня. Всего десять ходов.

Десять? Передвинув коня на F3, я услышал, как мой соперник выдохнул и сделал ход конем на C6, словно на автопилоте.

– Дэймон, – проворчал он недовольно.

Я понял, что Гарин начинает злиться, по тону его голоса. Мой пульс немного участился, когда мужчина продолжил игру без энтузиазма – будто мы годами ходили по кругу и его уже достали мои глупые ошибки и импульсивность. Он просто хотел поскорее одержать неизбежную победу, чтобы вернуться к работе, ведь я якобы не был сосредоточен на нашем поединке.

Мой слон на C4, его пешка на D6, мой второй конь на C3. Когда мистер Гарин потянулся к своему слону, я перестал дышать, наблюдая за тем, как он переставил фигуру на G4, прижав моего коня к ферзю.

Идиот. Мой план сработал, а он до сих пор не заметил, что сделал. Я сдвинул коня на E5, забрав его пешку, и оставил ферзя абсолютно беззащитным перед его слоном. Мужчина увидел лазейку, покачал головой, забрал мою фигуру с доски и поставил слона на ее место.

Сердце подскочило к горлу. Он думал, что загнал меня в угол.

Только теперь настал мой черед ходить. Переставив слона на G7, я объявил шах его королю.

Мистер Гарин замер, осознав, что сейчас произошло, вновь окинул взглядом доску, а затем внимательно посмотрел на меня.

Как я и думал, он все же попытался сделать ход королем на E7, однако обреченность уже читалась на его лице.

Я передвинул своего короля на D5 и произнес:

– Шах и мат.

Мужчина пристально смотрел на доску, хмурясь так, словно не понимал, как такое могло случиться.

– Семь ходов... – пробормотал он.

Ага.

Не десять.

Он быстро взглянул на меня.

– Ты пожертвовал ферзем. Я тебя такому не учил.

Вдруг раздался стук в дверь. Мой водитель открыл ее и впустил Эрику Фэйн. Встав, я поправил свой пиджак.

– Королева ³ – самая могущественная фигура на доске, – сказал я мистеру Гарину, не сводя глаз с Рики. – Почему бы ее не использовать?

³ Ферзь.

Рика, невеста одного из моих школьных друзей, прошла дальше в комнату. Судя по виду, она подготовилась к чему угодно, только не к ночи в клубе. Уголки моих губ приподнялись в улыбке. Низко натянутая бежевая бейсболка девушки отбрасывала тень на глаза, белокурые локоны рассыпались по спине. Она была в джинсах, бежевом тренче, из-под которого выглядывал капюшон серой толстовки, и держала руки в карманах. Когда я двинулся ей навстречу, Рика замерла, без сомнений, стараясь сохранить безопасную дистанцию.

Я свернул к дивану и присел напротив парня, который все еще наблюдал... точнее, пытался не наблюдать за своей девушкой и другом.

– Хорошего вечера, Дэймон.

Услышав слова мистера Гарина, я кивнул, а когда вновь поднял глаза, он уже ушел. Рика держалась поодаль. Я выудил бумажник из нагрудного кармана и достал оттуда стопку купюр.

– Я хочу остановиться, – объявила девушка, отстранившись ото рта парня.

– Ты можешь остановиться в любой момент, если пожелаешь, – ответил я. – Дверь не заперта. – Пока она думала, я начал медленно раскладывать столонларовые банкноты на столе. Рядом с деньгами, которые уже заплатил им за то, чем они занимались. – Или можешь остаться здесь, – добавил я, бросая купюру за купюрой, – и дальше бездействовать, в то время как твой парень позволит своему лучшему другу просунуть руку тебе под платье. – Я положил на столешницу последнюю сотню. – Чем зарабатываешь квартплату на следующий месяц.

– Черт, что с тобой такое? – требовательно спросила Рика.

Подняв глаза, я увидел, как она сердито перевела взгляд с троицы на меня.

– Можешь посмотреть, – сказал ей. – Майклу не расскажу. Я отлично умею хранить наши секреты.

Рика отвернулась, и я снова посмотрел на девушку, которая пыталась тайком пробраться в клуб со своим парнем и его другом, хотя никому из них еще не исполнилось двадцати одного года. Она выглядела сексуально, и я подумал, что с ними будет забавно поиграть, поэтому мы оказались здесь.

Взгляд кареглазой незнакомки опустился к деньгам и задержался на мгновение.

Как и в ситуации с Гариным, жар начал медленно распространяться по моим рукам, из живота к паху и бедрам, пока я ждал ее решения – сделает ли она то, чего я от нее хотел.

Девчонка занервничала сильнее, ее упругие сиськи поднимались и опускались в такт дыханию. Она с полной очевидностью желала поддаться, но опасалась того, во что это выльется между ней, ее парнем и его другом, когда они покинут комнату. *Ей просто хотелось получить деньги?* Я сглотнул, отметив нерешительность, отразившуюся на ее лице. *Или ей нравились аморальность и опасность происходящего?*

Незнакомка взглянула на своего парня. Ему, судя по виду, было неловко, однако он все равно не увел ее отсюда.

Давай, парень. *Прими решение.* Забери свою женщину, либо сиди и наслаждайся шоу.

Какой же слабак.

В итоге постепенно она сделала выбор за него, прильнув к другу, который сжал ее рыжие волосы на затылке в кулак, впился губами в шею, сунул руку под ее платье и сжал грудь. Девушка закрыла глаза, неровно дыша, но осталась напряженной.

Ненадолго.

Спустя минуту я представил себя на его месте. Она сидела у меня на коленях; я овладевал тем, что принадлежало другому, и он не хотел со мной делиться. Парень, пристроившийся на диване, видел желание своего приятеля и теперь знал правду. То, что тот скрывал. Они изменились. Удовольствие стало пробуждаться у меня в груди.

Да.

Я на секунду зажмурился, наконец-то хоть что-то почувствовав. Лишь легкий трепет, но это лучше, чем ничего.

Послышался вздох Рики.

– И ты еще удивляешься, почему тебя все ненавидят.

Распахнув веки, я покачал головой.

– Я не удивляюсь.

Я поднялся и убрал бумажник обратно в нагрудный карман пиджака.

– Мне нравятся шахматы. – Приблизившись к ней, я заметил, что она до сих пор держала руки в карманах. – Нравится знать и видеть перед собой желанную цель. Осознавать, что добиться ее не так уж просто. Придется проявить терпение и выполнить ряд тщательно продуманных маневров, объединенных в определенную последовательность. – Я сделал паузу, посмотрев на Рiku сверху вниз. – Понимая при этом – чем дольше нужно ждать и, вероятно, менять свою стратегию, тем приятнее будет получить то, что я хочу.

Смущать ее я любил. Игры разума порой бывают занятнее, чем реальный секс.

На долю секунды создалось ощущение, будто я смотрел на *нее*.

На Уинтер.

У обеих девушек был похожий цвет волос, у Уинтер на тон светлее, и цвет глаз – у Рики чуть темнее. Зрачки Уинтер окружало кольцо более темного оттенка голубого, что делало ее взгляд... пронизывающим.

Я отчасти радовался ее слепоте, ведь если бы она посмотрела на меня этими глазами...

Да, Уинтер и Рика очень походили друг на друга, и не только внешне. Они обе были непокорными, получали удовольствие от опасности и сопротивлялись.

– Еще мне нравится знать, что путь к успеху изменится в зависимости от того, какие фигуры я решу использовать. А люди – это мои любимые фигуры, Рика.

Она прищурилась, но ничего не ответила. Вероятно, Рика пыталась изобразить скуку или нетерпение; притвориться, будто ее не впечатлила моя речь, однако меня не проведешь.

– Взгляни на нее. – Я кивнул на девушку в кресле. – Это красивое тело, поначалу нерешительное, теперь отвечает на ласки. Она хочет к нему прикоснуться. – Бросив взгляд на Рiku, я опять посмотрел на целующуюся пару.

– Видишь, как она сжимает в кулаке свое платье? Девчонка возбуждена, но ее парень наблюдает за ними, и она боится того, что он подумает. Ей не хочется показывать, как она наслаждается руками и ртом его друга, поэтому оценивает реакцию своего мужчины. Ждет от него какого-нибудь знака, который разрешит ей получать удовольствие от происходящего.

– Тогда почему она сказала, что хочет уйти? – возразила Эрика.

– Потому что девушкам положено это говорить, разве нет? – парировал я. – Рискованно задействовать короля или королеву слишком рано.

Парочка продолжала развлекаться: целоваться, покусывать, трогать друг друга, пока мы беседовали.

– Вас так учат, верно? Этому я научил Бэнкс.

Ведь женщины не должны жаждать секса наравне с мужчинами. И им уж точно не следует отдавать предпочтение случайным связям. Вот чему я учил свою сестру, чтобы ее обезопасить.

Я подстегнул Рiku вопросом:

– И почему же девушка осталась?

Стиснув челюсти, она отвела глаза, словно отказываясь принимать участие в игре. Но потом я заметил, как ее взгляд вновь вернулся к троим студентам, затем переместился к деньгам на столе.

– Потому что ход за тобой, и ты сказал «нет».

– Да, очень хорошее замечание.

Возможно, девчонка делала это ради денег. Или ей нужно было чем-то оправдать свое согласие.

– Теперь обсудим его. – Я оглядел лучшего друга, сжимавшего ее грудь под платьем. – Он все делает бесплатно. Я сказал ему поцеловать девушку, а он сейчас буквально пожирает ее живьем. Парнишка давно ее хотел, – сказав это, я заметил, как глаза парня, целовавшего девушку, раскрылись. Наверное, услышал меня. – Скорее всего, он фантазировал о ней за спиной у своего друга. Готов поспорить, ему хочется накрыть ее сиськи обеими руками.

Бросив на него взгляд, я уточнил:

– Разве тебе не хочется?

Тот кивнул, не прерывая поцелуя с девушкой. Парень отпустил ее волосы и положил руку ей на талию, готовясь получить разрешение.

– И ее молодой человек. Это сводит его с ума. Он хотел бы разозлиться, но...

– Ему нужны деньги, – закончила Рика.

– Или шоу его возбуждает, чего он не желает признавать.

Она надменно посмотрела на меня.

– Да уж, конечно.

Какой же наивной до сих пор оставалась невеста Майкла.

– Не каждому мужчине нужно платить за то, чтобы он понаблюдал, как другой парень трахает его женщину.

– С чего бы ему получать удовольствие от такого?

– Думаю, тебе известно, – бросил я, игриво глянув на нее. Я был прекрасно осведомлен об их маленьком приключении в парной «Хантер-Бэйли» с Майклом и Каем.

Мне казалось, меня заведет то, чем Рика наслаждалась в том помещении, но в действительности это вывело меня из себя. И я не совсем понимал причину. Возможно, это произошло потому, что я не получил своей очереди и лишился развлечения?

Или, может, даже понимая, что она бы не допустила того, чего не хотела, я в глубине души считал, будто ее... ну, не знаю...

Использовали.

Почему меня это заботило – понятия не имел. Майкл с Каем и раньше делили женщин. Просто мне не хотелось думать о том, что подобное случилось с Эрикой.

Хотя один плюс в этом был. Мои старые друзья по-прежнему любили играть, и они станут ключевыми фигурами.

– Видишь ли, Рика. В нашем мире существуют люди, которым суждено превратиться в марионеток. Они – жертвы, неспособные изменить свою судьбу, даже если бы им выпал шанс вернуться в прошлое и прожить жизнь заново тысячами различных путей. – Я демонстративно скользнул взглядом по ее телу. – А еще существуют игроки. Вроде нас с тобой, – сказал я, указав на троицу. – Какой фигурой ты сделаешь ход дальше?

На сей раз она не спасовала перед брошенным вызовом. Замешкавшись лишь на мгновение, Рика оценивающе осмотрела молодых людей. Ее взгляд в итоге остановился на парне, что наблюдал.

– Он попытается доказать свое превосходство.

Очень хорошо.

– Да, он ощущает дух соперничества, – ответил я впечатленно. – Это его раздражает и возбуждает. Он хочет трахнуть ее, показать, кто тут настоящий мужик. Мы должны использовать его, сделать активным игроком в партии. Заставить почувствовать себя значимым.

Рика быстро соображала. У нас с ней возникла одна и та же мысль.

– Эй! – окликнул я парня, сидевшего на диване, не сводя глаз с Рики. – Скажи своему другу, что он должен сделать с твоей девушкой.

Рика, не отрываясь, смотрела на меня. Мы оба в немом противостоянии ждали, подтвердится ли наша теория. Останется ли он на доске или сломается и сбежит.

Чувак молчал. Были слышны лишь звуки поцелуев парочки, разместившейся на кресле, и музыка, гудевшая внизу, а потом... тихим, но уверенным голосом он ясно скомандовал своему приятелю:

– Опусть бретельку ее платья, Джейсон.

Мы с Рикой следили друг за другом, но все равно я услышал шорох одежды, разгоряченное дыхание и стон.

– Да, – выдохнула девушка, получив полное благословение от своего парня.

Боковым зрением я видел оголенную кожу – топ ее платья сполз вниз; движения пары ускорились, они завелись еще сильнее и были готовы к большему.

Я не мог прочесть выражение лица Рики, однако точно знал, в глубине души ей это нравилось. Вполне возможно, она себя ненавидела, и все же ощутить эту дозу власти было так приятно, верно? Нет ничего лучше, чем играть людьми.

А она оказалась очень умелым игроком. Раньше никто не потакал мне. Кроме Уинтер. Моим друзьям не хватало терпения или заинтересованности.

Я симпатизировал Рике. Майкл едва приоткрыл кладезь ее способностей.

Только пришла она сюда не поэтому. Рика хотела поговорить.

– Ладно, вы трое, – сказал я, глубоко вздохнув. – Забирайте свои деньги и проваливайтесь. У меня дела.

– А? – Голос парня прозвучал так, словно он запыхался.

– Ты серьезно? – Девушка резко подняла руки, прикрыв свое полуобнаженное тело.

– Вон, – прорычал я. – Живо.

Они поднялись, раздраженно выдохнув, потому что наконец-то всерьез увлеклись. Она наверняка стала влажной, а у парней затвердели члены.

– Закончите в своей машине, – пробормотал я, подойдя к застекленному шкафчику, и достал сигареты.

Забрав деньги, троица удалилась. Я махнул водителю, чтобы тоже оставил нас наедине. Когда дверь за ним закрылась, я повернул голову к Рике, распаковывая новую пачку.

– Я хотел бы сыграть с тобой в шахматы когда-нибудь, – произнес дразнящим тоном.

– Разве ты уже не играл?

Мысленно улыбнувшись, я отвернулся. Оппонент из Рики получится достойный, однако я предпочел бы, чтобы она была на моей стороне.

Закрыв пачку, я постучал ею по тыльной стороне кисти и снова почувствовал это давление. Потребность выплеснуть то, что скопилось внутри.

Уинтер.

Наконец-то она была рядом со мной.

Но я разрывался между необходимостью быстрее разобраться с ситуацией и желанием растянуть все подольше.

Сейчас она была дома. Наверное, пыталась придумать новый план побега. Плевать, пусть попробует. Я с удовольствием догоню ее. Невероятная дура, на которой я женился, сможет родить мне красивых детей, но она не сравнится с тем, как приятно будет обладать ее сестрой.

Да, младшая сестра Ари – ее полная противоположность. Уинтер будет бороться. Она устроит мне настоящий ад. А я, помимо мести за то, что она сделала со мной несколько лет назад, теперь получу все. Место во главе стола, контроль над собственным домом и свою любимую «игрушку».

Я подошел к одному из столов. Огни города сияли за окнами. Меридиан-сити – метрополия в часе езды от моего родного городка, где спала Уинтер, – мерцал и блистал внизу, однако сегодня меня не тянуло стать его частью. Порой мне нравились клубы, музыка, шум, секс. Правда, я отличался одной особенностью. Предметом моей любви могло быть лишь что-то одно.

Мои губы изогнулись в улыбке; я открыл пачку сигарет, сунул одну в рот и прикурил.

– Надеюсь, у тебя есть хорошие новости для меня, – сказал я Рике, сразу перейдя к делу, и затанулся. – Наши тайные встречи подразумевают определенные обязательства, девочка.

– Здоровые отношения требуют взаимности, – ответила она. – В прошлый раз я принесла тебе золотую жилу, Дэймон. Теперь твоя очередь.

Тихо засмеявшись, я сжал сигарету между большим и указательным пальцами, затем снова затанулся.

– Я дал тебе информацию.

– Ты не дал мне никаких доказательств, – возразила девушка.

Легкие наполнились сладостно обжигающим дымом; я запрокинул голову назад и выдохнул струю вверх. *Вот же маленький монстр, мать твою.*

– Иди сюда, – произнес я, не глядя на нее.

Уинтер – не единственная женщина, занимавшая мои мысли. С этой мы тоже до сих пор не свели старые счета.

На мгновение повисла тишина, после чего я краем глаза заметил, как Рика вышла из тени. Только остановилась слишком далеко.

– Ближе, – с издевкой распорядился я.

Еще пара шагов, и слева показались ее белокурые волосы.

Однако я так и не посмотрел на нее.

– Ближе, – повторил я, широко улыбаясь.

Она неспешно приблизилась и встала на расстоянии вытянутой руки от меня.

Я опять открыл пачку, наконец-то повернул голову, встретился с Рикой взглядом и протянул ей сигарету.

В таком наряде она напоминала копа под прикрытием. Мне нравилось, что наши встречи проходили тайно. Эта часть ее жизни не принадлежала Майклу.

Приподняв брови, я помахал сигаретой перед ней. Я знал, что Рике они нравились.

Вдруг ее глаза заискрились от улыбки; она вытащила руки из карманов и протянула ладонь с целой пачкой Davidoff, которую украла из моей заначки.

– Господи, – пробубнил я.

Рика все равно забрала мою сигарету и понюхала ее, проведя под носом.

– Спасибо.

Я покачал головой. Должно быть, она сначала пробралась в мою квартиру в «Делькуре», разыскивая меня, и перешерстила мои запасы.

Сунув сигарету в рот, я закрыл дверцы шкафчика и отошел в сторону.

– Это мои комнаты, – предупредил я. – Держись от них подальше, когда меня там нет.

Мне не хотелось, чтобы девушка рылась в моих вещах.

– Они не твои, – парировала Рика. – Майкл не знает, что ты по-прежнему там живешь, а я в любой момент могу это изменить. – Она положила сигарету в свой нагрудный карман. – Благодаря мне у тебя все еще есть возможность прятаться прямо у нас под носом.

– Зато благодаря мне Майкл не подозревает, что ты *позволяешь* мне прятаться прямо у вас под носом.

Я пристально посмотрел на нее.

– Нам обоим будет крышка, так что завязывай.

Девушка вскинула бровь, однако тему закрыла. Ведь у нее гораздо больше причин бояться меня, чем наоборот.

И все же... как бы я ни наслаждался нашими беседами, меня бесило то, что она перестала меня бояться. И это после всего, что я пытался с ней сделать и мог сделать еще.

Когда я поднял взгляд, Рика смотрела на меня.

– Что? – сделав очередную затяжку, я подошел к окнам.

– Я думала, ты будешь шантажировать его той информацией, которую я тебе передала, – пояснила она. – Или сорвешь часть его сделок.

Рика имела в виду отца Уинтер.

– Должна признать, ты превзошел мои ожидания.

– Впечатлена? – Я оглянулся через плечо, сбив пепел с сигареты.

– Напугана, – уточнила девушка.

Хохотнув, я сказал:

– Это я переживу.

– И чувствую себя виноватой. – Она присела на подлокотник дивана. Краем глаза я видел, как Рика за мной наблюдала. – Твоя сегодняшняя выходка в голове не укладывается. Ты ударил в самое уязвимое место и, чувак, упорства тебе не занимать, да? Черт, во что я ее втянула?

– Ах, не волнуйся. Рано или поздно она бы ответила передо мной, с твоей помощью или без. – Я выдохнул дым, развернулся и подошел к столу с пепельницей.

– Не навреди ей.

В ответ я опять засмеялся и раздавил окурок в пепельнице.

– И это говорит женщина, которая предложила мне все необходимые сведения, чтобы уничтожить ее отца, лишит дома и денег.

Отец Уинтер пользовался услугами того же бухгалтера, что и семья Рики. Недовольного и беспокойного бухгалтера, который намекнул, будто Гриффин Эшби много лет назад обманул покойного мистера Фэйна при нескольких сделках с недвижимостью. Не уверен, каким образом Рика добыла эту информацию, но девушка появилась на моем пороге именно с теми доказательствами, которые были мне нужны, зная, что с их помощью я могу уничтожить Эшби.

В обмен я тоже должен помочь Рике получить нечто важное. Только пока сомневался, что готов отдать ей это. Мне нравились наши встречи, и я не хотел, чтобы они прекратились.

– Ты понимаешь, о чем я, – продолжила Рика. – Не *навреди* Уинтер.

То есть, помимо того, что я забрал все, чем она владела, и обрек ее на вечную зависимость от меня?

Или не навредить в смысле...

Да, ты ведь об этом? Не *навреди* ей.

– Ты в курсе, сколько крови потерял Уилл в тюрьме? – спросил я. – Каких усилий стоило Каю удержать в себе хоть какую-то еду, потому что его выворачивало наизнанку от нервного напряжения и страха из-за необходимости постоянно сохранять бдительность?

Она продолжала сурово смотреть на меня.

– Ты знаешь, что, несмотря на все взятки Майкла, кто-то платил больше, лишь бы увидеть, как богатые сыновья элиты Тандер-Бэй страдают в заключении? – продолжил я. – Имеешь хоть малейшее представление о том, насколько у них подорвалось здоровье из-за недостатка пищи и сна, постоянного страха и боли, твою мать?

На мгновение Рика смущенно опустила глаза, но промолчала.

– Да, что ж, я тоже не знал. Потому что меня там не было.

Девушка резко подняла взгляд в замешательстве. Я обошел комнату по периметру.

– Тремя уровнями ниже шестого блока камер, в подвале, в конце промозглого коридора, под полутора метрами бетона – вот где я сидел. – Ощувив мгновенный прилив ярости, я сжал руки в кулаки. – Три года. Ты же об этом не знала, да?

Взгляд ее голубых глаз, заметных даже в этом темном помещении, пронизывал меня.

– Бэнкс думала, что сделала мне одолжение. А Гэбриэл с ней согласился. У него слишком много врагов, и у этих врагов полно бойцов за решеткой. Я бы подвергся большей опасности, чем Кай с Уиллом, поэтому меня посадили в одиночный изолятор. – Я глубоко вздохнул. Кровь в венах начинала закипать. – Двадцать три часа в сутки, семь дней в неделю, днями напролет,

в течение ста шестидесяти недель. Это одна тысяча сто двадцать дней. Двадцать шесть тысяч восемьсот восемьдесят часов, Рика.

В пальцах покалывало от желания впиться ими в собственный череп, однако я сдержался.

– Меня выпускали во двор всего на один час в сутки, и даже тогда я оставался в одиночестве. – Обойдя комнату, я снова взглянул на девушку. – Я ел один, гулял один, все делал один. Отец не хотел, чтобы меня убили, поэтому я был изолирован ото всех.

Двинувшись вокруг дивана, на котором она сидела, я неосознанно провел рукой по передвижному бару, потянул его за край, отчего бутылки ударились друг о друга со звоном. Волна жара хлынула вверх по шее.

– В первый день ты гадаешь, что происходит, – пояснил я. – Никто ничего не объясняет. Никто не отвечает на твои вопросы. Ты не видишь ничего, кроме своей цементной конуры. Спустя неделю начинаешь говорить сам с собой, хоть немного, просто потому, что больше заняться нечем, и тебе становится чертовски скучно.

– Ты хотел сказать одиноко? – колко уточнила Рика.

– Ты бесишься, – процедил я сквозь зубы, поправив ее. – Никто не приходит навестить тебя. Где Бэнкс? Она бы пришла. Почему они не подпускают ее ко мне? Но ты знаешь, что справишься. Выдержишь любые испытания. Уилл в порядке. Кай в порядке. С ними все будет хорошо.

Мышцы шеи вдруг напряглись; я все быстрее кружил по комнате, проводя рукой по поверхностям столов и стен, цепляясь за них пальцами и продолжая смотреть на Рику.

– А через месяц замечаешь, какой тяжелой стала твоя голова. – У меня перехватило дыхание от нахлынувших воспоминаний. – Чертовски тяжелой, Рика, такой, что не поднять. И ты начинаешь делать что-нибудь, чтобы избавиться от этого ощущения, например, биться о стену без остановки.

Проходя мимо вазы, я сбросил ее на паркетный пол. Она разлетелась на осколки, но я не остановился. Я как будто снова вернулся в свою камеру, размером два с половиной на два с половиной метра, наматывал круги и сходил с ума.

– Тебе тесно в собственной шкуре, стены давят на легкие так, что дышать невозможно, у тебя начинает ехать крыша, потому что окружающий мир кардинально изменился. – Втянув воздух, я зажмурился на мгновение. – И тебе лишь хочется бежать... бежать, не оглядываясь. И дышать. Тебя раздрает изнутри. Ты хочешь выбраться не только из этой клетки, но и из собственной кожи.

Я поморщился. Сделать вдох никак не получалось, на грудь словно давил неподъемный груз.

– А когда к тебе наконец-то приходят посетители – четыре охранника, которым твой отец платит за то, чтобы они избивали тебя в начале каждого месяца, а то вдруг ты разнежишься в изоляторе, – потом начинаешь ждать этих визитов, – продолжал я, оскалившись и не сводя с нее глаз. – Потому что боль в теле заглушает боль в голове. Это приятно, в твоем мозге будто курок щелкает. И в итоге ты вспоминаешь эту гребаную маленькую дрянь, сидевшую в зале суда – хотя ей не обязательно было присутствовать. Она пришла, чтобы с удовольствием послушать, как тебе объявят приговор и срок заключения после лживых заявлений других людей о том, что ты ее принудил. – Гортань сдавило, я едва мог говорить дальше. – Заставил ее раздеться и раздвинуть ноги. Они в омерзительных деталях описывали, как я принуждал ее делать вещи, которых якобы не мог получить от ее сестры или любой другой девчонки. – Я сорвался на крик. – Выставили все так, будто тот раз с ней не был для меня единственным разом, когда я не испытывал отвращения к сексу.

Мое маниакальное состояние сменилось яростью; поймав ртом воздух, я мысленно представил образ Уинтер, и мои глаза застлало красной пеленой. Я остановился и смотрел на Рику, продолжая кипеть от злости.

– Пусть у нее бы и не получилось спасти меня, но она могла бы рассказать им правду. Она могла бы встать, открыть свой гребаный рот и сказать хоть что-нибудь, – прорычал я. В горле саднило. – Только она промолчала, и тебя отправили в одиночную камеру на три года. Твоим друзьям приходилось полагаться только на себя, пока ты медленно слетал с катушек и был готов рвать волосы на голове, как животное в клетке.

Часто дыша, я попытался говорить тише.

– Три года, – процедил я сквозь зубы. – Три. Года. Рика.

Я сделал паузу, затем совладал со своим голосом и дыханием.

– Так что да, – произнес я, передразнивая девушку. – Будь уверена, я ей наврежу.

Во взгляде Рики промелькнула нерешительность, ее глаза блестели от слез, однако плечи не поникли. Она неглупая женщина, я это знал. Рика подозревала, какой ящик Пандоры откроет, передав мне документы, но, в конце концов, решила, что моя информация стоила того ущерба, который я мог нанести. В ней тоже была не совсем порядочная жилка.

Она поступила так, как поступила, чтобы получить желаемое, и, скажу честно, я отчасти гордился своей новой, неожиданно обретенной подружкой.

Но все же... Рика не дура. Она знала, какое прошлое разворошит между мной и Уинтер. Вполне возможно, это входило в ее планы. Пока я наслаждался нашим едва зародившимся товариществом, Эрика Фэйн не станет молча стоять в стороне и не позволит мне сделать свое дело. Она попытается защитить Уинтер.

Пусть. Чем чаще Рика будет становиться у меня на пути, тем быстрее в игру втянутся остальные.

Майкл, Кай, Бэнкс...

Уилл.

Я сжал кулаки, подошел к бару, плеснул в стакан водки «на два пальца», проглотил залпом и сразу же налил еще.

Уилл.

И Уинтер.

Уилл и Уинтер.

Осушив вторую порцию, я почувствовал тепло, разлившееся в груди, закрыл глаза и услышал, как Рика кашлянула.

– Итак, у тебя есть что-нибудь для меня? – спросила она, сделав вид, будто не слышала мою тираду. – Или ты готов признать свою полную некомпетентность?

Я стиснул стакан «рокс», до сих пор ощущая обжигающий привкус алкоголя во рту, и швырнул его в сторону Рики.

Чертובה девчонка.

Стекло разбилось о стену у нее над головой. Она отвернулась, почти не вздрогнув, и тихо засмеялась. Девушка уже не боялась меня.

– Позвони или напиши Бэнкс, – распорядилась Рика, проигнорировав мою истерику. – Она беспокоится о тебе.

– Не беспокоится. – Прикурив очередную сигарету, я наполнил новый стакан. – Бэнкс знает меня лучше всех. Она в курсе, что я в первую очередь позабочусь о себе.

– А Уилл?

Я направился к дивану, бросив на нее мимолетный взгляд.

– У него проблемы с алкоголем, – сказала девушка.

В ответ я улыбнулся себе под нос.

– Для мужчин это не проблема.

Каждый знакомый мне мужчина, все, с кем я вырос, пили. Ты должен сохранять работоспособность, несмотря на алкоголь. Это женщины – легковесы, потому я и запрещал Бэнкс употреблять спиртное.

– А еще у него проблема с наркотиками, – продолжила Рика.

Я откинулся на спинку дивана, занес руку за голову, посмотрел на нее и затащил сигарету. Зачем она мне это рассказывала?..

Мы с Уиллом встретились, когда перешли в старшие классы. Он баловался наркотиками, сколько я его знаю. Травка, экстази, таблетки, кокс... Всего этого хватало в нашей школе. Единственная причина, по которой нас миновала героиновая эпидемия, захлестнувшая бедные районы, – мы были богаты и имели доступ к хорошему товару от городского доктора.

А еще доступ к маминой аптечке.

Только в этом я, наверное, соглашался с Майклом.

Мы не употребляли наркотики. Мы сами были наркотиками.

– Уверен, вы все с этим разберетесь, – ответил я.

– Ты всего несколько минут назад ныл, что не мог поддержать его в тюрьме, зато можешь поддержать сейчас.

– Иди домой.

Будучи настолько умной, Рика иногда умела тупить. Я – последний человек, в чьей помощи Уилл нуждался...

Она замолчала на мгновение, словно дожидаясь моего ответа или продолжая лелеять надежду, в конце концов она развернулась и пошла к двери.

Вдруг что-то привлекло ее внимание. Девушка остановилась, подняла маленькую черную коробочку с журнального столика и принялась разглядывать ее содержимое.

Когда я понял, что она держала, мое сердце гулко заколотилось. Я до боли стиснул зубы, поднялся, бросил сигарету в пепельницу и стремительно приблизился к ней. Выхватив коробочку из рук Рики, я захлопнул ее и снова швырнул на диван, услышав, как звякнуло содержимое. Затем, поймав девушку за воротник, отеснил ее к стене.

Она сердито сверлила меня взглядом голубых глаз, такая стойкая и готовая ко всему, только ее частое дыхание выдавало оставшуюся толику страха передо мной.

– Не забывай. – Я смотрел на Рiku сверху вниз. – В любую секунду я могу разорвать тебя пополам и заставить заткнуться навсегда. Я нужен тебе. А ты мне не нужна. Мы не друзья.

Держись подальше от моего дома. Не лезь в мои дела. Большие никакой болтовни.

– Рада, что тебе это известно, – ответила она на удивление ровным тоном.

Отпустив ее, я вернулся к дивану, сложил все обратно в коробку и закрыл щеколду. Сегодня я забрал кое-какие вещи из дома отца и принес сюда, чтобы водитель отвез их вечером в мою квартиру в «Делькуре».

– Я похожа на нее, – послышался голос Рики. – Так ведь? Поэтому ты всегда ненавидел меня.

Я замер.

На нее. На Уинтер.

Белокурые волосы, голубые глаза, одинаковый возраст, та же необузданная чистота... Сродни невинности бушующего урагана.

– Ненавижу вас всех, – пробормотал я, даже не моргнув.

Я всех вас ненавижу. Всех – это кого? Их компанию, частью которой когда-то являлся? Женщин? Людей в целом? Кто знает, а она не стала уточнять.

Но мне отчасти хотелось, чтобы Рика поняла.

Боже правый.

Нам пора вернуться к делам.

Она вновь потянулась к двери, но я окликнул ее:

– Эрика?

Краем глаза я заметил, что девушка остановилась, подошел к шкафчику и достал оттуда один из двух пистолетов. Вытащив из «Глока» магазин, проверил, нет ли в стволе пули, после чего протянул оружие и боеприпасы Рике.

Ее брови удивленно приподнялись.

– Его нельзя отследить, – произнес я.

Мне, как бывшему преступнику, запрещалось иметь оружие, ну да ладно.

Рика непонимающе посмотрела по сторонам.

Теряя терпение, я быстро подошел и сунул пистолет ей в руки.

– Научись им пользоваться.

– Зачем он мне? – спросила она, держа оружие с таким видом, словно еще не определилась, забрать его или бросить и сбежать.

– Затем, что мой отец умнее нас. Он со временем все вычислит. Тебе может пригодиться пистолет.

– Значит, на случай, если твой отец придет за мной, ты даешь мне пушку, чтобы я его убила? – саркастично уточнила девушка. – Чтобы он не убил меня?

Я выдохнул и сказал:

– Твою мать, какая ты тупица. Можно подумать, он сам придет за тобой. Это для людей, которых он пошлет. Если его и убьют, то это сделаю я. Теперь проваливай. – Дернув подбородком в сторону двери, я достал из пачки новую сигарету. – Я позвоню тебе, когда добуду твои гребаные доказательства.

Закурив, я бросил зажигалку на стол перед собой.

– Разве что захочешь остаться, – сказал я более мягким тоном и окинул ее взглядом. – Твой жених уехал из города, а у меня сегодня день свадьбы. Мы могли бы... поиграть в шахматы.

А под шахматами я подразумевал...

Рика лишь покачала головой.

– Вот поэтому я уверена, что ты вполтину не такой опасный, каким притворяешься. Ты всегда только угрожаешь.

Я постучал сигаретой о край пепельницы. Мое настроение испортилось совсем, пока дым поднимался в воздух.

– Иногда, – едва слышно прошептал я. – Но порой говорю совершенно серьезно. Поэтому не сомневайся, вам от меня не уйти. Всем вам.

Она все еще пыталась казаться воинственной, но настороженность и страх уже отразились на ее лице. Рика знала, что я никуда не денусь.

Девушка молча развернулась и ушла, оставив дверь открытой. Где-то внизу играла музыка.

К черту тебя. Все пройдет не так, как ты думаешь.

Ты не заставишь меня измениться. Это я изменю тебя.

Мой телефон зазвонил. Поскольку Рика только что ушла, оставалось лишь два человека, которые в это время могли позвонить мне.

Мой отец и охранник.

– Черт, – выдохнул я, поднял мобильник и ответил: – Да?

– Ты сегодня отлично справился, – сказал отец. – Я думал, в какой-то момент мне придется тебя придушить.

Сделав затяжку, я положил окурок в пепельницу и выдохнул дым.

– Уверен, у тебя бы возникли трудности с этим.

– Да, я на самом деле не хочу тебя убивать, – добавил он. – Ты мой единственный сын все-таки.

– Нет, я в том смысле, что мне уже не одиннадцать лет. – Я вытащил футболку и толстовку из спортивной сумки, затем захлопнул дверь. – Меня теперь не так уж легко придушить.

Ублюдок.

Отец какое-то время молчал. Я почти видел выражение его лица. Он мастерски умел сохранять самообладание и редко выходил из себя.

Но глаза его выдавали. Налет раздражения. Недовольство моим ребячеством.

Если бы я не был его единственным кровным наследником, отец наверняка уже давно бы меня убил.

– Город гудит из-за новостей, – продолжил он, сменив тему. – Я хочу воспользоваться моментом. Кристы устраивают вечеринку в честь помолвки Майкла и Эрики через несколько недель. Ты пойдешь с Ари. И двух других возьмешь. Они теперь тоже часть твоей семьи. Им нужно восстановить репутацию.

– И они добьются этого, показавшись на публике со мной? – подумал я вслух. От меня не ускользнула ироничность того, что мое присутствие поможет чьей-либо репутации. – Мне пора, – перебил я отца. Я сделаю так, как он велит, поэтому возражать не собирался. Все равно планировал пойти на вечеринку, ведь там будут все.

– Кстати, хотел предупредить... – сказал он. – Лука и Доуэр задержали Уинтер на дороге с каким-то парнем. У нее была сумка с вещами.

Замерев, я ждал продолжения.

– И?

– И она вернулась домой, где ей и место.

Я расслабился. Хоть и понимал, что она не ушла бы далеко, все равно хотел услышать подтверждение. Даже не сомневался, что Уинтер попытается сбежать, и надеялся, что эта попытка не последняя.

С каким-то парнем...

Этан Бельмонт. Я сжал руку в кулак. Надеюсь, она с ним трахалась. Так Уинтер даст мне еще одну причину ненавидеть ее, сделать ей больно. Других развлечений в браке с ее сестрой у меня не предвидится.

– Позволь мне кое-что прояснить, – вставил отец, словно прочитав мои мысли. – Я хочу, чтобы Арион забеременела до конца года. Ты знаешь правила. Сначала выполняешь работу по дому, а играешь потом.

Я вскинул бровь. В жизни не выполнял никаких работ по дому.

– Еще нам нужно обсудить твою сферу ответственности в «Коммьюнике». Тебе пора начать зарабатывать на том, что унаследуешь. Мне нужно, чтобы ты пришел...

Сбросив вызов, я швырнул телефон на диван. «Коммьюника» – одна из компаний отца. И... нет. Он разозлится, потому что я прервал разговор. Перезвонит позже, или завтра, или заставит своих ребят притащить меня к нему для завершения разговора. Только меня все это совершенно не интересовало.

Я всегда отличался узким видением ситуации, когда дело касалось моих желаний, – мог сконцентрироваться только на чем-то одном.

Из-за таких своих решений я, скорее всего, долго и не проживу, но я свыкся с этим. Умру молодым. Я никогда не задумывался о работе, а от мысли, что придется каждый день посещать один из офисов Гэбриэла Торренса, меня мутило.

Может, я ленивый.

Эгоистичный.

Самовлюбленный.

Или, возможно, моя голова не была создана для долгой жизни без последствий. Я во всем придерживался принципа «быстро и жестко», к тому же мне не хватало дисциплины, чтобы переключиться с одного дела на многие.

Переодевшись в джинсы, футболку и толстовку, я поднял черную коробочку, которую держала Рика, и заметил, что крышка закрылась неплотно.

Я открыл ее, поправил лежавшее внутри лезвие, после чего замешкался, разглядывая остальные предметы. Разнообразные десерты, которые были моими постоянными и верными спутниками в детстве. Только им я мог доверять. Скрепка, швейная игла, канцелярская кнопка, карманный нож, ножницы, тигриный зуб, рог какого-то маленького животного, птичий череп с острыми носовыми отверстиями. Многие из этих вещей были простерилизованы, ведь я ими давно не пользовался. Мой взгляд опустился к зажигалке, и я неосознанно потер большим пальцем указательный, ощутив неровную поверхность старого ожога.

Затем посмотрел на канцелярскую кнопку. *Я мог бы поспать сегодня. Если действительно захотел бы.*

Постучав пальцами по коробке, я поддался искусительным мыслям, как вдруг услышал стук в дверь. Я моргнул и сделал глубокий вдох.

– Сэр, – раздался сзади голос Мэттью Крэйна, начальника охраны, приставленной ко мне отцом. – Дополнительное оборудование, которое вы заказали, доставлено на место.

Рассеянно кивнув, я захлопнул коробочку и закрыл щеколду.

– Можешь идти домой, – ответил я ему. – Ты мне не понадобишься в течение нескольких дней.

Я сунул коробку в спортивную сумку, подошел к дивану, завязал шнурки ботинок и начал собирать свои вещи.

– Вы планируете отправиться туда сегодня? – спросил мужчина, заметив мою одежду. – Освещения будет маловато, к тому же дождь обещали, сэр.

Запихав костюм в сумку, я послал ему многозначительный взгляд.

Он не стал дальше расспрашивать, уловив намек.

– Поздравляю. Я имею в виду, со свадьбой. Мы будем ждать вашего звонка.

Я вышел за ним в коридор. Мэттью и еще один охранник, прикрывая меня с обеих сторон, спустились вместе со мной по лестнице и вышли из клуба.

Они вполне могли отдохнуть, пока такая возможность была. Когда начнется заварушка, ребятам будет не до сна.

Как и мне сегодня.

Пора вернуться в Тандер-Бэй.

Я совершал поступки гораздо страшнее того, за который попал в тюрьму. Уинтер понятия не имела, как плохо все это могло закончиться.

Глава 5

Уинтер

Семь лет назад

– Значит, ты вполне могла остаться на домашнем обучении, да? – спросила Эрика – или Рика, – пока мы медленно шли по коридору.

Она вела меня, а я держалась за ее руку, чуть выше локтя.

– Учебники доступны в аудиоформате, – продолжила Рика. – Учителя присылают заметки по лекциям, которые тебе читает компьютер, так что...

– Да, мои родители предпочли бы такой вариант, – призналась я. – Вообще-то, они были бы рады, если бы я осталась в Монреале. Но мне нужно научиться жить среди обычных людей.

Больше пяти лет я училась и жила в «Пенуа», канадской школе-пансионате для слепых. Несмотря на то, что мне там нравилось и было комфортно в окружении людей с таким же образом жизни, как у меня, я все же захотела вернуться домой. Мне хотелось вновь научиться жить здесь, среди обычных людей, которые видели этот мир. Я скучала по запаху океана и нашему домашнему бальному залу, где танцевала с детства.

Возвращение сюда пойдет мне на пользу. Я хотела вновь серьезно заняться балетом, вернуться к регулярным тренировкам и подумать о профессиональных перспективах в балете, заручившись поддержкой семьи, конечно.

– Наверное, тебе одиноко там было, – предположила Рика.

Кто-то задел мое плечо, пробежав мимо, и я остановилась на секунду, стараясь сохранить равновесие. Эта часть обычной школы мне не понравится. Переполненные учениками коридоры, крики, смех, болтовня, любопытные взгляды. Я вздернула подбородок в надежде, что выглядела хотя бы спокойно.

– Э-э, ну... – ответила я в шутку. – Ведь я не говорила, что хочу находиться среди людей. Мне просто нужно научиться быть в их обществе.

Тихо засмеявшись, она отклонила вправо и предупредила меня шепотом:

– Поворачиваем.

– Вообще-то, я завела много друзей, – продолжила я, следуя за ней. – Мне не было одиноко. Наоборот, я чувствовала себя очень комфортно. Слишком комфортно, полагаю. Я раздражаю свою сестру, поэтому подумала, раз уж в этом году она оканчивает школу, вот мой последний шанс поприсутствовать при этом.

Рика снова хихикнула.

– Как весело. А я единственный ребенок в семье.

Интересно, если бы я была единственным ребенком, позволили бы мне родители остаться дома, вместо того чтобы отправить в далекую школу на поруки чужих людей.

Мои щеки начали гореть, и я не могла понять, дело в моей нервозности или чем-то другим.

– На меня пялятся? – спросила я у Рики.

– Они пялятся на нас.

– Почему?

Послышался ее вздох.

– Думаю... они сбиты с толку. Мы очень похожи друг на друга.

– Да? Ты красивая?

Если она красивая, значит, я тоже красивая.

Но в ответ Рика лишь засмеялась.

– Когда я думаю о том, как выгляжу, – пояснила я, – до сих пор представляю ребенка, которого в последний раз видела в зеркале в восьмилетнем возрасте.

– Получается, ты можешь думать... в образах?

Я моргнула. В образах?

Похоже, девушка заметила выражение моего лица, потому что поспешила извиниться:

– Прости. Мне очень жаль. Идиотский вопрос, верно?

Покачивая головой, я сказала:

– Нет, я... Просто я привыкла быть среди тех, кто понимает, каково это. Теперь нужно привыкать к вопросам. – Затем добавила: – И расположить к себе окружающих, чтобы они не стеснялись спрашивать. Все в порядке. – Я хохотнула и облизала губы. – Что касается твоего вопроса – да. Мой мозг по-прежнему функционирует, в отличие от глаз. Хотя, когда я пытаюсь вообразить вещи, которые никогда прежде не видела – вроде интерьера этой школы или тебя, – все усложняется. Порой я просто придумываю. А иногда распознать предмет мне помогает цвет, ощущение или звук.

Потом я перебрала картинки, сохранившиеся в моей голове, размышляя над тем, как рисую для себя образы вещей.

– Иногда это воспоминания. Например, если я думаю о деревьях или оказываюсь в лесу за нашим домом, то всегда представляю деревья, которые видела последними. Причем место значения не имеет. Каждое дерево для меня выглядит так же, как те кусты, что росли в садовом лабиринте с фонтаном. Высокие, темно-зеленые... – На меня вновь нахлынули воспоминания о том дне, и я умолкла. – Фонтан...

– Садовый лабиринт? – поинтересовалась Рика. – Ты не про дом Дэймона Торренса...

Мое лицо вытянулось; я едва не споткнулась. *Дэймон.*

Она произнесла его имя так привычно, как будто я точно знала, кто он такой, и слышала о нем чуть ли не каждый день. Будто он обычный мальчик из Тандер-Бэй. Для нее в этом не было нечего ненормального.

Разумеется, я знала, что он до сих пор жил здесь, но случайное замечание Рики напомнило мне, что я слишком легкомысленно к этому отнеслась.

Если честно, я не слышала этого имени шесть лет. В моем доме никто не произносил его с того дня, когда я нашла Дэймона сидящим в фонтане. Та попытка помочь ему закончилась моей кровью. Все называли произошедшее несчастным случаем, но он напугал меня. Я упала из-за Дэймона.

Мне было известно, что он учился тут. Просто я не позволяла себе задумываться об этом, наверное. Ведь я в девятом классе, а Дэймон в двенадцатом. Через несколько месяцев он отправится в колледж. Отец хотел, чтобы я дождалась его отъезда, вернулась к учебе в следующем году, однако мне хотелось начать сейчас. Мои одноклассники, как и я, только перешли из средней школы в старшую. Мы окажемся на равных хотя бы в этом. Я очень хотела провести все четыре года со своим классом.

Нужно лишь избегать Дэймона и его друзей. Да он, скорее всего, сам не станет со мной связываться.

Я не могла представить, что Дэймон забыл о случившемся, ведь сама я никогда об этом не забуду. Но учитывая, сколько прошло времени, я вполне могла остаться для него лишь смутным воспоминанием.

– Ну, – начала Рика, не дождавшись моего ответа. – Наверное, было бы приятно всегда жить с памятью о хороших моментах.

Я кивнула, не поправив ее. Как бы мне хотелось запомнить любые другие деревья, кроме тех.

Мы остановились возле ее шкафчика. Послышался глухой звук – Рика бросила туда свою сумку с учебниками, после чего забрала и мою. У меня с собой было не очень много вещей.

Наушники, диктофон, который заставила купить школа, чтобы записывать лекции, несмотря на то, что на моем смартфоне было установлено приложение для этого, бумажник и, конечно, сотовый.

Все учебники и книги я загрузила на телефон с сервера аудиокниг Audible, а свой «Мак-Бук» оставила в собственном шкафчике перед уроком биологии – мне сказали, что ноутбук на нем не понадобится. Программа, преобразующая текст в речь, с помощью которой я могла печатать домашние задания и потом прослушивать их для проверки, всегда меня выручала, только я не предусмотрела одну загвоздку: работать в группах, не снимая наушники, не получится. Все-таки приспособиться к учебе здесь будет непросто.

– Мы заберем твои вещи после ланча, – сказала Рика.

Мой шкафчик располагался в другом конце коридора, а отсюда до кафетерия рукой подать. То, с какой легкостью она положила к себе мою сумку, подтверждало, что вторую половину дня мы тоже проведем вместе. Это меня немного успокоило. Словно я нашла свое место.

Ланч. Я выдохнула. Его я ждала с особым ужасом. Даже с учетом того, что каждый момент сегодняшнего утра мог побороться за звание «самого неловкого».

Перешептывания на алгебре.

Неловкое молчание на французском.

Смех в научной лаборатории, когда президент класса представилась и предложила любую возможную помощь *очень громким голосом*, будто я глухая, а не слепая.

Нервная беседа с учительницей физкультуры, которая забыла скорректировать план урока, устроив баскетбольный матч, и в итоге оставила меня одну на беговой дорожке на полчаса.

Думаю, этого и стоило ожидать. Я единственная незрячая ученица в школе, еще и дочка мэра. Кому-то было любопытно, кто-то слишком волновался или не понимал, как со мной общаться. Видимо, приспособливаться придется всем нам.

– Ю-ху! – крики разнеслись по коридору, и я повернулась в сторону суматохи.

Несколько раз распахнулась и захлопнулась дверь, ударяясь о стену. Поток учеников, стремящихся куда-то, начал толкать меня с обеих сторон. Они протискивались между мной и Рикой, отесняя нас все дальше друг от друга. Наконец, она поймала мою руку и повела за собой. Девушка ни разу так не делала сегодня, к тому же мать объяснила ей, что мне это не очень нравилось. Я предпочитала сама держаться за человека, а не наоборот. Иначе чувствовала себя ребенком.

– Оу, оу, оу! – взвыл кто-то.

Гадая, что происходит, я резко повернула голову. В этой школе было гораздо шумнее.

Мой большой палец коснулся манжеты Рикиной рубашки. Удерживая в своей хрупкой руке мою ладонь, она продолжала медленно вести меня сквозь толпу. Она же сегодня была в кофточке с короткими рукавами? Я успела понять это, пока держалась за ее локоть.

Я прищурилась.

И вдруг услышала свое имя.

– Уинтер! – окликнула Рика.

Только звук исходил не от моей сопровождающей.

Я остановилась как вкопанная.

– Уинтер! – опять выкрикнула она. – Подними руку, чтобы я тебя увидела!

Вырвавшись из хватки незнакомки, я уже собиралась помахать Рике, но тут раздался скрип открывшейся двери, меня схватили и толкнули в совершенно другое помещение с кафельными полами, влажным воздухом и странным запахом – смеси пота, спортивного инвентаря и парфюма.

Или... дезодоранта.

Тяжело дыша, я выставила ладони перед собой. Окружающие звуки тоже изменились. Крики и разговоры стихли, двери больше не хлопали... и женские голоса исчезли.

– Кажется, ты не туда попала, милая, – сказал какой-то парень, хохотнув.

– Ух, – проворковал другой, пройдя мимо.

Со всех сторон послышался свист.

О черт.

Внутри у меня все перевернулось.

Проклятье, кто схватил меня в коридоре? Рика видела, куда я ушла? *Боже*. Я быстро развернулась и нашла дверь всего в нескольких метрах от себя. Но когда толкнула ее, та не поддалась. Сзади донесся смех. К глазам подступили слезы, пока я барабанила кулаками по двери. Мне показалось, что она чуть сдвинулась. Снаружи опять кто-то захихикал, после чего подпер ее своим весом.

Черт побери. Мое сердце бешено колотилось в груди. Закрыв глаза, я мысленно прошептала: *пожалуйста, скажите мне, что я оказалась не в раздевалке.*

– Хочешь душ принять? – произнес мужской голос у меня за спиной.

– Думаю, ей нужен холодный душ, старик! – ответил другой парень.

Снова раздался смех. В ушах начало звенеть от шума. Все больше людей обращало на меня внимание. Я развернулась, слегка приподняв руки, сморгнула слезы и расправила плечи. Чем меньше буду реагировать, тем быстрее они утратят интерес. Тут ведь должен находиться тренер или учитель.

Идиотка. Знала же, что шуточки, розыгрыши и даже издевательства могли ждать любого на моем месте, однако самонадеянно решила, будто мой статус меня уберезит. Точнее, статус моего отца.

Тот, кто втолкнул меня сюда, учел важную деталь, которую я упустила. Если я не увидела обидчика, то и наказывать некого.

– Проклятье, – сказал кто-то. Я повернула голову в сторону, откуда прозвучал голос.

– Это?.. – другой парень не договорил. Он явно был младше, мой ровесник, возможно.

– Да, это дочка мэра, – добавил голос с хрипотцой. – Та, что слепая.

– Ох, черт. Я слышал, что она перевелась к нам.

– А она миленькая.

Мое лицо вспыхнуло, но я, не разжимая челюстей, сдерживала панику. Вновь повернувшись, я дернула дверную ручку. А когда навалилась на дверь всем телом, она сдвинулась вперед, однако ее тут же захлопнули обратно. Снаружи загоготали.

Я покачала головой. Убью их. Кем бы они ни были, я их убью. Мне хотелось закричать, потребовать, чтобы меня выпустили, только это еще больше позабавит мальчишек в раздевалке.

– Все в порядке, малышка. Можешь остаться, – произнес тот же парень. – Ты ведь все равно не увидишь наше хозяйство, да?

– Душевые в твоём полном распоряжении, детка. – Брошенное кем-то полотенце коснулось моего тела, и я случайно его поймала. – Ну, если не захочешь с кем-нибудь их разделить.

Щеки горели. Чтобы промочить горло, я несколько раз сглотнула.

– Эй? – выкрикнула я в надежде подать сигнал учителю, что в раздевалке находится девушка, и получить хоть какую-то помощь. – Здравствуйте?

– Эй! – передразнил меня один из них.

Потом другой:

– Эй!

– Здравствуйте!

– Эй!

Мужские голоса вокруг отвешивали шуточки и смеялись. Я раздраженно стиснула зубы. Не знаю, чему тут удивляться. Мальчики в этом городе...

– Что, черт возьми, происходит? – спросил кто-то.

– Сюда Уинтер Эшби забрела, приятель.

Пятясь назад, я держала руки наготове. Похоже, еще больше ребят вышло либо из душа, либо из спортивного зала. Вместо двери я врезалась в чье-то тело и замерла.

– Привет. Я Саймон.

Я вздрогнула, но слева внезапно возник второй парень и сказал мне на ухо:

– Я Брайс.

Спереди подступил еще один.

– А я Майлз.

Шумно втянув воздух, я выставила ладони перед собой. В каком бы направлении я ни попыталась двинуться, везде встречала препятствие. Они меня окружили.

– Парни, хватит вам, оставьте девочку в покое. Выведите ее отсюда! – рявкнул кто-то издалека.

– Ой, ладно тебе, Уилл...

Я шагнула влево и опять почувствовала чужую кожу. Ринулась вправо – там ждал парень в полотенце. Зарывав, я вскинула руки и начала отталкивать того, который назвался Майлзом.

– Какие же вы свиньи, ребята, – сказала я. – Выпустите меня!

Внезапно спереди кто-то замахнулся, задев меня рукой, и Майлз закричал. Стоявшего сзади потянули в сторону, из-за чего он врезался мне в спину. Дыхание перехватило, я слегка пошатнулась вперед и вскинула руки, чтобы не упасть, однако троица мальчишек куда-то пропала.

Кто-то взял меня за руку. Рефлекторно дернувшись, я собиралась вырваться, но тут он спросил:

– С тобой все в порядке?

От мирного и нежного тона его голоса я сразу же немного успокоилась.

Остановившись, я позволила незнакомцу взяться за кончики моих пальцев. Этот маленький жест не отпугнул меня, а обнадежил.

– Меня зовут Уилл, – представился парень. – Я найду кого-нибудь, кто выведет тебя отсюда, ладно?

Кивнув, я вдохнула аромат его геля для душа и свежестыранной одежды. Присутствие Уилла помогло мне слегка расслабиться.

Но вдруг кто-то разъединил наши руки ударом.

На миг ошеломленная, я сразу же оцепенела. *Какого...*

– Чего? – обратился Уилл к кому-то.

– Отстань от нее и иди одеваться, – распорядился новый голос. – Я разберусь.

Я разберусь? Кто он такой?

– Я к ней *не приставал*, – ответил парень и, судя по звуку, ушел.

Подождите...

Попытившись, я вжалась в дверь, которая снова не открылась.

– Тебе не больно? – поинтересовался мрачный голос.

Я отрицательно помотала головой. В его тоне не было издевки, в отличие от остальных, но что-то меня насторожило.

– Ты идешь на урок? – продолжил допытываться парень. Мне уже некуда было отступать. Я лишь сильнее прижималась к двери.

Открыв рот, я с трудом произнесла:

– У меня... у меня сейчас ланч.

Парень прильнул ближе, его тело коснулось моего. Резко вздохнув, я подняла ладони.

– Позволь мне открыть дверь для тебя, – тихо предложил он.

– Я... – Упершись руками ему в грудь, чтобы не подпустить к себе, я ощутила накрах-
маленную ткань, расстегнутый воротничок и позволила своим пальцам ненадолго задержаться
на участке обнаженной кожи.

Дерьмо. Мои ладони сдвинулись, я уже собиралась опустить их, как вдруг большой палец
коснулся округлого предмета – маленького шарика или... бусины.

На меня нахлынуло ощущение дежавю.

Поглаживая шарик, я нащупала еще один, и еще. Впитавшие тепло его тела, они были
скреплены цепочкой и опускались к торсу, где две нити соединялись в одну над животом парня.

Древесина. Я ощущала неровную структуру, покрытую слоем лака.

Мой желудок куда-то провалился. *Нет, нет, нет...*

Не удержавшись, я провела вниз по бусам и почувствовала, как напрягся его пресс под
подушечками моих пальцев, а дыхание участилось.

Когда я добралась до креста, который надеялась не обнаружить, то сжала его и тут же
узнала искусно высеченные пальцы распятого.

О боже. Я отпустила четки так быстро, будто они меня обожгли.

Но парень поймал мою ладонь, прижал ее обратно к бусинам и своей коже.

– О, зачем же останавливаться, когда у тебя так хорошо получалось? – спросил он драз-
нящим тоном.

– Дэймон, – пробормотала я, пытаясь опустить руку.

– М-м-м, – подтвердил он мою догадку. – Скучал по тебе, мелкая.

Я вырвалась из его хватки, стиснув челюсти.

Господи. В мыслях я представляла его таким же, каким видела в последний раз. Ребен-
ком, немногим больше меня, с худощавым телосложением и дрожащим голосом.

Только все изменилось. Удерживающая меня ладонь была гораздо больше, чем я пом-
нила. Дэймон вырос и обрел голос, который теперь звучал ниже. Ему уже было далеко не один-
надцать лет.

Почему мне казалось, что я лишь сейчас это осознала?

И любая надежда на то, что он забыл меня, рухнула. Дэймон точно знал, кто я такая.

* * *

Прежде, чем он успел сказать еще хоть что-то, дверь открылась, и я упала назад. Парень
поймал меня и опять притянул к себе. Не успела я оттолкнуть его, как кто-то схватил мою руку
и дернул обратно. Я споткнулась.

– Уинтер, – резко произнесла моя сестра. – Что ты делаешь?

Дождаться ответа она не стала, вытащила меня из раздевалки в коридор и захлопнула за
нами дверь. Капля пота скатилась по моей спине. Голова шла кругом, я до сих пор чувствовала
близость Дэймона.

Я бежала, стараясь поспевать за Арион. Сердце колотилось с такой силой, что было
больно, тело разгорячилось и буквально гудело. Я все еще ощущала в своих руках эти четки.

* * *

Скорее всего, сама Ари и затолкнула меня в проклятую раздевалку. Или заставила своих
подружек это сделать. Откуда еще она могла узнать, где я была?

Наверное, сестра просто взбесилась из-за того, что я не сразу вышла и ей пришлось бро-
ситься мне на выручку. Ари дружила с Дэймоном?

Они одногодки, но я понятия не имела, общаются ли они. Родители могли предупредить ее, чтобы она держалась от него подальше, только сестра проигнорировала бы их запреты, если бы захотела.

Я не знала, каким стал Дэймон и, признаться честно, за прошедшие годы не стремилась это выяснить. Не знала, какую жизнь вела моя сестра в этой школе – мне было все равно. Мы с Ари уже около десяти лет с трудом ладили, хотя причина оставалась для меня загадкой.

Казалось, я не до конца ее понимала, к тому же у нас было мало общего. Особенно сейчас. За время моего отсутствия она привыкла к статусу единственного ребенка в семье, и ей это явно нравилось.

– Боже, он смотрит на нее, – сказала Клаудия, одна из подруг Рики, сидевшая за столом напротив меня во время ланча.

Я наострила уши, несмотря на то, что одновременно слушала музыку через один наушник и их разговор. В мои планы не входило проявить грубость, ведь мне следовало обзавестись друзьями в первый учебный день, но после фиаско с раздевалкой я нуждалась в небольшой «подзарядке».

– Кто? – уточнила Рика.

Однако ей не ответили, по крайней мере вслух. В такие моменты я особенно остро осознавала, насколько люди были осведомлены о моей инвалидности, отвечая друг другу кивками или жемами, которых я не видела.

Моей инвалидности.

Ненавидела это слово.

Но, что есть, то есть, и окружающие, чаще всего без злого умысла, пользовались моим состоянием в своих интересах. Они могли общаться при помощи взглядов, мимики, рук... в попытке держать меня в неведении.

Кто на кого смотрел? Они обо мне?

– Он пялился на нее семь секунд! – прокомментировал Ной, еще один друг Рики, – а дольше семи секунд – это плохой знак.

Кого ребята имели в виду?

Вдруг Клаудия выругалась шепотом:

– О черт.

Слева заерзала на месте Рика. В следующую секунду кто-то сел справа, заблокировав меня между своими коленями – словно человек оседлал скамейку лицом ко мне.

– Что ты слушаешь? – поинтересовался низкий голос.

За то мгновение, пока я пыталась понять, кому этот голос принадлежал, наушник вынули из моего уха.

Дэймон. Они про него говорили. Значит, он пялился на меня в кафетерии. От парня несло дымом и гвоздикой. Я начала обдумывать способы, как бы отвязаться от него.

А Дэймон дерзок. Он стал гораздо смелее, чем я помнила, что для меня было непривычно.

Дэймон умолк на минуту – полагаю, знакомился с моим плей-листом, состоявшим из веселых, беззаботных и энергичных старых треков, которые я слушала, чтобы поднять себе настроение. Настроение, испорченное им же сегодняшним утром.

Наушник упал мне на колени. Его голос прозвучал тихо, но уверенно:

– Между нами все будет не так.

Не так?

Как это?

Потом я вспомнила, какую песню слушала. «Then He Kissed Me» группы The Crystals.

То есть у нас все будет не так, как у пары из песни?

Я стиснула челюсти. Ага, само собой. *Никаких «нас» не существовало.*

– Оставь ее в покое, Дэймон.

– Отсоси мне, Фэйн, – парировал он.

У меня перехватило дыхание от внезапной резкости его тона. Боже, он очень изменился.

Сглотнув ком, образовавшийся в горле, я сказала:

– Не хочу с тобой разговаривать. И тебе нельзя разговаривать со мной.

Дэймон ничего не ответил и не пошевелился. Он опять смотрел на меня?

Не поворачивая головы, я упорно игнорировала его.

Спустя несколько секунд Дэймон прокашлялся.

– Я был первым, кого поцеловала Уинтер, дамы, – сообщил он всем, несмотря на то, что за столом сидел еще один парень. – Мне было одиннадцать. Ей – восемь.

Я ощутила, как он придвинулся ближе, а его голос зазвучал чуть тише:

– Мне любопытно, сколько парней целовало тебя с тех пор. Хотя в конечном итоге меня это не особо волнует, потому что я был первым, и это главное.

Сжав свою юбку в кулаках и желая, чтобы Дэймон ушел, я ответила:

– Даже не думай, что ты был хорош.

– А ты не думай, будто я стану осторожничать с тобой, раз ты без сопровождения и десяти шагов не пройдешь, не споткнувшись о пылинку.

Откуда-то раздался сдавленный смех. Я плотно сомкнула губы.

– Я тебя не боюсь.

– Еще рано.

Покачав головой, я спросила:

– Чего ты хочешь?

– Продолжить то, на чем мы остановились.

На чем мы остановились? Он едва не убил меня в детстве. О каком продолжении могла идти речь после подобного.

– Если честно, я и сам не знаю, – начал размышлять вслух Дэймон. – У меня быстро переключается внимание. Сейчас ты мне интересна. И у меня есть вопросы к тебе. Например, ты что-нибудь видишь?

Я прищурилась.

– Хоть что-то? – допытывался парень. – Силуэты, размытые формы, свет, темноту?.. И это правда, что, когда теряешь одно из чувств, остальные обостряются? Обоняние, слух... – После короткой паузы он продолжил почти шепотом: – Осязание?

Волоски у меня на затылке встали дыбом, жар хлынул по венам. Я была уверена, что все смотрели на нас.

Просто не обращай на него внимания.

– И еще, если твои глаза не функционируют, у тебя осталось рефлекторное стремление зажмуриться? Когда испытываешь боль или... если взволнована?

За столом опять послышался тихий смех. Я слегка отвернулась, опасаясь, как бы все присутствующие не заметили, насколько сильно колотилось мое сердце.

Его слова сквозили двойным смыслом. На мгновение я почти забыла, что Дэймон старше меня. Наша трехлетняя разница в возрасте казалась гораздо значительнее сейчас, в старших классах. Я была слишком юна, а он вел себя непристойно. Хотя, судя по его обращению с Рикой, у меня создалось впечатление, что Дэймон был таким со всеми.

– Ты помнишь, как я выгляжу? – поинтересовался он. – Я стал больше.

Даже зная, что наши взгляды не встретятся, я повернулась к нему.

– Я помню все. И причинить мне боль теперь не так уж и просто.

– О, я на это рассчитываю.

От грозных нот, вновь вернувшихся в его тон, у меня по рукам пробежали мурашки. Кожа словно наэлектризовалась. Я чувствовала взгляд Дэймона, обращенный ко мне. Он наблюдал за мной. Меня переполняла смесь страха и злости, но еще и предвкушения.

Восторга.

Несмотря на то, что много лет назад я пострадала по вине Дэймона, а его характер с тех пор стал в десять раз отвратительнее, он со мной не нянчился, не игнорировал меня, и в глубине души мне это нравилось.

Дэймон не нервничал, не боялся меня, не церемонился, словно с хрупкой куклой. Может, он видел во мне легкую цель. Или напугать его было не так легко, как некоторых. Что бы то ни было, отчасти мне это нравилось.

А отчасти я гадала, каков будет ответ парня, если он выяснит, что я тоже не из пугливых.

Учитывая реакции остальных ребят, становилось ясно, что *никому* не нравилось связываться с ним. Дэймон привык, что все ему потакали.

– Что ты делаешь? – спросил кто-то, заставив меня моргнуть.

Очнувшись от размышлений, я повернула голову и поняла, что ко мне подошла Арион. Прежде чем я разобралась, к кому она обращалась, Дэймон медленно поднялся со скамейки.

– Просто решил поздороваться с твоей младшей сестренкой, – сказал он. Даже в его голосе слышалась ухмылка.

Я почувствовала, как он ушел. Рика шелохнулась рядом и протяжно выдохнула, словно все это время не дышала.

– Он не должен приближаться к тебе, – произнесла Арион, и я поняла, что она говорила со мной.

– Скажи это ему, – пробормотала я, нащупав свой позабытый сэндвич на столе. – Я не заставляла его подходить сюда.

– Не рассказывай администрации или папе с мамой. Дэймон нужен баскетбольной команде, и я не хочу втягивать его в неприятности из-за твоей неспособности справиться с ситуацией.

Я подняла половинку сэндвича, но не откусила.

– Он поступил в эту школу раньше тебя, – подметила Арион. – Если пожалуешься и его исключат, нас все возненавидят.

Да уж, несомненно. Я знала о распоряжении не приближаться ко мне, которое Дэймон получил до начала уроков. Но даже не предполагала, что он может не подчиниться. Неужели он настолько глуп?

Или, возможно, Дэймон считал себя неуязвимым. Он подошел и сел за наш стол, явно осознавая, что половина посетителей кафетерия станет свидетелями. Но все равно это сделал. Может, парень слишком уверен в себе, намеренно безрассуден или... неуправляем.

Неуправляемый. Таким я запомнила этого мальчика.

Однако моя сестра права. Он учился здесь дольше, и, что бы Дэймон ни натворил, если у него возникнут проблемы, во всем обвинят меня. Пока я постараюсь разобраться с ним сама. По-тихому.

Хотя меня взбесило то, что моя собственная сестра первым делом бросилась на защиту чужого человека.

Я слегка вздернула подбородок.

– Спасибо за твое беспокойство. Это так трогательно.

– Ох, да ла...

– Ты можешь идти.

– Что ты?..

– Господи, ты до сих пор здесь? – выпалила я, перебив Ари. – Ну, тогда сделай полезное дело и открой это.

Потянувшись к краю стола, я взяла свою бутылку апельсинового сока, затем протянула ей через плечо. Только крышка была затянута не до конца и сок разлился. Послышался шокированный вздох моей сестры.

– Фу, Уинтер! – закричала она.

Я поморщилась.

– Ой, он уже был открыт? Извини. Я такая слепая.

Сидящие за столом захохотали. Зарывав, Ари умчалась прочь – по крайней мере, я именно так это представила. Ее невнятные ругательства постепенно стихли.

– О черт, девочка, – сказал Ной, легко стукнув меня по руке. – Ты моя героиня.

Довольная собой, я улыбнулась ему. Меня немного раздражало то, что мы с Ари снова воевали, но все же, как и в случае с Дэймоном, я была в какой-то мере признательна обыденности случившегося. Арион не стремилась пощадить мои чувства. Она обращалась со мной, как с идиоткой. Будто необходимость учиться жить заново шесть лет назад не закалила меня, не научила быстро приспосабливаться к переменам, новым трудностям, и с твердым сердцем бороться за то, что, по словам других людей, я не могла сделать или получить.

Возможно, поэтому Дэймон и не относился ко мне так, словно я сделана из стекла. Может, он знал.

Я вспомнила мальчика из фонтана с окровавленной рукой и слезами, тихо катившимися по его лицу из-за того, что с ним что-то... вернее, слишком много плохого случилось, о чем он не хотел говорить. Сейчас Дэймон почти превратился в мужчину, который больше никогда не заплачет и скорее прольет чужую кровь, чем свою.

Несмотря на мою ненависть к нему и то, что я никогда его не прощу, возможно, нас объединяла эта черта. Нам обоим пришлось измениться, чтобы выжить.

Глава 6

Уинтер

Наши дни

– Выше руки! – скомандовала Тара.

Я вытянулась вверх, взмыв в воздух над паркетным полом, и запрокинула голову к потолку, отчего мышцы спины и плеч напряглись.

– Вот это энергия! – выкрикнула она. – Покажи мне ее еще раз! Хорошо!

Выдохнув, после очередного прыжка я приземлилась правой ногой на наждачную ленту, которая очерчивала для меня периметр «сцены» в шестидесяти сантиметрах от края. За ее пределами располагался пятнадцатисантиметровый бортик, тоже служивший мне сигналом, что места больше нет и нужно остановиться.

Пот стекал по спине. Я сделала разворот, опять сместились вправо, исполняя па и скользя по полу. Затем выгнула спину, встала на носок, вытянулась вверх, задержала позу на мгновение и продолжила танец.

Музыка наполняла всю комнату – нетрадиционный номер с моей собственной хореографией я поставила под песню «Plastic Heart» группы Nostalgia, и в скором времени он будет представлен нигде и ни для кого.

Никто не хотел брать меня на работу. Но я старалась не терять надежду, особенно сейчас, когда мне было необходимо покинуть город, хотя становилось все труднее и труднее не считать свое решение бросить колледж глупым.

Тара была одной из моих наставниц в детстве; я продолжала тренировки на дому и время от времени приходила в студию, так как отец оплатил аренду зала на пять часов в неделю до конца года. Несмотря на нежелание пользоваться чем-либо, что он мне оставил, я уступила принципам, оправдывая посещение занятий возможностью выбраться из дома. За прошедшие после свадьбы дни Дэймон ни разу не появлялся, однако это было лишь вопросом времени.

К тому же мне здесь нравилось. В студии я думала лишь о хореографии, больше ни о чем. С ней были связаны мои самые ранние воспоминания о танцах. Полагаю, мне повезло больше, чем некоторым. Я не всегда была слепой. До потери зрения я четыре года училась балету и знала, как выглядят, как ощущаются плие и арабеск. Знала базовые движения и па, немного изучила технику.

В Монреале я продолжала тренироваться с личным инструктором, хотя понимала, что реальных перспектив построить профессиональную карьеру у меня практически нет. Мне было сложно танцевать в кордебалете с другими танцовщицами, а особенно с партнером. Не сказать, что это невозможно, однако на обучение требовалось больше времени и мало кто принял бы на себя такую ответственность.

Я определенно не первая балерина с нарушением зрения, но первая в радиусе восьмисот километров. И все же я тешила себя надеждами. Кто-то ведь положил начало подобному феномену в других частях света. Почему бы не сделать это здесь? Основная проблема – найти танцевальную компанию и тренера, готовых взяться за работу со мной.

Замедлившись под финал песни, я завершила номер, опустила руки и скрестила запястья перед собой, грациозно изогнув пальцы. По крайней мере, я надеялась, что они выглядели грациозно.

– Вот, – произнесла Тара. – Замри так.

Она подошла и провела своими холодными пальцами по изгибу моего запястья.

– Выпрями их, – проинструктировала женщина. – Вот так.

Взяв меня за руки, Тара положила их на свои кисти и продемонстрировала мою финальную позу. Я принялась легко ощупывать изгибы ее суставов, сухожилия на тыльных сторонах ладоней, плавную линию запястья, переходящего в предплечье, чтобы потом скопировать все самой.

– Спасибо, – сказала я, тяжело дыша, и уперлась руками в бока.

Мой легкий струящийся топ сполз с одного плеча. Обнажившуюся кожу овеяла приятная прохлада из-за сквозняков, гулявших в старом здании.

– Еще раз? – поинтересовалась Тара.

– Который час?

После короткой паузы она ответила:

– Почти пять.

Я кивнула. У меня осталось тридцать минут. Почему бы не воспользоваться ими на полную катушку, пока деньги не закончились?

Послышались звуки шагов – Тара ушла включать музыку, а я отсчитала свои шаги и вернулась от наждачной бумаги, приклеенной к полу, на исходную точку в центре площадки.

– Вам не обязательно оставаться, – сказала я. – Меня ждет водитель. Со мной все будет в порядке.

Торренсы настояли, чтобы мы обзавелись личными водителями. Раньше наша семья изредка нанимала шоферов для особых случаев, но на постоянной основе они у нас не работали. Моей сестре нравилась эта новая привилегия, сопутствовавшая ее новой фамилии.

Только я знала, какой скрытый мотив стоял за этим жестом. Водитель докладывал о наших передвижениях тому, кто ему платил, – значит, Гэбриэлу и Дэймону было известно о каждом нашем шаге.

Личный водитель – это мой поводок.

– Ты в курсе, – начала Тара, когда вновь заиграла музыка, – что они предложили оплатить... твоё дальнейшее обучение?

Я остановилась.

– О чем вы? Кто предложил?

– Звонил ассистент Гэбриэла Торренса и попросил направлять счета за уроки ему, – сообщила она. – На случай, если ты захочешь опять вернуться к регулярным репетициям.

С тех пор как отец уехал, я не могла оплачивать ее услуги, но Тара все равно помогала мне и порой давала советы. Делала мимолетные замечания перед началом или после занятий, как сегодня, например.

Но новости о предложении Гэбриэла подействовали на меня словно пощечина. Очередное напоминание, что я стала нищей и больше не могла позволить себе привычные вещи. Из-за них. Из-за него. Эта идея явно принадлежала Дэймону.

Всем, кроме него, было плевать на мои занятия танцами. Ему же это нравилось. Наверное, я вообще единственная, кто знал о любви Дэймона к балету. Он наблюдал за мной. Раньше я часто танцевала для него.

Пошел он к черту.

Вернувшись в позицию, я вытянулась, подняла голову вверх и положила конец нашему разговору вопросом:

– Можете включить песню заново?

Спустя мгновение музыка прервалась и заиграла опять. Позволив громкой мелодии заглушить все остальное, я снова начала танец. Мир закружился вокруг меня. Пусть я ничего не видела, зато все чувствовала.

Пространство. Аромат елочных иголок, оставшихся с прошлого Рождества. Холодные кирпичные стены. Балетный станок со слоем меловой пыли, покрывшей дерево.

Мне казалось, что потолок исчез и над головой расстилось лишь небо. Я могла дотянуться и ощутить бесконечность.

Я летала.

Женщина пела так, что внутри у меня все затрепетало. Замедлившись, я отклонилась от классических движений и опустила руки вдоль тела. Каждый сантиметр моей кожи как будто ожил. Ноги в пуантах болезненно ныли, но тело переполняла энергия.

Я закрыла глаза. Пряди волос щекотно касались лица. Внутри все переворачивалось, пока я кружилась, а уголки губ дернулись вверх в улыбке. Боже, как же мне это нравилось. Здесь я была свободна.

Я хотел посмотреть, станцуешь ли ты для меня.

В мыслях всплыл его голос. Мои шаги замедлились, однако затем я вновь ускорила темп, заняла закрытую позицию и сделала несколько эшапе подряд, взмахнув руками.

Ты меня возненавидишь.

Я тебя люблю.

Мы должны остановиться. Заставь меня остановиться.

Я не могу. Я не стану.

Между ног вдруг возникло томительное давление, отчего желудок словно провалился куда-то вниз. Мой рот открылся в немом крике, точь-в-точь как тем утром, когда его арестовали. В глазах защипало от слез, я продолжала кружиться быстрее, надеясь с помощью этого вихря выбросить образ парня из головы.

Внезапно я потеряла равновесие и задела ногой что-то деревянное. Острая боль пронзила голень.

– Черт! – закричала я.

– Уинтер! – воскликнула Тара.

Я оступилась, зарычала и, вытянув руку, оперлась на рояль, чтобы удержаться. Проклятая скамейка. Неужели я пропустила метки на полу?

– Ого, подожди, я сейчас, – внезапно воскликнул мужской голос.

Этан? Давно он пришел?

Музыка замолкла. Согнувшись, я сжала руками свою ногу, потому что пульсирующая боль все усиливалась. Поморщившись, я протяжно выдохнула. Послышался торопливый топот по паркетному полу.

– У тебя кровотечение, – сказал Этан, подхватив меня под руку, в то время как Тара взяла мою вторую ладонь. – Иди сюда.

– Все нормально, – выпалила я, покачав головой и злясь на себя. – У меня уже сто лет такого не случалось. Какого черта?

Это все из-за того, что я отвлеклась.

– Посади ее сюда, – предложила ему Тара. – Я пока поищу аптечку.

Даже хромая, я все равно выпрямилась.

– Она в уборной. Со мной все будет в порядке.

– Но ты поранилась.

– И я умею пользоваться лейкопластырем, – я засмеялась сквозь боль. – Идите домой. Этан мне поможет. Увидимся через пару дней.

Раздался тихий вздох, пока она обдумывала, стоит ли остаться и убедиться, что я не сильно пострадала, однако женщина прекрасно знала – такие происшествия для меня не в новинку. Я частенько имела дело с лейкопластырями.

– Спасибо за вашу помощь сегодня, – сказала я Таре, выскользнув из рук Этана, чтобы ухватиться за его локоть. – До встречи.

Через несколько секунд слышались ее шаги и шорох вещей – она взяла свою сумку и куртку.

– Ну, тогда хорошего вам вечера. Я позже напишу тебе, ладно?

Я кивнула и повела Этана в ту же сторону, откуда доносился голос Тары, чтобы выйти вместе с ней из зала и направиться в туалет. Он попытался обхватить меня за талию, однако я отстранилась от него.

Мы миновали дверной проем. Тара свернула налево к выходу, а мы – направо к лестнице.

– Ты давно здесь? – поинтересовалась я, спускаясь по ступенькам.

– Только приехал, – ответил он. – Собрание моей учебной группы затянулось, но я знал, что это, возможно, единственный шанс с тобой увидеться.

Да уж. Учитывая проблему, возникшую на дороге тем вечером, неизвестно, пустят ли его в наш дом. А если пустят, какотреагирует Дэймон, вернувшись домой.

Домой. Я держалась за перила и руку Этана, пока мы спускались по второму пролету лестницы. Мой дом теперь принадлежал Дэймону – точнее, его семье. Несмотря на то, что после свадьбы он ночевал в другом месте, Дэймон мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Не стучась в дверь. Без приглашения.

Все ключи были в его распоряжении. От осознания этого у меня свело живот.

– Ты в порядке? – спросил Этан. – То есть... я не только ногу имею в виду.

– Да, все нормально.

Я знала, о чем он беспокоился, и была признательна за заботу, только Этан ничем мне не поможет. Сомневаюсь, что вообще призналась бы ему, если бы повод для опасений действительно возник.

– Не волнуйся, – уверила я.

Мне вряд ли будет по силам противостоять Дэймону, а Этан с ним точно не справится.

Парень привел меня к женской уборной, постучал в дверь и подал голос, чтобы убедиться, что там пусто. Войдя внутрь, я отпустила его и протянула руку к стене слева. Обстановка была давно мне знакома. Я обогнула угол, на ощупь нашла стойку, запрыгнула на нее и сразу же потянулась к боксу с бумажными полотенцами. Этан тоже потянулся к нему, пытаясь помочь.

– Я сама. Достанешь пока аптечку? Она должна лежать в шкафчике на стене.

Когда парень отошел и открыл дверцу шкафчика, я намочила несколько бумажных полотенец и промокнула кожу там, где болело сильнее всего. Они сказали, что у меня кровотечение, однако я понятия не имела, насколько обильное.

От прохладной воды порез начал саднить. Я застонала. Малейшие травмы всегда оказывались самыми болезненными.

Чтобы отвлечься от боли, я слегка впилась ногтями в кожу вокруг раны. Этому приему меня научил отец лет в шесть. Острая боль немного притупилась. Оставив пальцы в таком положении еще на несколько мгновений, я порадовалась короткой передышке.

– Эй, тут ничего нет, – сообщил Этан. – Давай я сбегаю наверх, спрошу у девушки на ресепшене.

Я кивнула, не уверенная, заметил ли он мой знак. Дверь скрипнула и закрылась, когда парень ушел. Подняв полотенца, я заново их сложила, опять накрыла рану, прислонилась спиной к зеркалу и закрыла глаза.

Черт, что мне делать? В двадцать один год у меня не было перспектив найти работу. Я боялась. Пока Дэймон жив, я не обрету свободу. Он все еще мог лишить меня многого и уже активно трудился над уничтожением моего душевного спокойствия.

С момента его освобождения из тюрьмы прошло больше года, прежде чем Дэймон связался со мной. За пару лет до того, как привел свой план в действие.

Я расслабилась, почувствовав себя в безопасности, думала, что он обо всем забыл. Как же я ошиблась.

Мои веки налились тяжестью, голова закружилась, когда боль в ноге стала утихать. Зевнув, я перестала сопротивляться сонливости. Усталость не оставляла места беспокойству.

Я уже была готова задремать, когда услышала скрип несмазанных дверных петель.
Быстро он.

– Ты нашел аптечку? – спросила я, не открывая глаз, и снова зевнула.

Но Этан промолчал. Я моргнула. Кто-то ведь открыл дверь, да?

– Этан? – позвала я, выпрямив спину.

Рабочий день почти закончился, театр готовился к закрытию. Кроме администратора в здании, наверное, уже никого не осталось.

Вдруг... парень приблизился ко мне и накрыл мою руку, лежавшую на бедре, своей. От контакта с его холодными пальцами я резко втянула воздух и засмеялась.

– Ты принес лейкопластырь?

Когда он поправил прядь моих волос, спадавшую на глаза, ледяные подушечки его пальцев коснулись моей щеки, и я отпрянула. Что он делает? Взяв его ладонь, я убрала ее от своего лица и уверила:

– Со мной все в порядке.

Однако Этан подошел ближе, заставив меня раздвинуть колени. Грубая ткань его брюк неприятно скользнула по внутренним поверхностям моих бедер. Он опустил руки. Я оцепенела, ощутив теплое дыхание, овеявшее мое лицо, потому что парень прильнул совсем близко.

Черт, что он творит?

– Этан... – возразила я, но понятия не имела, что еще сказать. Этан несколько раз проявлял интерес ко мне; я знала, что он не отказался бы от большего, но между нами ничего так и не произошло. Он ведь не попытается снова?

– Ш-ш-ш, – произнес парень.

Я перестала дышать. Жар его рта ощущался всего в нескольких сантиметрах от моего. Внезапно сердце начало бешено колотиться. Этан никогда не был таким напористым. Мне сразу же стало некомфортно из-за всколыхнувшихся воспоминаний.

«Пожалуйста, не пытайся меня поцеловать», – мысленно умоляла я.

В трубах у меня над головой текла вода, откуда-то доносился приглушенный гул обогревателя. В остальном здесь стояла тишина, мы были совершенно одни.

– Мне нужен лейкопластырь, – сказала я, заставив себя слегка улыбнуться. – Ладно тебе...

– Такая красивая, – прошептал он, нависая надо мной. Я почувствовала запах сигаретного дыма в его дыхании.

Сигаретного дыма...

– Все, я их нашел! – вдруг выкрикнул Этан из-за угла, оглушив меня своим возгласом, когда дверь туалета вновь распахнулась.

Удивленно вздохнув, я отпрянула. *Черт!*

Потом выставила руки вперед, пытаясь найти мужчину, только что стоявшего передо мной, но вокруг уж оказалось пусто.

В глазах щипало от слез, на шее пульсировала вена, и я не могла отдышаться, с жадностью втягивая воздух.

Сукин сын. Черт бы его побрал. Куда он делся? Я продолжала искать его руками. Где он?

– Эй-эй-эй, в чем дело? – спросил Этан, подходя ко мне.

Но я лишь вцепилась в его толстовку обеими руками, тяжело дыша.

Если Этан никого не видел, значит, парень уже ушел через другую дверь в противоположном конце туалетной комнаты.

Я покачала головой, стараясь успокоиться.

Как идиотка, я потеряла бдительность, расслабилась на пять минут, в отличие от него. А он всегда будет наготове.

– Просто уведи меня отсюда, – сказала Этану. – Сейчас же.

– А что насчет лейкопластырей?
– Сейчас! – закричала я.

Больше ему ничего не нужно было слышать. Он взял меня за руку, стянул со стойки, и мы как можно быстрее покинули театр.

* * *

Я позволила Этану подвезти меня домой. Мой водитель поехал за нами. Несмотря на удобство личного транспорта, мне было противно пользоваться подачками Дэймона, поэтому я села в машину друга, послав своего водителя к дьяволу, и мы отправились домой.

Этан высадил меня и нехотя уехал. Едва переступив порог дома, я услышала голос матери из столовой. Михаил выбежал мне навстречу. Я нагнулась, чтобы погладить и поцеловать его.

– Покормлю тебя через минуту, мальчик.

Когда я вошла в столовую, то сразу услышала, что мама и сестра на кухне. Оттуда доносились шаги и шорох перелистываемых страниц.

В последние дни я практически не разговаривала со своей семьей. Злилась, сидела у себя в комнате, грызя ногти и пытаюсь придумать, как выбраться отсюда.

– Мы могли бы поклеить обои в кухне, – произнесла Ари. – Только на одну стену. Так снова модно.

Они занимались ремонтом? *Господи.*

– Я пыталась уехать несколько дней назад, – сказала я, остановившись в дверном проеме на кухню. – Вернуться в Монреаль.

На кухне вдруг повисло молчание. Наверное, они думали, как отнестись к моим словам. Мать, кажется, и хотела бы меня обезопасить, но не сделала бы для этого ничего. А сестру, я была уверена, мой побег только порадовал бы. Хотя им обоим должно быть известно: это могло вызвать недовольство Дэймона и привести к неприятным последствиям, если бы он не сразу меня нашел.

– Полицейские, – продолжила я, – наверняка работающие на Гэбриэла Торренса, догнали нас и вернули обратно.

– Этан тебе помогал? – поинтересовалась мать тоном, явно означавшим, что она уже знала ответ.

Я кивнула.

– И если я хочу уберечь его от беды, ему лучше не помогать мне в следующий раз. Такого было предупреждение.

Послышался медленный вдох и тихий выдох. Мама старалась сохранить спокойствие, но мне надоело притворяться. Дэймон умен, жесток и терпелив. А я не могла похвастаться тем же. Пока. Меня переполняла ярость.

К тому же я наконец-то осознала, что никто не встанет на мою сторону.

– Я тебя ненавижу, – бросила я матери. Мой подбородок дрожал. – Уж лучше жить на помойке, чем рядом с ним!

Указав в сторону, откуда доносился голос сестры, я сказала:

– Мне понятно, почему на это согласилась она. Но ты должна защищать меня. Он меня изнасиловал!

– Он тебя не насиловал, – огрызнулась в ответ Арион, встав со стула. – Мы видели видео. Весь мир видел то видео! Ты его хотела. Ты была влюблена в него.

Я покачала головой.

– Не *его*.

Дэймона я никогда не любила.

Это проклятое видео.

Слезы, которые мне не удалось сдержать, покатались по щекам. Чтобы не разрыдаться, я поджала губы.

Видеозапись с нами слили в сеть. Дэймона отправили в тюрьму за статутное изнасилование ⁴, ведь ему было девятнадцать, а я еще не достигла совершеннолетия, однако почти все жители города поддерживали его. Он оказался немного богаче и гораздо популярнее. Двоих друзей Дэймона тоже посадили за собственные правонарушения на основе видеосвидетельств, также всплывших в результате этой же утечки, только он получил самый большой срок.

Дэймона единственного признали виновным в совершении преступления сексуального характера. В глазах обывателей приговор получился крайне несправедливым, потому что их баскетбольная звезда, их золотой мальчик всего лишь занялся сексом с девушкой по обоюдному согласию, просто она была на пару лет младше разрешенного для этого возраста. Подумаешь, пустяк.

Эй, в некоторых штатах шестнадцатилетние уже считаются достаточно взрослыми, разве нет?

Это формальность.

Что он вообще такого плохого сделал? Сколько из нас занимались сексом в том же возрасте?

Не ломайте ему жизнь. Он же не причинил ей вреда.

Эй, девчонке, похоже, вполне понравилось.

От такого потока негатива было тошно. Другие девушки тоже заявляли, что он ими пользовался, но под конец они поддались натиску общественного мнения. В итоге ситуация стала примером несовершенства судебной системы, в то время как «настоящие» злодеи разгуливали на свободе. А я испортила жизнь молодому человеку. Не велика разница.

Все, что люди увидели на той записи, – как я охотно целовала его. Трогала. Обнимала.

По их мнению, я этого хотела, а он был «мужиком». Однако они понятия не имели, что на самом деле происходило на видео. Они не знали, что Дэймон сделал, чтобы получить от меня желаемое.

Звук шагов приблизился ко мне, я почувствовала аромат маминых духов.

– Уинтер, – произнесла она спокойно. – Неужели ты думаешь, будто ему действительно было необходимо жениться на представительнице нашей семьи, чтобы получить все, чего он хотел? Дэймон в любом случае мог беспрепятственно пригрозить Этану, лишь бы удержать тебя «под колпаком» в Тандер-Бэй. Или пригрозить нам, твоим бабушкам и дедушкам, друзьям. Они бы все равно разыграли все по-своему, потому что у них есть деньги, а у нас нет ничего.

«По вине моего отца», – закончила я за нее.

Да, я это знала. В какой-то мере она была права.

В этот момент я тоже его ненавидела. Мы оказались втянуты в этот бардак не из-за отцовских преступлений – Дэймон нашел бы другую лазейку, не сработай эта. Я ненавидела отца за то, что он сбежал.

Теперь Гэбриэл Торренс и его сын могли делать с нами все что угодно. Учитывая их репутацию, я старалась не думать о том, насколько плохо это могло обернуться, иначе меня бы стошнило.

– По крайней мере сейчас, – продолжила мать, – нам есть к чему стремиться. Есть свет в конце тоннеля.

Выплата за развод? Она что, настолько глупа? Дэймон постарается, чтобы Ари забеременела, и выхода уже не будет!

⁴ Сексуальное преступление, совершенное с согласия потерпевшего лица, которое не достигло совершеннолетнего возраста.

– А что, по-твоему, мы должны будем делать, пока этот год не пройдет? – с вызовом бросила я.

Что я должна делать, если она решит переждать, день за днем, неделю за неделей?

– Мы будем выживать, – ответила мама.

Выживать.

Ты имела в виду «покоримся»?

Спустя несколько секунд я ушла из столовой, поднялась наверх и закрылась в своей спальне с Михаилом до конца дня. Его я покормила, но сама от ужина отказалась. Все равно была не голодна. Я выбралась из своего укрытия лишь ненадолго, чтобы искупаться.

Я не могла принять решение за мать, однако и она не могла решать за меня. Ни при каких условиях я не пойду на крайности ради выживания. Мне были известны собственные возможности, и я не позволю ему вновь загнать меня в тот же угол. Если до этого вообще дойдет. Надеюсь, я найду способ сбежать раньше.

* * *

Через несколько часов я проснулась в своей комнате, с трудом разомкнув отяжелевшие веки. Воздух казался прохладнее, чем обычно.

Уже шесть? Мой будильник не сработал.

Я протянула руку и нажала на кнопку будильника, стоявшего на прикроватном столике. Электронный мужской голос произнес громко и четко:

– Два часа тринадцать минут.

– Два-тринадцать? – выдохнула я.

Я закрыла глаза в надежде опять уснуть, но мой мозг уже работал и оценивал обстановку. За окном стояла тихая ночь. Ни дождя, ни ветра, хотя в следующем месяце уже, вероятно, пойдет снег. Позволив себе на мгновение потосковать по нему, я вновь ощутила груз всех наших проблем. Мне хотелось замедлить время, а не ускорить.

Зиму я любила. И не только из-за своего имени⁵. Это праздничный сезон, и такие радостные моменты делали меня счастливой. Я всегда украшала свою комнату, потому что до сих пор могла ощущать гирлянды, рождественские венки и запах хвои, слышать музыку из снежных шаров. Правда, пока сомневалась, последую ли традиции в этом году. Моя гордость оставалась непреклонна, я отказывалась извлечь пользу из сложившейся ситуации. Если повезет, праздник я встречу не в нашем доме.

Я перевернулась на другой бок, поправила подушку под головой и вытянула ноги, почувствовав гладкую, прохладную поверхность простыни вместо тепла.

Стоп. А где...

– Михаил? – позвала я, распахнув глаза и подняв голову.

Пес обычно спал у моих ног. Сейчас его на кровати не оказалось. Прислушиваясь, я ожидала различить в тишине ночи звон ошейника, раздававшийся, когда пес поднимался на зов. Но в ответ ничего не произошло.

– Сюда, мальчик. – Я несколько раз поцелкала языком, подзывая Михаила.

Он не мог сбежать, ведь я заперла дверь.

Но потом я почувствовала какой-то масляный, сладковатый запах. Сев на кровати, сбросила с себя одеяло. Мой пульс начал учащаться.

«Нет, неужели она...» – простонала я мысленно.

Я подошла к столу, провела пальцами по керамическому чайнику – с чаем, судя по аромату, – и блюду с круассаном. Мать все-таки зашла ко мне, чтобы принести еду.

⁵ Уинтер переводится с английского как «зима».

Подойдя к двери, я обнаружила, что та осталась открытой. Seriously, запираться, наверное, бесполезно. Если Дэймон потеряет ключ от всех дверей, он может, ну, выбить их, например... Но я все равно не могла *не* запирать замок, поэтому...

Высунув голову в коридор, я прошептала:

– Михаил?

Ничего.

Я нахмурила брови. Он всегда отзывался, когда я звала его. На улицу он выбежать не мог, только если дверь не откроют.

– Михаил? – позвала я громче.

Тихо шагнув в коридор – половицы слегка скрипнули под моим весом, – я положила левую руку на перила и пошла вдоль них. Был слышен лишь перезвон хрустальной люстры из-за гулявших по дому сквозняков. Под ногами лежали мягкие ковры, впереди мирно тикали напольные часы.

Я бы услышала лай собаки, или рык, или внезапное движение в кровати, если бы что-то заставило его нервничать, да? Михаил всегда оставался начеку. Дома никого не было кроме мамы, сестры и меня.

Держась за перила обеими руками, я осторожно спустилась по лестнице и направилась к входной двери, где проверила все замки.

И вдруг услышала тихое поскуливание справа.

– Михаил? – Я повернула голову в сторону гостиной.

Мелкими шагами я добралась до ковра и почувствовала, как пес подбежал ко мне, ткнувшись мокрым носом в мое колено.

– Эй, куда ты ушел? – поддразнила я, нагнувшись, чтобы погладить его. – Что...

Запах сигарет ударил в ноздри; я умолкла, улыбка сползла с моего лица.

Желудок провалился куда-то вниз. Я выпрямилась, моя грудь равномерно, но быстро вздымалась и опадала.

Моя собака была у него.

– Больше к нему не прикасайся, – процедила я.

– Он сам пришел ко мне.

Голос Дэймона донесся из глубины комнаты, и я предположила, что он сидел в кресле в углу, у окна. Я представила его здесь в темноте, пронзаемой только янтарным огоньком подкурренной сигареты.

Наклонившись, я ухватила за ошейник Михаила.

– Ты дала своему псу русское имя, – задумчиво произнес Дэймон.

– Я дала ему имя танцора.

Михаил Барышников. Большинство величайших балетных танцовщиков были русскими, так уж получилось. Дань уважения к гребаному происхождению Дэймона тут абсолютно ни при чем.

Уже собираясь забрать свою собаку и уйти, я почувствовала, как он поднялся с кресла, пока остатки дыма рассеивались в воздухе. Я держала Михаила рядом, сделала шаг назад к столу у стены, незаметно подхватила ручку, которая всегда там лежала вместе со стопкой бумаг для записок, и спрятала ее за бедром.

Когда-то Дэймон пугал меня, и мне это нравилось. То время прошло.

– Я не хочу здесь жить, – сообщила я ему. – Рано или поздно я найду выход. Ты ведь знаешь.

Замерев на мгновение, я осознала, что это первое подобие разговора, пусть даже вынужденного, между нами за последние пять лет. С тех пор, как его отправили в тюрьму. Все предыдущие встречи сводились либо к мимолетным нападкам друг на друга, либо к угрозам.

– Тебе нечего сказать? – подстегнула я.

– Нет, просто не вижу смысла отвечать. – Голос парня приблизился. Он сделал глоток, судя по звону льда о стенки бокала, затем поставил свой напиток на стол. – Ты можешь разбрасываться любыми заявлениями, Уинтер, но в итоге будешь делать то, что тебе скажут. Ты, твоя мать и сестра, – подчеркнул Дэймон. – Вы больше не распоряжаетесь этим домом.

– Я взрослый человек. И имею право уходить, куда и когда пожелаю.

– Так почему же ты до сих пор здесь?

Мои губы дернулись от желания оскалиться, однако я быстро спохватилась. Его посыл был очевиден. Да, я могла уехать той ночью, если бы позволила несправедливо арестовать своего друга. Дэймон с Гэбриэлом перешли в наступление, а я ретировалась. Поэтому правда в том, что я *не имела права* уходить, куда и когда пожелаю. Без последствий.

– Мне нравится твоя ярость, – сказал он. – Рад, что она никуда не исчезла.

Да, не исчезла. Похоже, ярость – это единственное, что у меня осталось. Я тосковала по смеху, улыбкам и свободе быть собой, которых лишилась после первого появления Дэймона в моей жизни и угрозы его неизбежного возвращения. Смогу ли я вновь обладать чем-то своим? Смогу ли влюбиться? После него?

– Этан Бельмонт – бездарный третий сын генерального директора загнивающей сети кофеен и учительницы вторых классов. Он днями напролет просиживает в родительском доме и играет в видеоигры...

– Ты хотел сказать, разрабатывает их...

– Присасывается к ингалятору из-за пылицы, хватается за эпинефриновый шприц, если на его хлеб попадет хоть капля арахисового масла, – продолжил парень. – Он не способен вытащить из горящей машины даже себя, не говоря уже о жене и ребенке.

А ты способен? Не смешите меня.

Дэймон Торренс спасает лишь собственную шкуру. Хотя мы с Этаном и не встречались, я бы не раздумывая предпочла его.

– Тебе нужен надежный мужчина, – дразнящим тоном произнес он, медленно приближаясь. – Тот, кто твердо стоит на ногах и умеет поддерживать железную дисциплину. Командный игрок в Тандер-Бэй. Тот, кто заставит тебя слушаться. И, – его голос помрачнел, когда Дэймон остановился прямо передо мной, – не станет задавать лишних вопросов, если не все его дети будут похожи на него.

Я неровно выдохнула, надеясь, что он не заметит мою дрожь.

Зная теперь о его намерениях, я плотно сжала губы. Дэймон планировал выдать меня замуж, словно мы жили в девятнадцатом веке. И в то же время собирался поразвлечься.

– Ну, пойдем, – бросила я с вызовом. – Чего ты ждешь?

Он прильнул ко мне, потянулся за спину и вырвал ручку из моей руки.

– Чтобы ты действовала в борьбе собак покрупнее, – процедил Дэймон сквозь зубы. – Ты можешь лучше.

Лицо у меня вспыхнуло, а ноги подкосились. Забрав ручку, он отошел. Спустя мгновение я услышала, как парень прикурил новую сигарету. С трудом пытаюсь напрячь каждую мышцу в своем теле, я сказала:

– Действую. И что бы ты ни делал, я никогда тебе не подчинюсь.

– Не подчиняйся, пожалуйста, – парировал Дэймон, бросив зажигалку на стол и выдохнув облако дыма. – Для этого у меня есть Арион.

Звук его шагов снова приблизился. Я приготовилась.

– Она будет полезна. По утрам, когда я просыпаюсь со стояком и мне нужно оказаться внутри чего-нибудь тесного и горячего.

Мои челюсти сжались еще сильнее. В памяти всплыл образ Дэймона на моей кровати одним далеким утром...

Я проигнорировала жжение в глазах. Боже, я ненавидела его.

– Но по ночам, – сказал он тихо, опять остановившись передо мной, – когда меня переполняет энергия, насколько тебе известно, я вспоминаю, как мой рот скользил по влажному от пота животу, а пальцы поглаживали гладкую киску...

Мое сердце колотилось о грудную клетку. Воспоминания о тех ощущениях заставили меня замереть.

– Возможно, я вновь окажусь в комнате ее младшей сестренки тремя дверями дальше по коридору. Стяну с нее трусики и начну лизать...

Покачивая головой, я сопротивлялась картинкам, всплывшим в моей голове.

– Ты больше ничего от меня не получишь. Я не позволю. Ты изнасиловал меня. И не по статутному праву. Это было настоящее *изнасилование*.

– Мне понятно, почему ты хочешь в это верить. Может, ты стыдишься. Или чувствуешь вину, потому что тебе понравилось. – После короткой паузы Дэймон продолжил: – Только будь осторожна, Уинтер. Я все еще могу подкинуть тебе новых проблем.

– О, уже боюсь, – выпалила я в ответ.

Ему у меня уже нечего забирать.

Несколько секунд он стоял молча и неподвижно, после чего его голос пронзил тишину.

– Михаил? – позвал Дэймон.

Я подпрыгнула.

– К ноге, – произнес он на непонятном языке.

Что?

Пес вырвался из моей хватки и побежал к нему как по команде.

– Что ты делаешь? – Я бросилась вперед. – Отдай мне мою собаку. – Затем окликнула: – Михаил!

Однако я больше не чувствовала близости ни одного из них. Куда они ушли? Что сказал Дэймон? Это был русский? Михаил не знал команд на русском языке.

Я услышала позвякивание его ошейника в нескольких метрах от себя, и в горле образовался ком.

– Хороший мальчик, – проворковал Дэймон. – Он умный. Знает, кто его хозяин.

Михаил пошел к нему?

– Михаил, – произнесла я. – Михаил, иди сюда.

– Теперь вот в чем вопрос... – продолжил парень. Звуки его шагов опять стали приближаться. – Оставить ли его себе или отдать отцу? У меня не было собаки уже много лет. Не уверен, что помню, как за ней ухаживать.

Мои нервы были на пределе.

– Отдай мне собаку.

– Хочешь его вернуть? – подойдя ближе, спросил он. – Значит, умоляй меня.

– Пошел ты!

Схватив меня за шею, Дэймон сжал в кулаке волосы на моем затылке.

– Собака есть собака, а сучка есть сучка, – огрызнулся он. – От вас нет особой пользы, так что мне плевать на обеих.

Я уперлась руками ему в грудь, стараясь оттолкнуть.

Михаил.

– Умоляй, – дразнящим тоном приказал Дэймон. – Только прошепчи. Просто скажи «пожалуйста».

Он не мог забрать мою собаку. Что он с ним сделает?

Я больше не могла притворяться безучастной. Мысль о том, что я не буду знать, все ли в порядке с Михаилом... Дэймон действительно его заберет?

По-прежнему держа меня за волосы, он начал массировать кожу на моей голове.

– Прошепчи. – Его дыхание стало прерывистым. – Так же, как я шептал твое имя тем утром, когда меня нашли в твоей постели и арестовали, Уинтер. Это все, что я хочу услышать. Тихий шепот.

Его рука дрогнула. У меня в животе затянулся болезненный узел. *Пожалуйста, остановись. Не делай этого.*

– Наверное, убить его будет милосерднее, чем отдать моему отцу, – добавил Дэймон. – Он плохо обращается с собаками...

– Пожалуйста, – выпалила я. По щеке скатилась слеза. – Пожалуйста, отдай мне моего пса.

– На колени, – распорядился он.

Я закрыла глаза.

Будь он проклят. Дэймон всегда точно знал, что делать.

Мне хотелось растерзать его.

Ненавижу.

И все же я медленно опустилась на колени, стиснув зубы и продолжая дрожать. Рука Дэймона оставалась в моих волосах.

– Пожалуйста, – прошептала я, зажмурившись от отвращения к самой себе. – Пожалуйста, ста.

– Еще раз.

– Пожалуйста, – молила я.

Я ждала его ответа – что он вернет мне Михаила, – но Дэймон просто стоял и держал меня.

Он это хотел увидеть? Униженную, напуганную Уинтер?

Ему нравилось, когда я боялась. Это его будоражило.

Раньше я думала, будто мне это тоже нравилось.

Миновали секунды. Он не отпускал, а мое сердце громыало в груди. Мы словно вернулись на мгновение в юность.

В те времена, когда мне нравились игры, в которые Дэймон играл со мной. Прежде чем я поняла, что была игрушкой.

Ужас и страх. А еще восторг и то, как я чувствовала себя в безопасности в его объятиях. На свете не было человека, которого я бы ненавидела сильнее Дэймона, и в то же время любила все, что ощущала с ним, больше, чем с кем-либо другим. Я была такой идиоткой.

Его пальцы сдвинулись вниз и начали нежно поглаживать мою шею. Сейчас он дышал тяжело и надрывно.

– Уинтер...

Мой клитор отозвался пульсацией, и я сорвалась, тихо заплакав. Мои щеки пылали от стыда.

Черт, что он со мной сделал?

Дэймон поднял меня и убрал волосы за плечо. Его голос вдруг стал нормальным.

– Хорошая девочка. Конечно, ты можешь забрать свою собаку. Думаешь, я монстр какой-то?

Я отпрянула от его рук.

– Вряд ли это имеет какое-то значение. Ты уже разрушил мою жизнь. Давным-давно.

– В домике на дереве, когда тебе было восемь, – закончил он мысль за меня. – Я помню ту вечеринку. Правда, забавно. Это все, что ты помнишь, да?

– О чем ты?

– Фонтан, – отметил парень. – Помнишь, что произошло в фонтане перед тем, как мы ушли в домик на дереве?

В фонтане? Анализируя свои спутанные воспоминания, я не нашла ничего необычного. Мне было восемь, поэтому я не могла четко помнить каждую деталь спустя столько лет. Лишь то, что Дэймон поранился и я пыталась помочь. Но, кажется, события, развернувшиеся после фонтана, были важнее.

– Ничего не произошло, – ответила я.

Не позволю ему обернуть то происшествие против меня. Я была добра к нему.

Никакие мои слова или действия в тот день не заслужили того, что случилось потом. То, что он сделал в старших классах, я тоже ничем не заслужила.

Хотя отчасти мне стало любопытно, на что намекал Дэймон. Я думала, он пояснит, но парень промолчал, оставив меня в неведении.

Дэймон вздохнул.

– Я сам над собой не властен, Уинтер. Выбора нет. Мы такие, какие есть, и делаем то, что должны делать. Такова природа. Подобно шахматным фигурам, я сыграю свою роль, потому что не могу сопротивляться. Я не могу стать тем, кем не являюсь.

Я нахмурилась. Его слова прозвучали непоколебимо. Будто моя судьба предрешена.

– Надеюсь, ты не разочаруешь, – закончил он.

Значит, на этом все? Дэймон осуществит любые мерзкие желания, порожденные его ненормальным мозгом, лишь из-за упорного отказа понять, что он причинил кому-то боль и что за преступления нужно нести ответственность? Ему досталось по заслугам.

Однажды я победила. И сделаю это снова.

– Только выбери новую тактику. Мне не нравится, что ты устраиваешь мне засады в туалете, словно какой-то извращенец.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Театр «Бридж-Бэй». Я была одна в уборной сегодня. Ты зашел, чтобы поиздеваться надо мной. Мне казалось, тюрьма должна была вывести тебя на новый уровень.

Он отрывисто засмеялся, сделал затяжку и выдохнул.

– Не знаю, что ты себе нафантазировала, но я целый день провел в Нью-Йорке. Вернулся всего час назад.

– Ага, конечно.

– Зачем мне лгать?

Сообразив, что Дэймон может говорить правду, я осеклась. У него не было мотивов это отрицать. Его счета со мной и моей семьей ни для кого не секрет. Доказательств я бы все равно не нашла, даже если бы в театре был именно он. А алиби ему могли легко сфабриковать.

Но в этой комнате, где мы оказались наедине, без лишних свидетелей, Дэймон бы с удовольствием похвастался своими проделками.

Он подошел ко мне. Я почувствовала исходящий от него запах табака и аромат его одежды.

– Я выше этого, – едва слышно произнес парень, овевая меня своим прохладным дыханием из-за только что выпитого напитка. – Зачем мне загонять кого-то в угол в общественном месте, куда могут войти посторонние и помешать? Я бы предпочел уединение.

Кончики его пальцев смахнули волосы с моей щеки, отчего я дернулась.

– Например, в большом доме. Окруженном километрами пустующих лесов, без соседей, без дорог. – По голосу было слышно, как он маниакально улыбался. От меня не ускользнул его намек.

Дэймон уже все спланировал.

– Все остальные исчезнут, оставив ее одну. Никто ей не поможет. Никто не услышит. Никто меня не остановит. Всю ночь. Только мы вдвоем. – Он перешел на шепот, его дыхание коснулось моих губ. – Вместе, в одном доме. Где так просторно, что можно сбежать, и так много мест, чтобы спрятаться.

Мои руки сжались в кулаки. Если раньше я не знала, то теперь поняла. Дэймон все-таки изменился.

Он стал хуже. И считал, что, раз уж он отбыл срок, почему бы не совершить преступление снова.

От страха в животе все перевернулось, когда он прошел мимо, слегка задев меня.

– Спокойной ночи, Уинтер.

Я отчетливо услышала ноты восторга в его голосе.

Глава 7

Дэймон

Семь лет назад

Итак, по словам мистера Кинкейда, учитывая случившееся много лет назад, родители Уинтер Эшби сочли необходимым потребовать, чтобы я больше не приближался к их дочери – к обеим их дочерям, если уж на то пошло, – во время обучения девушек в Тандер-Бэй. Если я нарушу это требование, дело дойдет до суда, который запретит мне даже смотреть в ее сторону.

Если мне не нужна такая отметка в личном деле, значит, я должен подчиниться.

Точнее, любой другой человек подумал бы, что я подчинюсь.

Но после того, как я это услышал, винтики в моей голове закрутились и мной всецело завладела пленительная перспектива опасности и проблем, которые я мог спровоцировать.

Я едва не рассмеялся, вспомнив нашу беседу. *Охранный ордер?* Да ладно.

Какой же он слабак. Мы были детьми. Гриффин Эшби просто бесился из-за того, что его жена когда-то спала с моим отцом. Человек вроде Гэбриэла Торренса был недосыгаем для его жалких тщедушных ручонков, поэтому он время от времени отыгрывался на мне, чтобы почувствовать себя мужиком.

Да, в тот день произошел несчастный случай. За минувшие годы Эшби явно промыл мозги своей дочери, исказив ее воспоминания о том случае, но я тогда не хотел причинить ей боль.

Это была случайность. Дети часто попадают в передряги.

Выйдя из машины, я захлопнул дверцу, нажал кнопку на брелоке и включил сигнализацию.

– Почему ты не захотел, чтобы я за тобой заехал? – крикнул мне Майкл, выбравшийся из своего «Гелендвагена».

– Потому что я могу задержаться дольше вас, – ответил я.

– Или он закончит раньше нас, – добавил Уилл, хохотнув. Он шел по одну руку от Майкла, Кай – по другую.

Они приехали втроем. Обычно я присоединялся к ним, а иногда мы добирались по отдельности, если предполагали, что ночью можем разделиться.

У меня не было четких планов, но кто знает?

После разговора с Уинтер в кафетерии в начале недели и нашего столкновения в раздевалке, во время которого я заметил ее явный страх, я был заинтригован. Что девушка помнила о том дне в фонтане? Она была тогда очень маленькой – да и я тоже, – поэтому ее воспоминания могли оказаться не такими ясными.

Когда Уинтер забрела в раздевалку (точнее, ее туда втолкнули, как я позже выяснил), своим напуганным и в то же время упрямо-воинственным выражением лица она напомнила мне Бэнкс. Судя по виду, девчонка в любую секунду была готова сломаться, ее щеки покраснели от смущения, а глаза слегка блеснули. Но она плотно стиснула челюсти и сжала руки в кулаки. Ее одновременно охватили паника и злость. Это было довольно мило. Мне нравилась ее беспомощность. Она заставляла меня чувствовать себя... Не знаю. Могущественным, наверное.

То же я ощущал с Бэнкс и баскетбольной командой, ведь им нужно было то, что мог сделать только я.

Называйте это высокомерием, если хотите. Я понимал лишь одно: мне не понравились издевки, которые полетели от парней, когда они ее заметили.

Нет, не так.

Мне не понравилось, что над ней издевался *кто-то еще*.

И меня точно не порадовало то, что ей на помощь пришел другой мужчина, даже если это был Уилл.

К черту папашу Уинтер. Он не затащит меня во второй раз в суд. Выпускников радовали победы команды в матчах, верно? Майклу, Каю, Уиллу и мне... позволяли многое, пока мы выполняли свою задачу на корте. У него кишка тонка.

Мы двинулись по круговой подъездной дорожке под звуки «Bad Company» Five Finger Death Punch, доносившиеся с заднего двора, прошли мимо идиотского мраморного фонтана в виде четырех лошадей, изрыгающих воду, и толстых херувимов наверху. Подобным уродливым дерьмом американцы украшали свои участки, пытаясь создать впечатление дорогого европейского стиля, но на самом деле фонтан напоминал лишь птичью поилку в трейлер-парке, только больше.

Гриффин Эшби просто позер. Даже если бы я ему понравился, все равно бы на дух его не переносил.

К счастью, он уехал в Меридиан-Сити на выходные вместе с женой, а их старшая дочь Арион решила устроить сегодня вечеринку у бассейна. Надеюсь, Уинтер не присоединилась к своим родителям.

Я хотел опять с ней поговорить. Проверить, сколько мне потребуется времени, чтобы проникнуть в ее мысли и устроить в них хаос.

– Эй! – рявкнул Уилл. – Стоп, стоп, стоп, поди-ка сюда!

Оглянувшись, я увидел, как он остановил парнишку, направлявшегося к выходу, схватив того за ворот рубахи. Я сразу же его узнал – Миша, младший кузен Уилла. Внук сенатора штата, который скорее походил на отпрыска Сиды и Нэнси ⁶.

– Какого дьявола ты тут делаешь? – спросил Уилл. – Тебе всего двенадцать лет.

– И?

Мелкий умник.

Мой друг осекся на мгновение, после чего тихо засмеялся.

– Да, ты прав. Не обращай внимания. Пей сколько хочешь. – И он подтолкнул кузена обратно во внутренний двор, где проходила вечеринка.

Однако Миша вырвался из его хватки, развернулся и пошел в другую сторону.

– Я домой, – проворчал он. – Здесь скучно.

– Ты не можешь идти пешком, мелкий говнюк! – возразил Уилл. – До города несколько километров.

– Тогда забей на вечеринку и отвези меня домой.

– Ты рехнулся?

Это меня рассмешило; развернувшись, я снова направился к заднему двору.

– Чертов пацан, – сказал Уилл, бегом догоняя нас. – Понятия не имею, как он мог оказаться моей родней.

Обогнув особняк (в приглашении подчеркивалось, что все гости должны сразу идти во внутренний двор, в дом – ни ногой), мы остановились у раскинувшейся впереди лужайки.

Люди танцевали, играли в алкогольные игры, всем было весело, гремела музыка, туда-сюда летал футбольный мяч.

Я почувствовал запах еды, разложенной на столах. В бассейне плавало и дурачилось несколько человек. Почти все стулья были заняты, оккупировали даже шезлонги около домика

⁶ «Сид и Нэнси» (англ. Sid and Nancy) – фильм режиссера Алекса Кокса, повествующий о жизни Сиды Вишеса, бас-гитариста группы Sex Pistols, оставшегося в истории одним из наиболее популярных символов панк-культуры.

у бассейна. Из душевых позади небольшого строения поднимались клубы пара. Над поверхностью воды тоже зависла легкая дымка, словно в горячем джакузи.

– Сдавайте свои телефоны, – окликнул всех кто-то.

Обернувшись, я увидел одного из футболистов-юниоров, имени которого не знал, сидевшего за карточным столиком. Он уже приготовил стикеры с нашими именами, собираясь забрать телефоны, чтобы никакая информация о вечеринке не просочилась в сеть.

– Трахни свою мамашу, – пробормотал я и перевел взгляд обратно на тусовку. Рядом послышался смешок Кая.

Не хватало еще, чтобы наши мобильники кто-то украл, пока они будут в чужих руках. Фото, сообщения, видео, чеки... Свой телефон я никому не доверял. Со мной он в большей безопасности. А если они решат выгнать нас за несоблюдение правил – удачи. Без Всадников народ на вечеринках не оставался.

Девятиклассник не проронил больше ни слова, вообще не шелухнулся. Мы же пошли дальше. Вокруг бегали девчонки в лифчиках-бикини, несмотря на температуру воздуха в районе пятнадцати градусов. Бассейн подогревался, но за его пределами явно было прохладно.

Одна из них бросила на меня взгляд, прошмыгнув мимо со своими подружками. Она многообещающе улыбнулась мне, будто говорила, что затащить ее сегодня в постель особого труда не составит.

Но я любил трудности.

Я осмотрелся, прекрасно зная, кого искал. Хоть и понимал, что не должен. Это уж слишком, даже для меня.

Когда ей было восемь, а мне одиннадцать, желание подружиться не казалось таким мудреным, однако сейчас все изменилось. Люди неправильно поймут.

Майкл выдохнул и покачал головой, разминая шею.

– Давайте выпьем.

Кивнув, мы раздобыли себе пива и смешались с толпой, периодически останавливаясь, чтобы пообщаться с одноклассниками.

Наконец мы нашли свободный столик, я снял обувь, стянул с себя толстовку, бросил ее на стул, затем взял свое пиво и допил залпом. Заметив младший состав нашей баскетбольной команды поблизости, я вручил одному парню пустую бутылку. Он прервал свой разговор, замешкавшись лишь на мгновение, прежде чем поднялся и пошел за новой порцией.

– Нам всем принеси, – пробормотал я ему вслед. Уилл пил быстрее меня, и его бутылка уже почти опустела.

Кай сидел за столом, пил и смеялся, болтая с кем-то, в то время как Майкл ушел поговорить с Дианой Форестер.

– Ю-ху! – взвыл Уилл, сложив ладони вокруг рта и заглушая громкую музыку.

Окружающие начали удивленно оборачиваться в тот самый момент, когда он, скинув обувь и рубашку, помчался к глубокой части бассейна, сделал сальто в воздухе и плюхнулся в воду.

Люди засмеялись, свистя и скандируя, а я подошел к бортику и неторопливо погрузился в бассейн по пояс. На мне были длинные черные шорты, но сменной одежды я не захватил. Бэнкс умоляла взять ее с собой, поэтому я, взбешенный и немного рассеянный, пулей вылетел из дома, лишь бы не видеть жалкое выражение ее лица, и забыл свои сигареты.

Уилл всплыл, рассмеялся и пару раз обрызгал остальных, после чего подплыл ко мне. Опершись локтями на деревянный бортик, я прислонился к стенке бассейна.

– Арион Эшби изнывает от желания заполучить твою задницу, старик, – сообщил он, встав на ноги и загладив волосы назад. После чего шутливо дернул подбородком куда-то мне за спину.

Я обернулся и увидел старшую сестру Уинтер, которая стояла в компании друзей, плясая на нас.

Мой взгляд скользнул по ее телу, стройным ногам и рукам. Она была в белом бикини без бретелек, с длинными пышными волосами, собранными в хвост. На обеих ее лодыжках красовались браслеты, а на грудь спадало золотое ожерелье из цепочек разной длины.

Она бы выглядела горячее без одежды, в одних драгоценностях.

Повернувшись обратно к Уиллу, я ответил:

– У меня есть планы насчет нее. Не волнуйся.

Его глаза озорно блеснули.

– Обожаю твое воображение. Мне перепадет?

Я изогнул губы в улыбке, почувствовав двойной смысл его слов.

– На твой счет у меня тоже есть планы.

Мои глаза опустились к двум засосам на его шее. Один выглядел особенно мерзко. Мне было точно известно, откуда они взялись. Девушка, оставившая эти засосы, вероятно, получила в два раза больше.

– Некоторым девчонкам нужно усвоить, что способность сосать член с силой пылесоса не тратят на мужские шеи, – сказал я, разбрызгав воду пальцами. Раздражение засело где-то в глубине моего живота. – Может, тебе стоит понаблюдать, пока я переучу ту, что сделала это с тобой?

– Ай, ревнуешь? – поддразнил Уилл.

В следующую секунду мы обменялись взглядами, я уже не смеялся. Его дерзкая улыбка стала сползать с лица, он выпрямился.

Уилл – мой лучший друг. А я своего никому не отдам. Он это знал.

Повисла неловкая пауза, но потом Уилл заметил что-то позади меня и вздернул подбородок.

– Ой-ой.

Я взглянул в ту же сторону, обнаружив направляющуюся к нам Арион. Она вошла в воду и распустила волосы. Целую неделю я готовил себя к чему-то совершенно другому, поэтому не был уверен, что хочу остаться.

Однако мои планы сорвались, мне больше нечем было заняться и, если она хотела поиграть, возможно, я все-таки смогу настроиться. Арион была довольно привлекательна, хотя разрез глаз придавал ей немного стервозный вид, а челюсть имела угловатые черты, из-за чего девушка казалась чересчур худой. Подобный налет суровости в ее внешности мне не нравился. Она не была милой.

Но какая разница. Ведь трахать Арион буду не я.

Подойдя к нам, она жеманно протянула кулаки, разжала левую ладонь, где лежал бирюзовый треугольник, и вручила его Уиллу.

Экстази.

– Да, черт побери. – Проглотив таблетку, он запил ее пивом.

Затем Арион повернулась ко мне, открыла правую ладонь, но та оказалась пустой. Я посмотрел ей в глаза. Девчонка лишь ухмыльнулась и открыла рот, показав, что моя таблетка уже лежала у нее на языке. Приподнявшись, она нацелилась на мои губы, но я увернулся.

– Мне не нужна помощь, чтобы делать безумные вещи.

К тому же мы не в средней школе.

Арион с вызовом вскинула брови, забрала мое пиво, сделала глоток, проглотила таблетку и, облизав губы, прильнула к моему телу. Я позволил ей остаться. Пока.

– Давай поднимаемся наверх, – прошептала девушка. – Я бы посмотрела на твои безумства.

Подняв руку, я обхватил ее подбородок большим и указательным пальцами.

Да ну?

Меня давно не беспокоила собственная ненормальность. За свою жизнь я понял, что мои вкусы отличались от вкусов других людей и угодить мне было сложнее, чем многим мужчинам. Опасение вызывало только то, что удовлетворять мои потребности становилось все труднее. Словно у меня развивался иммунитет к извращениям, из-за чего постоянно приходилось увеличивать дозу.

Я провел пальцем по точеной линии ее челюсти.

– Я хочу, чтобы ты пошла в те кусты, – произнес я едва слышно. – Вон там. – И указал вправо движением глаз, в сторону живой изгороди, окружающей их двор, за которой начинался лес, скалистые утесы и океан. Туда никто не забредет.

Взгляд Арион упал на мои губы, похоже, идея ей понравилась.

– И что ты сделаешь со мной за этими кустами? – поинтересовалась девушка.

– Буду за тобой наблюдать.

Рядом тихо засмеялся Уилл. Несмотря на укол вины где-то на задворках сознания, заставивший меня опустить глаза, я крепче впился пальцами в ее челюсть, ощутив столь желанный жар, внезапно проснувшийся у меня внутри.

– Я буду наблюдать, пока тебя кто-то трогает. Мне хочется увидеть, как тебя поймает кто-то другой.

Она осеклась, ее улыбка померкла, когда до Арион дошел смысл моих слов. Девчонка неуверенно огляделась по сторонам, вероятно гадая, шучу я или нет. Не лучше ли уйти, пока не поздно? Наверняка она слышала истории. Просто считала себя настолько соблазнительной, что я не смогу устоять перед ней и трахну ее сам.

Ее голубые глаза нашли Уилла.

– Он?

Я покачал головой.

Взгляд Арион продолжил несмело блуждать, остановившись на ком-то позади меня.

– Кай?

Но я снова отрицательно качнул головой.

Уилл тоже покачал головой, допил свое пиво и, явно забавляясь, произнес:

– Господи.

– Марко Брайсон, – сказал я, разглядывая парня, стоявшего во дворе у нее за спиной. Он был в компании ребят, без футболки, с полупустой бутылкой виски. Арион оглянулась, заметила его, повернулась обратно и прошептала:

– У него есть девушка.

– Именно поэтому будет так горячо.

В своем юном возрасте я уже видел немало людей, занимающихся сексом. Мужчин, тусовавшихся в доме моего отца со своими шлюхами. Тайную жизнь матерей и отцов этого города. Девушек, которые правили подпольным миром нашей растленной школы не меньше, чем парни.

Да, я многое повидал.

Однако сейчас... *Сильнее, жестче, больше. Всегда больше.*

– Но я хочу тебя, – возразила она.

– А я хочу, чтобы тебе нравилось то, что нравится мне.

Девушка пристально смотрела на меня, пока винтики крутились у нее в голове. Она закрыла рот, не став спорить дальше.

Арион могла уйти. Могла сказать «нет». Это не разобьет мне сердце, о чем она прекрасно знала. Но она также знала, что ее отказ положит всему конец. По-другому я ее не захочу и уж точно не сделаю своей первой девушкой, если она не примет меня таким, какой я есть. Я не изменюсь.

– Кто-нибудь узнает, – наконец, произнесла Арион.

Мне не удалось сдержать легкую улыбку. Это ее последний протест. Последняя попытка найти предлог, чтобы отказаться. Или причину согласиться.

– Он тебе не откажет.

Перемены были еле уловимы, но я всегда их замечал. Последний аргумент потух в ее глазах – так происходило со всеми, с кем я играл.

Она открыла рот, собираясь согласиться, как вдруг ее взгляд устремился мне за плечо.

– Что? – рявкнула девушка, дав мне понять, что кто-то стоял за моей спиной.

– Арион, ты не сможешь мне найти «Заснеженную деревеньку» в подвале?

«Заснеженную деревеньку»? *Этот голос.*

Я закрыл глаза. Волоски на моей шее встали дыбом.

Уинтер. Значит, она все-таки осталась дома.

– Что? Сейчас? – заныла Арион. – Попроси маму помочь, когда она вернется.

Вылезай из гребаного бассейна и дай ей то, что она хочет.

– Понятия не имею, зачем она тебе. – Девушка вновь взяла мое пиво. – Еще даже Хэллоуин не прошел, и ты все равно не увидишь эту дурацкую штуку. В чем смысл?

Стерва.

Несмотря на все возрастающее раздражение в адрес Арион Эшби, кожа моей шеи горела от осознания, что Уинтер стояла рядом.

В этот момент я не мог думать ни о чем другом, даже если бы попытался.

Что я собирался сделать с ее сестрой, чтобы ощутить это самое чувство?

И вообще, как она добралась сюда, как нашла сестру? Мне хотелось развернуться, однако я не шелохнулся, прислушиваясь.

– Там есть музыка, – ответила Уинтер. В ее тоне зазвучали оборонительные нотки. – Она мне нравится. Какая тебе разница?

Арион промолчала. Спустя несколько секунд ее взгляд вернулся ко мне. Наверное, Уинтер ушла. Теперь, когда я знал, что она дома, вялый интерес к ее сестре, который я с трудом смог пробудить, полностью исчез.

Там есть музыка. Она мне нравится.

Не уверен, чувствовал ли я ответственность за то, что у Уинтер осталось всего четыре органа чувств, чтобы познавать мир, но желание защитить девушку от окружающих, когда я сам ясно осознавал, что причину ее здоровью больше вреда, казалось странным.

Подтолкнув Арион, я развернулся и вылез из бассейна. Подошел к столу, схватил полотенце и, оглядевшись по сторонам, нашел Уинтер возле домика у бассейна. Она держала под руку другую девушку, по-видимому, свою ровесницу. Вот как она смогла найти сестру. Ее окружили девчонки. Уинтер выглядела ошеломленной, но счастливой. По ее выражению лица я понял, что она немного нервничала из-за всей этой суматохи, музыки и людей.

Уинтер то закусывала губы, то сдвигала их вбок, то меняла нерешительные, но милые улыбки... Она к такому совершенно не привыкла.

Какие вечеринки устраивали в ее школе для слепых? И зачем, твою мать, Эшби отправил свою дочь в Канаду, словно было необходимо спрятать ее в чужой стране, чтобы все о ней забыли? Такая обеспеченная семья вполне могла позволить себе частных репетиторов для домашнего обучения, если бы обычная школа показалась им неподходящей. А если нет, специализированные школы имелись и в Меридиан-сити.

Я повесил полотенце на шею, сел за стол и сразу же по привычке похлопал по карманам своих шорт.

– Черт, – пробормотал я.

Мне нужно найти сигарету.

– Принеси своей сестре толстовку, – сказал Кай кому-то. – У нее футболка просвечивается. Все смотрят.

Едва не рассмеявшись, я покачал головой.

– Ну, значит, не смотри на ее сиськи, – ответила Арион, потянувшись через стол за полотенцем. – Она еще ребенок.

Я посмотрел на Уинтер, которая кивала, слушая кого-то, в то время как ее несфокусированный взгляд был направлен на талию собеседника.

Она стояла босиком, в джинсах и белой майке, немного растянутой и поношенной, словно внешний вид ее не заботил. На лице – ни грамма косметики, губы – естественного темно-розового оттенка, а в белокуром хвостике, спускавшемся ниже плеч – едва заметные остатки кудряшек. Уинтер была идеальна.

Мне захотелось улыбнуться, но я остановил себя, глубоко вздохнув. И только тогда заметил сквозь ткань очертания полукруглой ее груди и выпиравших сосков. Мой взгляд метнулся сначала влево, потом вправо на кучку парней, которые глазели на нее, переговаривались между собой и дружно смеялись.

Тупые ублюдки.

Кай взял свою толстовку со стула, швырнул ее Арион и распорядился:

– Сейчас же.

Судя по его тону и выражению лица, он не позволил бы девушке не подчиниться.

– Ладно, – огрызнулась она, поднявшись.

Но я выхватил толстовку из ее рук и бросил обратно на стол.

Кай сердито уставился на меня.

– Она в порядке, – сказал я ему. Мои слова прозвучали скорее как приказ, нежели утверждение.

Кай встал со стула и, с тенью презрения на лице, поднял свою толстовку.

– Не все женщины в этом мире будут служить твоему личному развлечению, – процедил он, сверля меня взглядом. – Когда-нибудь у тебя появится дочь и ты еще как станешь беспокоиться, черт побери, если она начнет привлекать к себе нежеланное внимание.

– Ты научишь свою дочь прятаться в чужом мире, – парировал я, – а я научу свою, что все остальные существуют в ее мире. Иди на хрен, оставь девчонку в покое.

Понятия не имею, чем я руководствовался, когда говорил это, потому что, если бы Бэнкс вышла из нашей комнаты в таком виде, мне бы сорвало крышу. Но Уинтер...

Она никогда не будет неправа. Окружающие сами виноваты, раз смотрят.

Кай выпрямился, тяжело дыша и не моргая.

Снова подхватив толстовку, он развернулся и направился к Уинтер.

Мудак.

Нас с Каем не назовешь друзьями, мы – братья. Во всех смыслах, кроме биологического. Невзирая на личные симпатии или антипатии, мы были семьей и прикрывали друг друга. Только это не означало, что мы друг другу нравились.

Кай благородный. Голос разума в нашей маленькой компании. Хоть я и завидовал порой его счастливой семье, все равно знал – рано или поздно наступит момент, когда Кай окажется на распутье между двух огней и выберет он не меня.

Я глянул на Арион, заметив, что она до сих пор стояла рядом.

– Чего ты ждешь?

Она сжала губы в плотную линию, понимая, что я имел в виду Марко Брайсона, после чего наконец-то ушла, либо для того, чтобы обработать его, либо вернулась к друзьям, тем самым послав меня к черту. Мне было плевать в любом случае. Я просто хотел от нее избавиться.

Опять посмотрев на Кая, я начал наблюдать за тем, как он подошел к Уинтер. Окружавшие ее девушки расступились перед ним.

Улыбка Уинтер погасла, когда парень наклонился и что-то ей сказал. Она выпрямила спину и немного отстранилась, смущенно опустив голову.

Мои пальцы сомкнулись в кулак.

Затем Кай взял девушку за руку и протянул толстовку, чтобы она могла надеть ее. К моему большому удивлению Уинтер отрицательно покачала головой и отмахнулась от предложенной вещи, слегка улыбнувшись, чтобы не обидеть парня. Вместо этого она нащупала ладонью кирпичную колонну домика у бассейна и пошла в сторону дома.

Проводив Уинтер взглядом, он мельком глянул на меня. Я лишь покачал головой. Она не стала укрываться, зато покинула вечеринку униженной. *Отличная работа, придурок.*

Кай швырнул толстовку обратно на стол, а я продолжил следить за девушкой. Касаясь кончиками пальцев живой изгороди, она шла вдоль двора. Сколько времени ей требовалось, чтобы составить мысленный план нового места? Уинтер казалась вполне самостоятельной. Даже в школе. Разумеется, с родным домом она будет знакома лучше всего. Если она продолжит следовать вдоль живой изгороди до угла, то придет к черному ходу.

Поднявшись, я забрал толстовку Кая и покинул вечеринку, медленно спустившись с маленького холма, подальше от шума и любопытных глаз.

Уинтер направлялась к дому; зеленая листва шелестела от каждого ее прикосновения. Я надел толстовку, чтобы замаскировать свой запах, после чего нырнул в проход между кустами и оказался с обратной стороны изгороди.

Мое сердце внезапно начало громыхать в груди, когда я увидел ее белую майку среди листьев, всего в нескольких десятках сантиметров от меня. Вытянув руку, я тоже нащупал изгородь, закрыл глаза на мгновение и, следуя примеру Уинтер, двинулся вперед. Кровь зашумела в ушах, голова немного закружилась, мир будто накренился у меня под ногами.

Я открыл глаза, следуя дальше за девушкой без ее ведома.

Я мог легко споткнуться, и это меня раздражало, но я также знал, что это было не самое страшное при потере зрения. Я никогда не узнаю, каково приходилось Уинтер, потому что в любой момент мог вновь открыть глаза.

– Где он? – прошептал кто-то. – Он ведь хотел посмотреть, верно?

– Я не знаю... – Голос Арион затих, словно ее поцеловали.

Бросив взгляд вперед, я обнаружил ее с Марко между деревьев.

Он нагнул девчонку и сжал ее сиськи. Уинтер замерла как вкопанная с другой стороны изгороди, наверняка услышав то же, что слышал я.

– Сними свой топ, – распорядился Марко, но я не смотрел на него, заметив странное выражение на лице Уинтер. В нем смешались любопытство и страх, однако я не мог понять, что она ощущала острее. Надолго она задержится?

– Как я рад, что не взял Эбби с собой сегодня, – сказал Марко. – Я хотел кайфануть с чего-нибудь новенького.

Арион пискнула, стоны наполнили воздух вокруг нас. Рот Уинтер чуть приоткрылся, будто она собиралась либо сбежать, либо рассмеяться.

– Нам стоит поторопиться. Я не хочу, чтобы нас застукали.

– Оближи меня, – приказал Марко. – Сделай меня твердым, Ари.

Уинтер удивленно распахнула глаза, вероятно сообразив, что набрела на свою сестру, а потом послышался шорох расстегиваемой молнии...

– О да, – простонал парень. – Твою мать. Глотай его, детка. Глубже.

Стиснув челюсти, Уинтер сделала несколько шагов в сторону дома, а затем пустилась бежать.

Я улыбнулся. *Ну, ну, ну...*

Юркнув через очередной проход, я натянул капюшон на голову и медленно последовал за ней в темный пустой дом вдали от шумной тусовки.

Ее очень легко напугать.

Ох, как хорошо.

Глава 8

Уинтер

Семь лет назад

Я вздрогнула, сглотнув неприятный привкус во рту. *Черт, что она делала?*

Торопливо перейдя вдоль живой изгороди к кирпичной стене, я свернула направо и побежала к черному ходу. Повернув ручку, ворвалась в дом, захлопнула за собой дверь и заперла ее.

Желчь подступила к горлу. Зачем моя сестра это сделала? Во время вечеринки, в лесу? *Господи.*

Я не знала, что у нее есть парень. Ари не упоминала о нем после моего возвращения. Какого черта?

Все еще паникуя из-за услышанного, я прикрыла рот ладонью.

Это часто случалось? Другие люди тоже будут лапать друг друга на нашей лужайке всю ночь? От отвращения меня чуть не вырвало.

Может, если бы последние пять лет я провела здесь, в обычной обстановке, то не была бы настолько шокирована, но... проклятье. Кроме фильмов, видео на YouTube и редких разговоров по ночам с подругами в общежитии в Монреале, я ни с чем подобным не сталкивалась... Романтическим или типа того.

Надеюсь, ей хотя бы хватило ума взять презерватив.

Пройдя по кухне, я перешла коридор, обогнула перила и поднялась по лестнице. Музыка до сих пор гулко гремела где-то вдалеке. Я бы хотела остаться на вечеринке, но решила уйти еще до того, как услышала Арион с тем парнем в кустах.

Щеки у меня вспыхнули от смущения, когда я вспомнила парня, подошедшего ко мне несколько минут назад.

«У тебя футболка немного просвечивает», – запинаясь, пробормотал он мне на ухо.

В его словах не было недоброжелательности, но я все равно ощутила стыд.

Подавив порыв скрестить руки на груди, я попыталась сделать вид, что это пустяк. Я иногда чувствовала свои соски даже под лифчиками. Что тут поделаешь.

С его стороны было любезно предложить мне толстовку. Даже мило.

Я добралась до своей комнаты и слегка прикрыла дверь, на случай, если Арион приведет своего друга в дом. Все входные двери я заперла, чтобы никто из гостей не пробрался внутрь, но моя сестра знала, где спрятан ключ.

Сорвав с себя майку, я натянула спортивный лифчик и опять надела майку. Бюстгалтеры я носила практически постоянно, потому что генетика наградила меня щедрее, чем большинство танцовщиц, однако благодаря диетам и тренировкам слишком пышными формами я все-таки не обладала.

Стоило мне единственный раз обойтись без белья, как кто-то сделал замечание. *Великолепно.*

Я подхватила свои пуанты с комода, но остановилась и положила их обратно, вместо этого нащупав чешки. Затем открыла дверь, вышла из спальни и вытащила телефон из заднего кармана. Едва касаясь перил для поддержки, я нажала на верхнюю часть дисплея. В ответ мужской голос произнес:

– Десять-тридцать.

Арион проведет у бассейна еще несколько часов. У меня есть куча времени.

Пока я спускалась по лестнице, сзади внезапно скрипнула половица. Остановившись, я повернула голову.

– Арион?

Не слышала, чтобы она заходила.

– Арион, ты здесь? – снова позвала я, на сей раз громче.

Мне ведь не послышалось?

Сейчас везде было тихо. Никакого ответа не последовало. И новых скрипов тоже. Но мой пульс все равно участился. Я прислушалась на мгновение, перебирая в мозгу все возможные объяснения.

Домашних животных у нас не было.

Родители уехали.

В доме я находилась одна.

Может, это ветер?

Сжав свой сотовый, я нервно водила пальцем по углу экрана.

– Телефон, – произнес виртуальный помощник, когда я случайно нажала на иконку приложения. От неожиданности я вздрогнула. И в этот момент половица скрипнула опять. После короткой заминки я переступила с ноги на ногу. Пол снова заскрипел. Значит, это из-за меня? Оглянувшись, я наострила уши. Готова поклясться, что звук донесся сзади.

Я пошла дальше. Паркет нашего старинного особняка жалобно поскрипывал под моим весом, пока я спускалась по лестнице в небольшой бальный зал.

Все в порядке. Я только что зашла домой, а до этого все двери были закрыты.

Войдя в просторное помещение балльного зала, я отсчитала шаги и мысленно представила его, воскресив в памяти детские воспоминания. Стена слева, обращенная к фасаду здания, почти полностью состояла из огромных окон с длинными кобальтовыми шторами. Темный деревянный пол всегда сверкал в свете электрических свечей, установленных в массивной люстре на потолке. И я по-прежнему помнила белый камин у дальней стены, полку которого украшала к каждому Рождеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.